

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗНАНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Выпуск 3
Сборник статей

ISBN 978-5-4217-0261-0

9 785421 702610

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

41-71-07

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курганский государственный университет»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Выпуск 3

Сборник статей

Курган 2014

УДК 811.161.1'1 (082)
ББК 81
Ф 54

Ф 54 Филологические знания на современном этапе : сборник статей / отв. ред. И. А. Шушарина. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – Вып. 3. – 174 с.

В сборник вошли статьи российских, казахстанских, белорусских, польских и украинских ученых, посвященные проблемам современного состояния филологических знаний. В статьях рассматриваются актуальные вопросы, связанные с изучением языка в синхронии и в диахронии, в когнитивном, лингвокультурологическом, аксиологическом и системном аспектах, обращается внимание на прагматику языкового знания.

Издание адресовано филологам-преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется современным состоянием филологии.

Редколлегия:

канд. филол. наук, доцент И. А. Шушарина (отв.ред.)

канд. филол. наук, доцент Е. Е. Иванова

канд. филол. наук, доцент С. С. Кувалина

канд. филол. наук, доцент Р. П. Сысуева

ISBN 978-5-4217-0261-0

© Курганский
государственный
университет, 2014
© Авторы, 2014

СОВРЕМЕННАЯ ЭСТРАДНАЯ ПЕСНЯ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Е. А. Абросимова*

Феномен интертекстуальности привлекает к себе внимание многих исследователей, при этом все они сходятся во мнении, что особенности функционирования чужого слова зависят от типа текста. В текстах «большой литературы» интертекстуальные знаки обладают «конструктивной, текстопорождающей функцией», служат «механизмом метаязыковой рефлексии» [Фатеева 2007:38]; многоголосость создаёт сложные пересечения смыслов, придает тексту глубину и возможность разноуровневого прочтения.

Массовая культура несколько по-иному использует энергетический потенциал цитаты или поэтической формулы: отсылки к известному тексту может выполнять различные конкретные задачи: привлечение внимания, характеристика социального стереотипа, комический эффект, возникающий при снижении поэтического слова и др. [Гудков 2003; Соломина 2008]. Описана также ситуация «пустого» пересечения прото- и метатекста, которое ведет «к аннулированию каких-либо слагаемых источника» [Смирнов 1995:65]; подобное исследователи наблюдают, например, и поэзии пролеткульта [Левченко 2001].

При этом в лингвистике существует мнение, что интертекстуальность – критерий эстетической ценности произведения [Кузьмина 1999]. Видимо, по этой причине практически не исследованной с точки зрения категории интертекстуальности остается современная популярная песня. Этот жанр в основном привлекает внимание лингвистов своей стереотипностью, упрощенностью [Кудрявцева 2005], а такие черты мало совместимы с интертекстуальным анализом.

Однако эта упрощенность и даже примитивность, по нашему наблюдению, подкрепляется характерным набором и особым применением чужого слова. По-видимому, интертекстуальное поле массовой песни уместнее выделять параллельно с описанием картины мира данного жанра. Мы попытались проанализировать основные элементы языковой картины популярной песни и пришли к выводу, что интертекстуальные знаки, репрезентирующие категории пространства, времени и субъекта, неразрывно связаны с концептом «Любовь».

Как показала в своей диссертационной работе О.С. Кострюкова, «в современной популярной лирической песне доминирует концепт «Любовь», что обусловлено спецификой лирического жанра, обращенного к эмоциональной, личностной сфере адресата». Исследователь отметила, что данный концепт «воплощается в песенных текстах при участии традиционных для русского национального сознания символов и стереотипных образов» [Кострюкова 2007:19].

* Абросимова Екатерина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского.

С темой любви на современной эстраде, по нашему наблюдению, оказываются связанными все обозначения пространства и времени.

Наименования **пространства** практически всегда символизируют встречу влюбленных – реальную или желаемую. Таким пространством обычно становятся 1) место, где танцуют (клубы, тусовки): *В самом модном клубе / Крутятся пластинки, / Космополитен и веселые картинки, / Я тебя узнала, милый, я тебя узнала, / В самом модном клубе / С парнем зажигала* (Бьянка); 2) городские места (кафе, улицы): *Был обычный серый питерский вечер, / Я пошел бродить в дурном настроении, / Только вижу – вдруг идет мне навстречу / То ли девочка, а то ли виденье* (М. Леонидов); 3) природные ландшафты, традиционно предназначенные для отдыха (море, пляж): *Лазурный берег, горячий воздух, / Большие пальмы, и в разных позах на песок / Ложатся парни, они скучают, / Но мы порядок наведём* (Фабрика); 4) деревенский, скромный пейзаж (поле, берег реки): *Выйду в поле на лужок, / Я люблю тебя, дружок. / Ох, мамулюшка, прости, / Доченьку свою пойми. / Я сплету себе венок, / Его брошу в ручеек. / Может быть, он доплывет, / Где милой дружок живет* (Фабрика); 5) надземное пространство (Млечный путь, звезды, облака): *Мы с тобой по звездам идем, / Наша любовь и мы только вдвоем* (Блестящие).

Такая пространственная организация определяет и интертекстуальное поле массовой песни. Например, пространство 1 (место, где танцуют) характеризуется интертекстуальными знаками, обозначающими реалии клубной жизни. Чаще всего это спиртные напитки, одежда, музыка, танцы и связанные с ними ситуации: *коктейль Космополитен, арэнби наряд, модный бренд; Правильной тенденцией называют все сейчас: / Девять модных пареньков на десять грамотных девчат* (Бьянка), *Песня быстрая «its my life»* (Руки вверх).

При этом возникают своеобразные поэтические формулы, переходящие из песни в песню; так, для клубного пространства особенно характерна формула ‘двигай телом’: *Move you body, body! Shake you body, body! Стреляй глазами и двигай попой, двигай попой, зажигай.*

Другие типы пространства характеризуются собственными характерными интертекстуальными знаками, например, городские места – обозначение популярных столичных улиц, кафе и скверов; природные ландшафты – клишированные обозначения морских пейзажей (*синее море, лазурный берег*), а также фраза *укладываться штабелями* (о мужчинах); деревенский скромный пейзаж оказывается связанным с фольклорными или со стилизованными под фольклор текстами, например, с «Ночью перед Рождеством» («Песня подружек Оксаны» гр. Виа Гра); надземное пространство обозначается однотипными воплощениями

метафорической модели 'Любовь-небо': *А любовь – она в небе облачко (Фабрика), Ты несешь меня на руках, / И я уже в облаках (Блестящие), Отпустить любовь / В небо белым голубем (Дм. Колдун).*

Время в современной эстрадной песне является символом встречи. Так, время может быть обозначено как

1) время суток или этап привычного распорядка дня (вечер, обед, утро, день), когда происходит неожиданная встреча: *Ты напудришь нос, выйдешь на обед и за столиком в кафе ты встретишь его (М. Леонидов);*

2) время года, традиционное для романтических отношений, или атрибуты этого времени года (*весна, птицы летят, капель*): *Капелька на ладонь, / Ну вот и пришла весна, / Птицы летят домой. / Когда их встречала я, / Как же тебя ждала, / Как сильно тебя ждала (Бьянка);*

3) прошлое время, связанное с романтическими отношениями (*было супер, помнишь*): *Хали-галы, / паратруппер, / нам с тобой / было супер, / супер восемь, / хали-галы, / мы с тобой / всю ночь летали (Леприконсы).*

Таким образом, все типы пространства и времени так или иначе оказываются связанными с любовью или флиртом (*с парнем зажигала, наша любовь и мы только вдвоём, всю ночь летали* и т.д.). Обозначения хронотопа в песнях становятся максимально формульными, соответствующими фольклорно-литературной традиции.

Субъект эстрадной песни представлен в основном двумя типами.

Первый тип – это герой-романтик, который может занимать либо **позицию ожидания** (такой персонаж не передвигается в реальном пространстве и времени, а мечтает, видит сны или гадает: *Долетай / До седьмого неба. / Я ждала бы вечно, / Бесконечно; Снова звёзды светят на небе, / Ясный месяц за окном. / Покажи мне, друг мой, зеркальце, / Что мне в жизни суждено (Виа Гра); Для чего мне видеть эти сны? / Пусть замёрзнут слёзы до весны. / Ты, как ветер, прикоснись ко мне, / Как снежинка, я сгорю в огне (Блестящие);* либо **активную позицию** (это ищущий герой, преодолевающий препятствия). Препятствия могут быть связаны с городом: *От Лужников и до трех вокзалов тупо / Я обыскал залы и около десятка клубов. / Делал паузы в клубном хаосе, от Пресни до самой Яузы. / Было трудно в толпе людей так хорошо одетых, / В клубной тесноте вечернего банкета. / Где-то у Арбата, будет ли она там? (Каста); Я смотрю на тебя, / В телевизоре ты, а я на диване. / В городе N дожди, / Замыкание – бах! И встали трамваи. / Травма черепно-мозговая – моя любовь (Uma2rman) – или с природными стихиями: *Землю обойду, всю землю обойду, / Океаны и моря переплыву (Дм. Маликов), Через горы и моря / Я всю Землю обойду, / Не могу я без тебя, / Может, я тебя люблю (Dj Smash).**

Второй тип – это герой-весельчак, ищущий флирта: *Небо синее, глазки синие, / ножки стройные, тело – кайф. / Я балдею от девчонок; А на улице тепло, / А едем мы уже давно, / А где найти девчонок нам, / Двум весёлым пацанам?* (Руки вверх). Интертекстуальные знаки, создающие образы героев эстрадной песни, характеризуют в основном романтический тип. Как правило, цитируются вечные истории любви: *Дельфин русалку полюбил / Глубокой трепетной любовью. / Он чуткий сон её хранил, / Нёс жемчуга ей к изголовью* (И. Николаев); *Я, конечно, не Мастер, но жду Маргариту. / Вдруг она улыбнётся среди суеты. / Мастер и Маргарита – век наступил иной, / Но Мастер и Маргарита в каждой любви земной* (Л. Зиновьев – И. Николаев). Распространены имена эстрадных кумиров: *По-по-поконаплю, и к тебе доплыву, долечу, доеду, / Рядом с тобой поселюсь, ты будешь рада такому соседу! / Мы из России – народ простой, я те сразу скажу: / «Здорово!» / А ты улыбнёшься и скажешь мне: / «Я так ждала тебя, / Вова!» / Ума Турман / «Я так ждала тебя, Вова!» / Ума Турман* (Uma2rman), С. Зверев «Алла» (об Алле Пугачевой). Встречаются также расхожие фразы о любви: *Саша плюс Маша равняется Л...* (Премьер-министр) и отмеченные в диссертации О.С. Кострюковой отсылки к рекламным роликам, изображающие «переживания лирического героя на фоне реалий повседневной жизни» [Кострюкава 2007:16], например, *Я жду тебя... Сажусь на диван, включаю телевизор: «Здравствуйте, это операция «Тайд» или кипячение, Это тяжёлый труд, это не увлечение...». Где ж ты, моя милая? Птицей прилетай, да! Я скучаю* (Uma2rman).

В некоторых песнях герой не столько ищет любовь, сколько размышляет о жизни: *Так же, как и Я, Евгений Онегин ненавидел книжки о любви* (А. Зацепин); *Гоголь, Пушкин, Толстой целый мир зажигали, Полетел за звездой русский парень Гагарин!* (Любаша).

Второй тип героя часто связывается с излюбленным для популярной песни именем *Кайли Миноуг*, которая всегда наделяется признаками секс-символа: *Чмоки- чмоки- чмоки, / Я как Кайли Миноуги. / Чмоки- чмоки- чмоки, / Выжми мне все соки. / Забирай меня скорей, / Мой начальник не гей* (Шпильки); *Лежу курю, смотрю ТВ, / Люблю я разный там музон: / И поп, и рок, и R'n'b, / Но больше всех люблю Миноуг. На улице, где светят фонари, / На улице все девочки твои, / На девочках красивое бельё, / О ёклмн, чего ещё... тебе надо, Мигель? / Кайли Миноуг!* (Мигель).

В картине мира эстрадной песни основной мотив – отношения с противоположным полом. Такая организация основных элементов картины мира и формирует интертекстуальное поле эстрадной песни.

Интертекстуальные знаки в эстрадной песне в основном функционируют как стереотипные воплощения картины мира. Основную массу прототекстов составляют прецедентные феномены современности (популярные исполнители, атрибутика клубной жизни, реклама), а также несколько известных всем носителям русской культуры имен (Пушкин, Гагарин) и текстов («Мастер и Маргарита», «Евгений Онегин»).

На периферии интертекстуального поля эстрадной песни оказываются герои популярных мультфильмов (*Без тебя был уютный хаос / А ты влетел, словно Микки Маус*); расхожие фразы из литературы (*Кто нас хочет напугать, ну-ка все в сад!*), реалии современной политической жизни (*Аль-Каеды боевик*), имена модных писателей (*Всё было как в романах Коэльо*), стихотворение Н. Заболоцкого «*Меркнут знаки Зодиака*», вероятно, полюбившееся создателям песни нарочитой, жанрово обусловленной упрощенностью.

Кроме того, вероятно, можно говорить о сложившемся наборе поэтических формул эстрадной песни – устойчивых эпитетов и стереотипных метафор, заимствованных из фольклорно-литературной традиции (*синее небо, лазурное море, разбитое сердце, небесная любовь, обойти весь мир* и др.). Как показывает анализ интертекстуального уровня, текст современной популярной песни – типизированное образование. По-видимому, многообразие индивидуальных стилей и направлений отражается в большей степени на музыкальной и артистической составляющих синтетического жанра, тогда как словесный компонент стремится к определенному инварианту.

Функции, которые выполняют интертекстуальные знаки в эстрадной песне, на наш взгляд, иные, нежели в других текстах массовой культуры (рекламе, публицистике, телевизионных шутках и др.). Незначительными становятся традиционные функции привлечения внимания (в эстрадной песне эта роль отводится музыке, личности исполнителя, клипу) и пароля (все цитаты легко распознаются любым носителем языка). Не очень характерна для официальной (форматной) эстрады и комическая функция. Как нам представляется, общеизвестные, ставшие стандартными, штампованными, цитаты и поэтические формулы популярной песни используются не как чужое, а как свое слово. Интертекстуальные знаки функционируют как готовые стереотипные сюжеты, по большей части о любви, об отношениях между людьми. При этом достигается практически полный резонанс между текстом и слушателем, что, вероятно, прогнозируется продюсером, стремящимся сделать песню продаваемой.

Список использованной литературы

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. - 3-е изд., стереотип. – М. : URSS, 2007. – 280 с.

Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С 141–161.

Соломина Н.В. Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности (на материале письменных текстов СМИ, КВН и интеллектуальных игр): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.

Смирнов ИЛ. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. – 193 с.

Левченко М.А. Поэзия Пролеткульта: опустошение интертекстуальности [Электронное издание] / М. А. Левченко // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. – Томск, 2001. – URL: <http://proletcult.narod.ru/tomsk.htm> (дата обращения: 30.03.2014).

Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография / Н. А. Кузьмина; Науч. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 268 с.

Кудрявцева Н.Ю. Грамматические «аномалии» в текстах современной популярной песни // LINGUISTIC A JUVENIS: сборник научных трудов молодых ученых. Вып. 5. Дискурс и текст. – Екатеринбург, 2005. – С. 144-151.

Кострюкова О.С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кострюкова О.С. ; [Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина]. – М., 2007. – 24 с.

ОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ ОБЪЯСНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ НРАВСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА ОБУЧАЮЩИХСЯ

Н.В. Бабура*

Содержание работы по обогащению словарного запаса учащихся специфично. Оно представляет собой определенный список слов (словник), значение которых должно быть разъяснено детям и употреблению которых они должны быть обучены. Правильный подбор языкового учебного материала и выбор соответствующих приёмов его подачи – это важнейшие условия развития речи.

Содержание работы по обогащению словаря школьников лексикой нравственной семантики представляет собой некоторый перечень слов, отражающий представление носителей языка о нормах человеческой морали, о нравственном отношении человека к природе, к другим людям и самому себе. Словники распределяются по классам с учетом жизненного опыта детей и знаний о морали, полученных при обучении.

* **Бабура Надежда Викторовна** – учитель русского языка и литературы МАОУ СОШ № 10 города Тюмени. Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета Черницына Светлана Алексеевна.

Существует несколько способов (приёмов) семантизации слов (толкования лексического значения слова), которые делятся на две группы: основные и дополнительные. К основным приёмам толкования лексического значения слова относятся семантическое определение и структурно-семантическая мотивация. Семантическое определение включает в себя отнесение реалии к тому или иному роду явлений и перечень видовых признаков. Структурно-семантическая мотивация включает в себя лексическое значение исходного слова и перечень новых признаков реалии. Этот способ толкования (семантизация) лексического значения слова применяется к словам с достаточно ясной внутренней формой слова. Семантическое определение может быть применено к любым словам.

Дополнительные приёмы семантизации слов: сопоставление неизвестного слова с известным (использование синонимов и антонимов), контекст, наглядность. Эти приёмы семантизации раскрывают лишь одну какую-то сторону семантики слова или дают самое общее представление о лексическом значении слова.

Контекст (словосочетание, предложение, текст) нередко создаёт иллюзию понимания слова. Поэтому необходимо подбирать такой контекст, чтобы он позволял получать хотя бы самое общее представление о значении слова – знание о том, к какому классу предметов, явлений, процессов, качеств относят предмет, признак, действие, обозначение данными словами. Этого нередко бывает достаточно для понимания читаемого. Но для более чёткого понимания смысла слова и активного пользования им опора лишь на контекст имеет ограниченное значение.

Узкий диапазон имеет применение наглядности при объяснении смысла слова. Ограниченность этого способа находится в прямой зависимости с характером семантики слова: наглядно можно представить лишь конкретные предметы, явления и в очень незначительной степени процессы и качества.

Значительно большее применение находит сопоставление неизвестного слова с известным, имеющееся в словарном запасе школьника и хорошо знакомому ему. Для сопоставления используются синонимы и антонимы. Сущность этого способа заключается в переносе значения известного слова на неизвестное либо по сходству значений, если привлекаются синонимы, либо по противоположности, если привлекаются антонимы. Однако при использовании синонимов, когда одно слово толкуется через другое, невозможно понять разницу в значениях слов, а антонимы имеют далеко не все лексемы. Поэтому при семантизации незнакомого слова используется один из основных приёмов и ещё один-два дополнительных.

Выбор дополнительных способов семантизации слова зависит, во-первых, от того, в активный или в пассивный запас оно вводится; во-вторых, от типа лексического значения слова. Слова, предназначенные для введения в словарный запас учащегося, требуют не только разъяснения их смысла, но и раскрытия их лексической сочетаемости, а также сферы их стилистического употребления. Чтобы слово вошло в активный запас учеников, необходимо показывать его лексическую сочетаемость и сферу стилистического употребления. С этой целью нужно в каждом конкретном случае вслед за объяснением слова показать типы слов, с которыми рассматриваемые слова вступают в семантическую связь.

Чаще всего объяснение лексического значения слова строится на основе сочетания двух и более способов, и зависит это от типа лексического значения слова: конкретное или абстрактное, мотивированное или немотивированное, прямое или переносное, эмоционально окрашенное или эмоционально не окрашенное, нейтральное или стилистически окрашенное. Абстрактные слова семантизируются с помощью логического определения и мотивационного анализа, если рассматривается производное слово.

При работе над словами абстрактного значения хорошо зарекомендовал себя оносемантический прием словарной работы. Нравственность не может быть усвоена чисто внешним образом, путем простого «чтения морали». «Моральное воспитание начинается там, где перестают пользоваться словами, оно осуществляется **через силу примера**», – говорил А. Швейцер [цитируется по Болдырев 1978:34]. Следовательно, важнейшим средством нравственного воспитания является использование нравственных идеалов, созданных в культуре на разных этапах исторического развития, то есть образцов нравственного поведения, к которому стремится человек. Именно такие образцы вызывают чувственный отклик в душе ребенка. И многие ученые-педагоги придерживались мнения, что морально-нравственное воспитание начинается с такого непосредственного душевного порыва, чувства восхищения поступками других людей. Оносемантический приём является эффективным методическим приёмом, облегчающим усвоение лексического значения отвлечённых существительных морально-нравственной семантики. Этот приём позволяет реализовать одну из закономерностей усвоения речи: «Речь усваивается, если приобретается способность понимать лексические и грамматические языковые значения» [Автушко 1993:60]. Оносемантический приём объяснения лексического значения слов заключается в том, что семантика слова объясняется через знакомство сначала с самим предметом, явлением, материализованным в поступок, а потом – с его названием. В ходе работы над понятием читается текст, в котором описывается ситуация, где литературный герой проявляет то или иное качество, в результате осмысления ситуации это качество называют сами ученики.

Приведём пример.

Слово учителя:

- Существительное **совесть** означает: «чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом». Связано ли это понятие с понятием «нравственность? ... **Нравственность** – внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек. **Мораль** – один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе; этические нормы; правила поведения, определяемые нравственными качествами. **Этика** – система норм нравственного поведения человека или группы людей.

Какие качества человека имеют отношение к нравственности? Назовите их.

Грубый – некультурный, неучтивый, неудовлетворяющий нормам высоко развитой общественности. **Наглый** – дерзко беззастенчивый, бесстыдный. **Надменный** – самодовольно-высокомерный, кичливый. **Отзывчивый** – сочувственно относящийся к другим, готовый помочь в поступках. **Совестно** – стыдно, неловко от сознания неправоты или от чувства стеснения. **Стыд** – чувство, возникающее у человека при совершении им поступков, противоречащих требованиям морали, унижающих достоинство личности. **Смушение** – замешательство, смятение, волнение, связанное с утратой самообладания, внутреннего равновесия, состояние того, кто смутился, смущается. **Эгоист** – человек, проникнутый эгоизмом, то есть чрезмерно заботящийся о собственной пользе, выгоде, ставящий свои интересы выше интересов других людей.

Педагог читает рассказ Р. Коваленко «Коричневая роза».

Саши принёс в класс коробку конфет. На перемене раскрыл её и сказал ребятам: «Угощайтесь! У меня сегодня день рождения».

Все конфеты в коробке были одинаковые: шоколадные, без фантиков, и ровно столько, сколько ребят в классе. Только одна из них, та, что лежала посередине, выделялась. Она была самая большая, круглая, похожая на коричневую розу. Ребята подходили, и каждый брал себе из этой коробки конфету. Одни сразу, другие не очень решительно. Эту, других, наверное, привлекала самая красивая конфета. Но и они, подумав, не трогали её. И вдруг подбежала Любочка. Не раздумывая, схватила коричневую розу и съела её. И только тогда заметила, что все смотрят на неё. Никто ей ничего не сказал. Любочка сама поняла: это ведь у одного Саши сегодня праздник, и конфета в коробке была одна такая праздничная. Значит, кому она должна была достаться? Смутилась Любочка, покраснела, не зная, как теперь быть. Спасибо звонку с перемены – выручил.

Прошло уже два года с Сашиного дня рождения, а Любочка всякий раз краснеет, вспоминая эту коричневую розу. Казалось бы, ну что уж такого случилось? Ну, не совсем по-дружески поступила Любочка, себе выбрала самую лучшую конфету. Давно бы пора эту розу забыть.

Вопросы:

1. Какое чувство испытывала Любочка, когда заметила, что все смотрят на неё? (смущение, стыд)

2. Почему Любочка не могла забыть этот случай? (было стыдно, совестно; мучила совесть).

Таким образом, привлечение в качестве языкового дидактического материала существительных нравственной тематики важно как для обогащения индивидуального словаря учащихся, так и для их нравственного становления. Обогащение словарного запаса школьников лексикой, обозначающей нравственные понятия, является частью нравственного воспитания, осуществляемого в процессе изучения родного языка. Эта работа позволяет формировать у детей сознание связи с обществом, зависимости от него, необходимости согласовывать свое поведение с интересами общества.

Список использованной литературы

Автушко Л.И. Оносемантический прием объяснения лексического значения / Л. И. Автушко // Русский язык в школе. – 1993. – №3. – С. 59-60.

Болдырев Н.И. Нравственное воспитание школьников / Н.И. Болдырев. – М.: Просвещение, 1979. – 289 с.

Гурин В.Е. Формирование нравственного сознания и поведения старшеклассников: Педагогическая наука – реформе школы / В.Е. Гурин. – М.: Педагогика, 1988. – 320 с.

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВЫХ СТОППЕРОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

А. М. Басова*

Реклама является частью маркетинговой коммуникации, основная задача которой – распространение оплаченной информации о товаре в широком смысле слова (предмете, услуге – всего, что можно продать). Целью распространения рекламной информации является привлечение внимания к товару, формирование или поддержка интереса к нему со стороны потенциального покупателя. Таким образом, воздействие рекламы на человека является прежде всего манипулятивным. Маркетологи – специалисты по продажам – делают всё возможное, чтобы

* **Басова Анастасия Михайловна** (г. Тюмень) – магистрант филологического факультета Курганского государственного университета, научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент И.А.Шушарина.

привлечь внимание покупателя и продать товар, и в этом им помогают копирайтеры – создатели продающей рекламы. Они очень хорошо владеют понятиями *спрос, потребность, товар, деньги, обмен, сделка, рынок, сегмент рынка, поставщик, конкурент, потребитель, бренд*, знают, что внимание человека привлекают яркие наклейки и таблички, ростовые фигуры, выходящие за границы полки конструкции, однако зачастую не очень хорошо владеют изобразительно-выразительными средствами родного языка, не очень хорошо чувствуют стилистические особенности языковых единиц, поэтому стремление привлечь внимание к товару иногда приводит к речевым казусам. Так, например, в рекламе «*NISSAN QASHQAI. Автомат в подарок. Позволь себе больше!*» многозначная лексема *автомат* может восприниматься как минимум в двух значениях: 1) оружие; 2) автоматическая коробка передач. Первое из приведенных значений относится к общелитературной лексике, второе – к профессиональному жаргону. Возможность двойного понимания текста может вызвать его непонимание, а в данном случае – и внимание со стороны правоохранительных органов, так как в тексте можно усмотреть призыв к экстремистской деятельности: с автоматом как силовым аргументом, действительно, можно позволить себе многое.

Однако рекламу привлекательной делают не ляпсусы, а языковые единицы с положительной коннотацией. В нашей работе мы хотели бы остановиться на так называемых языковых стопперах или ай-стопперах (от англ. eye ‘глаз’ + stopper ‘пробка, затычка, пломба’, ‘затыкать, закупоривать’) – словах и словосочетаниях, способных остановить взгляд потенциального покупателя, обратить его внимание на рекламируемый товар или услугу. Без языковых стопперов рекламный текст «не цепляет», а следовательно, и не продаёт.

Языковые стопперы могут употребляться как самостоятельно (*Акция; Выгодно; Лучшая цена; Новинка; Подарок; Скидка*), так и внутри рекламного текста («*NISSAN QASHQAI. Автомат в подарок. Позволь себе больше!*; *Вода чистой воды; Королева минеральных вод; Оригинал всегда один; На100%ящая вода; Радость в каждой капле; Знак чистой воды; Сила чистой воды; Сила воды – эффект витаминов*).

Проанализировав значительное количество рекламных слоганов на русском и английском языках, мы выделили слова и словосочетания, на которые покупатель прежде всего обращает внимание. При этом русскоязычную рекламу мы исследовали потому, что заинтересованы прежде всего в продвижении товаров на российском рынке, а реклама на английском языке очень часто является прототипом русских рекламных текстов.

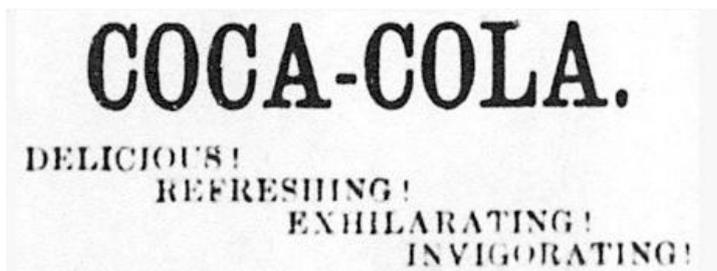

Рисунок 1

КОКА-КОЛА.

ВКУСНЫЙ!
ОСВЕЖАЮЩИЙ!
ВОЛНУЮЩИЙ!
БОДРЯЩИЙ!

Рисунок 2

Так, например, во всем мире известна американская пищевая компания Coca-Cola, заявившая о себе еще в 1886 году простой и непритязательной, на первый взгляд, рекламой: *COCA-COLA. DELICIOUS! REFRESHING! EXHILARATION! INVIGORATING!* (рис. 1; перевод – рис. 2). Эта реклама представляла собой обычный печатный текст, автор которого приглашал отведать новый тонизирующий напиток. Здесь нет ни вычурных шрифтов, ни цепляющих взгляд картинок – зрительных образов, ни словесных трюков. Вся реклама состоит из названия

продукта и четырех стопперов: *delicious* – вкуснейший, *refreshing* – освежающий, *exhilarating* – волнующий, *invigorating* – бодрящий. На первый взгляд, четыре обычных слова, но каждое из них нацелено на своего покупателя, каждое по-своему воздействует на человеческое сознание, вызывая положительные эмоции.

Первый стоппер оформлен прилагательным в превосходной степени сравнения: не просто *delicate* ‘вкусный, тонкий, нежный’ (и взрослые, и дети любят вкусное), а *delicious* ‘вкуснейший, тончайший, нежнейший’, то есть самый-самый. Остальные стопперы оформлены глаголами в так называемой инговой форме, обозначающие действие, совершаемое в момент речи. В русском языке им должны соответствовать действительные причастия настоящего времени. Получается, что все качества рекламируемого напитка проявляются сейчас же после его употребления: он обладает нежнейшим и тончайшим вкусом, освежает, волнует и бодрит. Качество *refreshing* ‘освежающий’ очень актуально для климатических условий местности, где начались производство и продажа напитка: в жаркую погоду всегда приятно хоть немного освежиться. Качество *exhilarating* ‘волнующий’ может интерпретироваться по-разному: чувство волнения наравне с чувством страха являются самыми яркими по восприятию и запоминающимся для человека эмоциями. Однако чувство волнения в отличие от страха зачастую вызывается положительными событиями, такими как волнение перед встречей с любимым человеком, волнение в ожидании праздника (что в дальнейшем реализуется и на других уровнях в рекламе компании). Наконец качество *invigorating*

‘*бодрящий*’ – бодрость после бессонной ночи или в конце рабочего дня – мечта каждого человека. Помня, что человек неосознанно переносит на себя содержание рекламы, мы получаем достаточно соблазнительную картину: «Если я выпью «Кока-колу», то получу не только удовольствие от вкуса, но стану бодрее, свежее и со мной случится нечто чудесное». Таким образом, главным становится утоление жажды с получением дополнительных бонусов. Несмотря на то, что в первой рекламе «Coca-Cola» не присутствует ни одного изображения, перед покупателем все равно предстает образ данного продукта. Слоган компании «Coca-Cola» является отличным примером ёмкости текста.

Эти и производные от них стопперы компанией Coca-cola не раз использовались и в дальнейшем: *Drink Coca-cola. DELICIOUS and REFRESHING* ‘Пей Coca-cola. ВКУСНЕЙШИЙ и ОСВЕЖАЮЩИЙ’; *It's the refreshing thing to do* ‘Освежающее – то, что нужно’; *Refresh yourself* ‘Освежи / обнови себя’; *My hat's off to the pause that refreshes* ‘Я снял шляпу, чтобы сделать паузу – хочу освежиться’; *Passport to refreshment* ‘Паспорт освежения’; *The pause that refreshes* ‘Освежающая пауза’; Освежись по-настоящему; *Праздник к нам приходит! Праздник к нам приходит! Веселье приносит и вкус бодрящий! Праздника вкус всегда настоящий!* При этом наиболее частотными являются производные от корня **fresh-** ‘свежий, новый, пресный, чистый, бодрый, натуральный, здоровый, неопытный’ и его префиксального производного **refresh-** ‘освежать, подкреплять, оживлять, заново снабжать припасами, охлаждать’.

В рекламе на русском языке стопперы с корнями **бодр-**, **вкус-**, **волн-**, **свеж-** обладают разной степенью производности и разной частотностью употребления.

Бодр-: *бодрый, бодрость, бодрить, бодрствовать.*

Вкус-: *вкус* ‘свойство, качество пищи, ощущаемое при еде’, ‘чувство красивого’, ‘склонность, интерес, пристрастие к чему-л.’, *вкуснота, вкусный, вкусненький, вкусно, вкуснее / вкусней, вкусить, вкуснотеево.*

Волн-: *волна, волнительный, волнующий.*

Свеж-: *свежий, свеж, свежест, освежение, освежать, освежи, освежиться, освежающий, освежАйс, свежесвыжатый.*

Больше всего рекламных слоганов создаётся с ай-стопперами, включающими в себя корни **вкус-** и **свеж-**.

Итогом нашей работы должен стать словарь языковых стопперов, используемых в рекламных текстах. На наш взгляд, целесообразно расположить в нём материал по гнездовому принципу. При этом ключевым должен являться корень стоппера, после которого следуют все однокоренные образования, встретившиеся в русских оригинальных и переводных рекламных текстах. Далее должны быть перечислены семы, которые воздействуют на потенциального покупателя.

Завершается словарная статья примерами рекламных слоганов, в которых реализуются стопперы. При этом мы не ограничиваемся одним-двумя примерами. Полную картину продуктивности стоппера можно обнаружить только в максимально возможном количестве контекстов. Для этого мы проводим сплошную выборку рекламных слоганов из всех доступных рекламосодержащих продуктов: газет, журналов, телепередач, рекламных щитов и т.д.

Пример словарной статьи

Свеж-: свежесть, освежение, свежий (свеж), свежо, освежать / освежить, освежиться, освежающий, освежаАйс, свежевывжатый. 'Новый', 'обладающий исходными свойствами'; 'только что появившийся', 'умеренно прохладный', 'чистый', 'приносящий бодрость', 'приносящий здоровье', 'приносящий хорошее настроение', 'приятный по ощущениям'.

Alldays. Чистота и свежесть! Целый день, каждый день! (гигиенические прокладки на каждый день «Alldays»); *Bref. Гигиена и свежесть вашего туалета* (гель для чистки туалета «Bref»); *Carefree. Мир твоей свежести* (гигиенические прокладки «Carefree»); *Carefree Aloe. Ощущение нежности и свежесть надолго* (гигиенические прокладки «Carefree»); *Fa. Зов свежести* (дездоранты «Fa»); *Fa. Наслаждение свежестью* (гель для душа «Fa»); *Mentos. Свежесть притягивает* (жевательная резинка «Mentos»); *Oras. Свежесть утренней росы* (смесители «Oras»); *Tic Tac. Изобилие свежести всего в двух калориях!* (драже «Tic Tac»); *Искусство сохранять свежесть* (холодильники «Liebherr»); *Ледяная свежесть для обжигающей близости* (драже «Eclipse»); *На страже чистоты и свежести* (чистящее средство «Туаленый Утёнок»); *Свежесть всегда с тобой!* (сигареты «Consulate»); *Свежесть для общения. Вкус для наслаждения* (леденцы «Рондо»); *Свежесть по максимуму!* (зубная паста «Colgate MaxFresh»); *Свежесть родника на вашем столе* (минеральная вода «Сарова»); *Свежесть. Свобода. Стиль* (компания по продаже климатического оборудования «Air Flow Engineering»); *Сладость и свежесть в двух калориях!* (драже «Tic Tac»); *Сохраните свежесть ощущений!* (холодильники LG GR-459); *Уверен в свежести дыхания – уверен в себе!* (мятное драже и жевательная резинка «Eclipse»); *Экономика свежести* (компания «Экспохолод»);

Освежение натуральной прохладой (вода «Святой источник»);

Fresca значит свежая (охлаждённая пицца в специальной упаковке «Fresca»); *Nescafe Classic. Глубокий свежий вкус* (кофе «Nescafe Classic»); *Свежая атмосфера* (кондиционеры Samsung G-Premium); *Свежая сила!* (непастеризованное пиво «Русич»); *Свежее дыхание облегчает понимание* (мятные конфеты «Рондо»); *Свежее решение* (жевательные конфеты «Mentos»); *Свежие идеи – зрелые решения* (судостроительный банк «СБ Банк»); *Свежие разведдан-*

ные для верных решений (газета «Ведомости»); *Шангри Ла. Свежая зелень круглый год* (казино «Шангри Ла», Москва); *Легка, свежа, красива – CoverGirl – всё достижимо!* (декоративная косметика «CoverGirl»);

Дирольно чисто и свежо (жевательная резинка «Dior!»);

Perrier освежает в самый горячий момент (минеральная вода «Perrier»);
Освежи свою страсть (пиво «Sol»);

...пора освежиться... (Пиво «Клинское»);

Лучшее от жевательной резинки и освежающих леденцов (драже «Smint»); *Освежающая лёгкость бытия* (квас «Веранда» компании «Очаково»);

ОсвежАйс! (жевательная резинка «Stimorol ICE»);

Свежевыжатый квас (квас «Ржаная корочка»).

Список использованной литературы

Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов / Н. Н. Кохтев. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 93 с.

Миронова А.А. Объявление есть двигатель торговли / А. А. Миронова. – Челябинск : Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2007. – 296 с.

Шатин Ю. В. Построение рекламного текста, 2-е изд. / Ю.В. Шатин. – М. : Бератор-Пресс, 2003. – 128 с.

ЛИНГВОЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Л. О. Бутакова*

Рассуждая о цели, характере и процедурах лингвистической экспертизы, необходимо акцентировать принадлежность данной разновидности текстового анализа к обширному семейству текстологических исследований. Это обуславливает перенос основного внимания с разговора о лингвистических методах анализа какого-либо объекта (например, текста, речи, речевого произведения, высказывания, слова), на выработку процедур исследования, оптимальных целям и задачам анализа, связанных между собой, поэтапно представляющих содержание анализируемого объекта. Это принципиально, т.к. в области филологического и лингвистического анализа текста в разных парадигмах наработан огромный методологический и практический материал.

Все это изобилие может быть приведено в определенную систему по принципу «методология анализа как следствие исходного взгляда на речевое произведение». Ощутимый прикладной эффект есть в тех методологических направлениях, которые исходят из понимания текста как цельного, связного, речевого произведения, обладающего стабильностью формы и динамичностью содержания, выражающего концептуальные, эмотивные, коммуникативные особенности

* **Бутакова Лариса Олеговна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского.

автора. Следовательно, текст – модель мира автора, облеченная в определенную речевую форму.

В. А. Пищальникова определяет художественный текст как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [Пищальникова 1984:3]. Если исключить примат эстетической мотивации, то данное понимание может быть распространено на любой тип текста.

Русская психолингвистическая школа при всей разнице позиций учёных в области текста объединена следующим посылом: текст – речемыслительный коммуникативный феномен, находящийся во взаимонаправленных процессах порождения / восприятия. С этих позиций текст триедин. Он – результат, продукт и процесс речевой деятельности, направленной на создание речевого произведения. Исследование текста со стороны говорящего и слушающего (автора и читателя) имеет целью раскрытие определенной части психологических механизмов текстообразования.

В психолингвистике разработаны процедуры описания текста в аспекте рецепции, в том числе с учётом воздействующего эффекта. Это означает, что экспертизу воздействующей силы текста или характера воздействия отдельных его фрагментов и / или структур допустимо производить с опорой на указанные достижения и по методологии, разработанной на их основе [Авдеенко, 2005; Бутакова, 2007:138-145].

С учётом указанных психолингвистических посылов нами была предложена методика исследования суггестивности текста (на материале текстов В. Пелевина) и выявлены психолингвистические особенности характеризующие «тёмные» тексты (по классификации В.П. Белянина). Эта отнесенность исследуемых текстов к «тёмным» типам текстов позволила сделать выводы о том, что писатель обладает чертами психики, свойственными личности с эпилептоидными акцентуациями и что его произведения окажут максимальное латентное воздействие именно на читателя с такими же акцентуациями.

Знаменательно, что творчество В. Пелевина содержит вписанную в структуры его произведений скрытую информацию-побуждение к приему наркотиков или их положительное позиционирование. Было обнаружено, как минимум, три способа вписывания такой информации:

1. Герои романов выполняют роли, имеющие суггестивное значение, т.е. позволяющее внушить человеку то, что замыслил говорящий. Причем герои-суггесторы на страницах произведений В. Пелевина употребляют наркотики.

2. Автор позиционирует наркотические вещества как средства стимулирования умственной деятельности и выхода в иной мир, способный изменить природу человека. Он применяет такие традиционные рекламные техники, как сравнительное позиционирование, использование лжи в акте номинации и оценочной лексики, описание приёма рекламируемого товара.

3. Автором используются приёмы группирования, применяемые в НЛП, что формирует принципиально иной взгляд на наркотики. Текст создает положительный образ наркотических препаратов, которые сравниваются с абсолютно безопасными веществами, продуктами питания, и даже витаминами.

Методика, применённая нами, включала следующие этапы:

Выявление смысловых доминант на основе определения доминантных речевых средств, позволяющих выделить ведущие смысловые поля текста, организуя целостное единство в процессе его эстетического восприятия. Поиск ведущих, доминантных речевых средств текста становится возможным после анализа его структурной, семантической и коммуникативной организации.

Определение эмотивной доминанты на основе установления ядерности / периферийности актуализаций эмотивных смыслов в структуре текста и выявление их иерархии.

Установление акцентуаций личности автора по тексту, определение специфики структур его сознания и состава концептуальной системы.

Установление семантической, языковой и структурной системности текста:

– через выявление его тематического набора объектов описания (тем) и специфики сюжетного построения;

– определение списка типовых семантических групп предикатов, с помощью которых характеризуются выбранные объекты материального, социального, ментального и эмоционального мира человека;

– вычленение набора распространителей предикатов, встречающихся в текстах одного типа, их смысловых наборов и соответствующих смысловых полей в текстах другого типа.

Установление характера и способов использования рекламных техник (сравнительного позиционирования, лексики с положительной оценочностью, лжи в акте номинации, скрытых перформативов).

Интерпретация суггестивного качества роли автора, повествователя, рассказчика, героя.

Выявление в тексте наличия мифологических мотивов и установление их характера.

Определение наличия ситуаций многосмысленности.

Установление использования процедуры рефрейминга и способов её осуществления.

Как видим, методика достаточно универсальна. Перестроив ее с учётом иного типа текста (например, агитационного, проповедческого и т.п.), можно получить методику анализа типового суггестивного текста и выявить, что внушается тем или иным речевым произведением, для какой аудитории можно прогнозировать наибольший воздействующий эффект.

Очевидно, что тексты, попадающие в руки лингвистов-экспертов, не всегда высоко эстетичны, как художественные тексты. Но это не значит, что они не обнаруживают специфики смысловой системы автора или характерные черты процесса речепорождения. Тексты теле-радио-передач, газетные и журнальные тексты могут рассматриваться с позиций выявления смысловых и эмотивных доминант, мест выражения повышенной экспрессии и т.п. Именно так приходится поступать, когда необходимо анализировать тексты, фигурирующие в делах о защите чести и достоинства человека.

В ходе экспертизы нужно обычно отвечать на вопросы: 1. Содержится ли в статье негативная информация об истце, его трудовой деятельности, личных, деловых и моральных качествах, в каких конкретных высказываниях или в каком контексте содержится негативная информация, и в какой форме она выражена – утверждения, предположения, вопроса или иной; 2. Если статья содержит негативную информацию, то воспринимается ли она как порочащая доброе имя истца, его честь и достоинство?

Чтобы ответить на такие вопросы, например, при написании экспертного заключения по статье «Милосердие по расчету», опубликованной 15 декабря 2005 г. в газете «Тарское Прииртышье», пришлось анализировать все стороны текстовой организации, включая гарнитуру шрифта, соотношение абзацев, заголовка, подзаголовков, позиционное распределение мест акцентного выражения доминантного смысла и доминантной эмоции и т.п. В результате комплексного анализа смысловой, коммуникативно-прагматической организации текста было установлено, в частности, следующее:

Смысл «милосердие ради выгоды, пользы, дохода» является смысловой доминантой текста статьи, т.к. этот смысл многократно вариативными средствами репрезентирован автором.

Для прямого обозначения смысловой доминанты текста автор использовал композиционные, графические, коммуникативные, стилевые приёмы. Указанные приёмы использованы для воздействия на эмоциональное состояние читателя, усиление впечатления достоверности передаваемой информации.

1) К композиционным приёмам относится помещение лексем, обозначающих данный смысл, в логически ударные места текста и в части, на которые обращается большее внимание читателя.

2) Графическим приёмом является выделение слов и высказываний крупным и жирным шрифтом.

3) Коммуникативным приёмом является изменение коммуникативной формы текста – введение прямой и косвенной речи героя – соседа «пострадавшей».

4) К стилистическим приёмам относится использование слов и синтаксических конструкций разговорного типа, имеющих негативные оценочные компоненты в своих значениях.

Косвенным образом в тексте передаётся смысл «социальный работник – преступник», «социальный работник – стяжатель и жестокий человек». К средствам актуализации первого смысла относится употребление в разных частях статьи слов лексико-семантической группы «преступление – преступник»: *жертва, криминал, мошенница, аферистка, заурядное мошенничество с элементами шантажа*. К средствам актуализации второго смысла относятся описания плохих условий жизни подопечной социального работника, предполагаемых действий конкретного социального работника, расширение этих действий на деятельность группы социальных работников, выполняющих свои обязанности из корыстных побуждений.

Прагматический уровень организации фрагмента текста содержит явно выраженную стратегию автора (говорящего) дискредитировать объект речи (социального работника), негативно оценить его деловые и моральные качества. Для этого использованы разные формы коммуникативной организации речи: предположение, утверждение, риторический вопрос, риторическое восклицание.

«Широкий контекст» – содержание всей статьи поддерживает основную эмоционально-смысловую стратегию и усиливает ее.

Таким образом, необходимость ответить на две небольшие группы вопросов повлекла за собой многосторонний лингвистический анализ большого газетного текста.

Обширный поуровневый анализ с последующим обобщением требуется в экспертной деятельности не всегда. Цель лингвистической экспертизы бывает разной. Это определяет ограничение или комплексность применяемых методов и приемов. Но при решении частных задач, например, когда необходимо прокомментировать выражение оценки, эмоции, экспрессии, оценить намерения говорящего оскорбить или унижить собеседника (объект своей оценки), исследоваться должно не слово или словосочетание, а пространный фрагмент текста (не только ближайшее окружение, контекст). Часто заголовок статьи (или подзаголовков раздела) задает эмотивно-оценочную и смысловую доминанту всего текста, а эксплицитных форм выражения дальше не следует. Если вычленивать конкретные слова или фразы (части высказываний), то анализ даст неполные или неверные результаты. Например, при проведении лингвистической экспертизы по фрагменту записанного текста телепередачи «Час новостей. Утро» ГТРК «Омск» «12 Канал» (ведущие М.В. Малькова, Е. Слепов), нужно было ответить на вопросы.

1. Содержит ли указанный фрагмент признаки конфликтного текста?
2. Есть ли в нем негативные номинации главного лица, о котором идет речь?
3. Отличается ли текст оскорбительным тоном по отношению к руководителю компании?
4. Содержит ли текст средства выражения негативной эмоции и оценки?

5. Есть ли в нем единицы, передающие информацию, способную опорочить честь, достоинство, деловую репутацию руководителя компании?

Отвечая на заданные вопросы, пришлось сначала подтвердить конфликтный статус текста, обратившись к юрислингвистической традиции, в рамках которой конфликтными признаются тексты, в которых воплощены стратегии конфронтации [Матвеева 2004:94]. Затем охарактеризовать стратегию говорящего, основываясь на прагматических особенностях текстов подобного рода – выражении в них стратегии дискредитации. После этого оценить характер стратегии по перлокутивному эффекту, состоящему в умалении достоинств адресата, его оскорблении, осмеянии. И только потом выявлять негативные номинации главного лица, о котором идёт речь, определять средства выражения негативной оценки и пр. Для ответов на вопросы 2-5 пришлось анализировать информационную сторону текста. Исследование информационной составляющей не дало бы результатов, если бы ему не предшествовал прагматический анализ. Общие выводы оказались следующими:

Одна из номинаций героя (объекта речи) автором является негативно оценочной и ироничной. Номинация *господин Марков* на фоне контраста стилистических, лексических, синтаксических средств становится выразителем косвенный негативной оценки, иронии.

Событийная информация, представленная в анализируемом фрагменте текста, изложена как утверждение негативных, противоправных действий объекта речи (руководителя предприятия), однозначно отнесена именно к нему, не содержит документального, фактографического подтверждения или ссылок на официальное мнение представителей правоохранительных органов.

Информационный компонент анализируемого фрагмента текста оформлен говорящим (автором текста) так, что актуализация разговорно-просторечного значения фразеологически связанного словосочетания *выдавать зарплату в конвертах* определяет истинность высказывания. Уверенность говорящего в распространённости такого значения и апеллирование к известности его широкому кругу адресатов не подтверждается данными словарей (даже словарей городского просторечия). Толкование семантики данного фрагмента на основе общеизвестного и закреплённого в словарях русского литературного языка значения его единиц не даёт права считать истинным утверждения говорящего по поводу действий объекта речи, попадающих в круг внимания правоохранительных органов.

Оценочная часть информационной составляющей фрагмента текста направлена на передачу иронии, негативного отношения в адрес объекта речи (руководителя предприятия), создать о нем ложное представление (полный текст экспертизы см. [Бутакова 2007:405-412]).

Если бы в экспертизе подобного рода были применены только частные методики анализа, например, компонентный анализ в его традиционных вариантах, вряд ли был бы получен столь убедительный результат.

Это заставляет задуматься о вкладе каждой частной методики в общее дело лингвистических экспертиз, о необходимости прибегать к функциональной грамматике, семантике, коммуникативному синтаксису, прагматике (интент-анализу, контент-анализу). А это – разновидности анализа смыслов, а не значений. Такой анализ требует выявления всего комплекса знаков текста / фрагмента, передающих тот или иной смысл. Средствами акцентуации смыслов могут быть порядок слов, тема-рематическое устройство, грамматические структуры, например, парцеллирование, неполнота высказывания, эллипсис и пр. Нельзя сводить лингвистический (в том числе экспертный) анализ текста к оценке только семантики слова (традиционной или функциональной). Эксперт работает с высказыванием, текстом, речью, а не словом, предложением, языком.

В связи с этим требованием выдвигается вперед известная дихотомия «значение – смысл». При соответствующем (динамично-функциональном) подходе к языку, речи, слову острота противопоставления снимается, т.к. «речевая ситуация уже исключает актуализацию всего значения, она актуализирует лишь то, что ситуативно важно для индивида, – смысл» [Пищальникова 2001:19].

В рамках этого подхода иной вид приобретает теория значения. Значение интерпретируется не как жестко заданная и неизменная для индивида семно-семная структура, а как устойчивая, но внутренне (принципиально) динамичная структура, реализующая определенный способ познания действительности, дискретизированный определенным звуковым образом, который поэтому и входит в значение, и символизирует его [Пищальникова 2001:28]. Эта принципиальная динамичность изначально предполагает наличие множества смыслов для говорящего.

Анализируя смысл высказывания, смысловую доминанту или смысловой набор текста, лингвист намеренно на базе известных значений языковых знаков интерпретирует смысловое содержание, подтверждая мнение о том, что знак «не вещь, а значение, выведенное из вещи на основе имеющихся когнитивных структур сознания. Слово как материальный репрезентант знака возбуждает значение и порождает смысл» [Пищальникова 2001:39].

Возникает вопрос: где лингвист-эксперт может получить сведения о реальном составе лексического значения слова? Традиционное собрание интерпретаций устойчивой, принятой языковым коллективом семантики – толковый словарь. Насколько полно и современно отражено лексическое значение в словаре? Относительно полно и не всегда современно. Этому есть много причин. Во-первых, традиционные толковые словари никогда не отражают всей полноты картины, поскольку не опираются на исследование языкового сознания, а содержат обобщение сем и семем, выведенное лексикографами на основе разновременной

и разножанровой картотеки. Во-вторых, составление словаря – кропотливый и долгий труд, поэтому словари отстают по времени от живых языковых процессов. В-третьих, словарь всегда отражает лексикографическую методологию определенного коллектива авторов и их теоретический взгляд на язык, речь, значение, языковой знак, следовательно, словник, структура словарных статей, способ подачи значения проявляют научную и человеческую картину мира авторского коллектива или отдельного автора. В-четвертых, многие смысловые компоненты не зафиксированы в словарях литературного языка в силу ограничительного действия нормы.

Специфика словарной ситуации диктует необходимость в экспертизах обращаться не только к «норме», но и к «узусу» или, если есть такая возможность, уточнять семантику по электронным словарям (например, электронному словарю иностранных слов), функциональным или традиционным грамматикам, синтаксическим словарям, словарям разговорной речи, городского просторечья, жаргона. Лингвист-эксперт должен учитывать все указанные факты, иметь представление о разнообразии словарей, не исключать из своей работы в случае необходимости и словари ассоциативного типа [Русский ассоциативный словарь 1997].

В идеале возможно проведение эксперимента. Прекрасно осознаю идеалистичность сказанного, т.к. экспериментальная работа требует дополнительных усилий, направленных на адекватный выбор участников по определенным возрастным, половым, социальным категориям, типа эксперимента (ассоциативный, семантический, на восприятие и т.п.), методики проведения.

Все сказанное имеет прямое отношение к другому типу анализа – выявлению структур языкового сознания и личностных качеств автора (по его речи или тексту). Здесь нужно исходить из того, что речевое произведение, существующее в любой форме, – порождение вполне определенного человека с определенным речевым развитием, т.е. уровнем сформированности языковой способности по возрасту и психотипу, а также уровнем речевой компетенции.

Речевая компетенция не случайно квалифицируется психолингвистами как когнитивная компетенция. Когнитивная интерпретация влечёт за собой признание существования совокупности оптимизирующих стратегий по обработке информации, вслед за этим – квалификацию когнитивной компетенции в качестве основы для языковой и коммуникативной компетенций. Это даёт право исследователям представлять речевой механизм человека в виде трёхкомпонентной взаимозависимой системы компетенций (когнитивной, языковой и коммуникативной). Развертывание этих методологических ходов в обратном направлении даёт возможность выстроить методику анализа речевой компетенции в когнитивно-психолингвистическом ключе.

Сложность / простота поставленной задачи определяет сложность / простоту процедуры экспертизы. Есть очень простые экспертизы: написание и произнесение вариантов имён, фамилий. В таких экспертизах легче всего объяснить разницу правописания по причине нейтрализации фонем в слабой позиции при произнесении. Например, легко было доказать, почему с позиций системы русского языка Афанасий и Афонасий – одно и то же имя.

Гораздо сложнее экспертизы, целью которых является определение скрытых оценок или намерений говорящего, построение личности говорящего по тексту, установление национальной нетерпимости / толерантности. Для методологических целей нами был проведён подробный анализ лингвистических и психолингвистических методик определения этноязыковой агрессивности, а затем – толерантности. Этот анализ был направлен на установление пригодности или непригодности того или иного типа процедур для прикладных исследований. Основные типы процедур для выявления агрессивности / толерантности имеют экспериментальную направленность. Эксперт при работе с речью или текстом в состоянии выявить средства языковой агрессии – вербальные компоненты соответствующих когнитивных структур, инструменты мышления, направленные, на провоцирование конфликтной ситуации, на негативное эмоциональное воздействие. И наоборот.

Психолингвистические идеи, смысловой доминанты текста, смысловой доминанты автора, эмотивно-смысловой доминанты текста, доминантных концептов концептосистемы автора работают в экспертном поле весьма успешно. Кроме того, прикладной результат даёт применение методики реконструкции авторского сознания по тексту, предложенной мною в докторской диссертации и последующих статьях. Эта методика выросла из всего сказанного. Это означает наличие определенного когнитивного, перцептивного, эмотивного, коммуникативного доминантного набора, который может быть выявлен через текст, по нему структурирован и описан как часть концептосистемы говорящего. Конечно, нельзя ставить знак абсолютного равенства между текстом – категорией авторского сознания – реальным человеком. Но реальный человек не может написать то, чего нет в его смысловой системе (это касается экспертиз текстов СМИ, телепередач, книг и пр.).

Авторское сознание определялось нами как выводимая из текста специфическая модель, относительно стабильное семиотическое отображение динамичной совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу подсистем (когнитивной, коммуникативной, эмотивной) концептуальной системы автора, репрезентированных в тексте, характеризующее сознание продуцента и сложные процессы его мышления в целом.

Мы исходили из того, что во всей текстовой организации мы сталкиваемся с гомоморфизмом как основным принципом выявления инвариантных смысловых и эмотивных компонентов, репрезентации составляющих любых когнитивных структур сознания автора.

Этапы моделирования:

1. Конструирование структуры ядерных и периферийных когнитивных структур (концептов) авторского сознания на основе вербальных единиц текста, акцентно представляющих субъективные смыслы, актуализирующие когнитивные признаки, оценка приоритетности смыслов, средств их репрезентации, способов и степени трансформации использованных для этого языковых единиц, привлечение для этих целей смыслового, семантического анализов, структурного фрейм-анализа.

2. Построение аналогичным образом эмотивно-смысловых компонентов, учет доминантной и производной эмоции текста, способов их преимущественной вербальной репрезентации, установление качества, степени, способов гомоморфного выявления инвариантных эмотивных смыслов, установление ядра и периферии смысловых и эмотивных полей текста, способов взаимоотношений когнитивных структур в их пределах с помощью семного и семантического анализов.

3. Моделирование структуры концептосистемы авторского сознания на основе выделенных концептов, выявления качества и форм осуществления вербальных, когнитивных, логических связей между ними с помощью семантического, концептуального, логического и «структурно-ситуационного» анализов.

4. Описание иерерхии когнитивных структур вербальных единиц текста на базе выявления способов представления их компонентов с помощью когнитивного анализа, определение доминантных и периферийных когнитивных признаков значений, актуализированных в тексте, оценка способов гомоморфного выявления инвариантных когнитивных компонентов, оценка семиотических стратегий автора.

5. Построение коммуникативной структуры текста, определение специфики коммуникативных моделей, установление ведущих и вспомогательных видов, форм основной и вспомогательной коммуникативной организации, использование коммуникативно-дейктического анализа форм коммуникативной организации повествования, на основе прагмасемантического описания дейксиса говорящего.

6. Сведение всех полученных схематичных представлений в единую модель авторского сознания по тексту на базе принципа гомоморфизма.

Апробация этой модели на текстах сочинений школьников и текстах СМИ показывает, что отдельные составляющие могут эффективно применяться не только в области «чистой» филологической науки.

Другой тип экспертного анализа – толкование неясных формулировок законов, актов, постановлений, инструкций, реестров оборудования и профессий, с чем не раз сталкивался лингвист. Там мы имеем дело с наиболее обезличенным и поставленным в рамки жанрового стандарта речевым произведением.

Вероятно, текст, попадая в систему речевых жанров, распространенных в правовом дискурсе, не становится юридическим объектом. Он был и остаётся речевым произведением, живущим по законам восприятия и порождения речевого произведения. Раз так, то в его основе лежит вполне определенная мотивация (см. теорию речевой деятельности). Вероятно, следует говорить о разнице мотиваций к речи юристов (и не только), порождающих такой текст, и тех, кто его воспринимает, и о том, что стоит за любым словом родного языка в сознании его носителя. Терминосистемы и терминосмыслы существуют в одном и том же сознании носителя, следовательно, смысловые пространства терминов и специальных знаков, пересекаются со смысловыми пространствами не-терминов. Добиться абсолютно ясного изложения юридического (как и любого другого специального текста) невозможно. Вероятно, нужно говорить о специфике смыслообразования в границах речевых жанров правового дискурса и о смысловых системах его носителей.

В лингвоюридических экспертизах важен «субъектный фактор». Спорные тексты, по поводу которых проводятся судебные разбирательства, требуют внимания именно специалиста-лингвиста. Это значит, что юристы, участвующие в процессе, также нуждаются в помощи лингвиста. Имею в виду то, что в ведение некоторых дел с использованием лингвистической экспертизы и показаний эксперта в суде требует подготовки самого юриста, т.к. последний не всегда может точно расставить акценты и правильно поставить вопросы по спорному речевому произведению и по тексту экспертизы. Лингвисты, работающие как эксперты, не всегда могут однозначно ответить на все вопросы, поставленные юристами в силу специфики текста или характера вопроса (особенно это касается экспертиз на выявление признаков экстремизма и разжигания национальной розни). Это должны понимать юристы. Лингвист работает только с текстом и не имеет права вмешиваться в правовые вопросы. Это должны помнить лингвисты. Качественная лингвоюридическая экспертиза требует от лингвиста высокой филологической квалификации, владения разными методиками анализа текста, обширных знаний в области психолингвистики, теории значения, теории текста и опыта применения этих знаний на практике, а главное – современных подходов к языку, речи, тексту, слову.

Список использованной литературы

Авдеенко О. Ю. Заговорные формулы в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах. Дис. ... канд. филол. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2005.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В. П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 246 с.

Бутакова Л. О. «Надо ли руководителю платить налоги?». Обобщение практики лингвоюридических экспертиз / Л. О. Бутакова // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: Межвузовский сб. научных статей. – Кемерово; Барнаул, 2007. – С.405-412.

Бутакова Л.О. Художественный текст в аспекте его суггестивных параметров: поиск оптимальной методики лингвистического анализа / Л. О. Бутакова // Текст и языковая личность. Материалы V Всероссийской конференции с международным участием. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007.

Матвеева. О.Н. К вопросу о юридизации конфликтного текста / О. Н. Матвеева // Юрислингвистика. Вып. 5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 370 с.

Пищальникова В.А. Общее языкознание : учебное пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 240с.

Пищальникова В.А. Проблема лингвоэстетического анализа текста / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1984. – 59 с.

Пищальникова В.А. Психопоэтика / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – 176 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002.

Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 192с.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛИЧНОСТНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ УКРАИНЫ

Л. А. Вознюк*

Устойчивые сочетания перифрастического характера как самостоятельное средство образно-описательной характеристики личности или явления имеет свои, отличные от других лингвистических единиц и художественных приемов, закономерности лексико-семантической организации, структурного строения и стилистического использования.

Рассмотрение фразеологических перифраз в стилистическом аспекте свидетельствует о том, что трактовка перифразы как стилистического средства, при помощи которого осуществляется замена однословного понятия описательным, оказывается шире понимания перифразы как тропа.

Ономасиологический подход к изучению устойчивых сочетаний перифрастического характера выявляет ряд существенных признаков, которые характеризуют перифразу как номинативную единицу и отграничивают ее от других структурно подобных единиц (свободных словосочетаний, составных терминов и т.п.).

* **Вознюк Людмила Анатольевна** – аспирант кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Григораш Антонина Михайловна. (Украина, Киев)

В соответствии с различными классификационными основаниями газетные устойчивые сочетания перифрастического характера делятся на личностные и неличностные, универсальные и индивидуально-авторские, метафорические и предметно-логические описательные и образные.

В современной публицистике доминирующей тематикой является человек и общество. Для анализа устойчивых сочетаний перифрастического характера мы привлекли тексты, представляющие все основные газетные жанры: сообщение, статья, репортаж, интервью, фельетон, очерк (эссе, мемуары, воспоминания), разного рода заметки, письма в редакцию. Современный фразеологический материал, содержащийся в той или иной мере в газетных текстах различных жанров, связан в основном с теми явлениями действительности, которые характеризуют человека и окружающий его мир.

Системный характер устойчивых перифрастических оборотов выявляется в возможности деления их по признаку соотносительности с внеязыковой действительностью на определенное количество групп, отражающих актуальные тематические сферы, в которых происходит собственно перефразирование. Тематический подход к определению состава фразеологических перифраз в современной русскоязычной публицистике Украины дал возможность выделить несколько разрядов, которые представляют собой типичные устойчивые перифрастические наименования общественных явлений, ситуаций, процессов, признаков, отношений, которые характеризуют человека и позволяют существенно дополнить картину современного мира:

1. Современные социально-политические процессы и явления, происходящие в Украине и в мире.
2. Экономическая ситуация в Украине и в мире.
3. Свойства и качества человека.
4. Поведение человека.
5. Интеллектуальная деятельность человека.
6. Духовная культура человека.
7. Физическая культура и спорт.

Состав устойчивых сочетаний перифрастического характера отражает современные социально-политические явления и процессы, происходящие в мире: экономическую ситуацию, характеристику человека, его поведение, интеллектуальную деятельность и духовную культуру, физическую культуру и спорт.

Однако подобная градация тематических групп устойчивых сочетаний перифрастического характера может быть более детальной и включать в себя следующие переносные наименования:

- 1) исторический персонал; 2) стран; 3) городов; 4) географических понятий; 5) профессий и видов деятельности людей; 6) учреждений, организаций и

т.п.; 7) абстрактных понятий; 8) политических понятий; 9) военных понятий; 10) медицинских понятий; 11) религиозных понятий; 12) понятий культуры и искусства; 13) спортивных понятий; 14) понятий социальных недостатков; 15) конкретных предметов машин и механизмов; 16) представителей фауны; 17) представителей флоры; 18) полезных ископаемых, химических веществ, минералов [Євсєєва 2002:9-10].

В нашем исследовании мы выделяем следующие тематические группы среди личностных устойчивых сочетаний перифрастического характера:

1. Политические: *«На самом деле – это просто Балоза, нацепивший шкуру Ющенко и пугающий страну. Пристроившись возле державного пасечника, чтобы поживиться гуманитарным медом, ему выгодно, чтобы тот был сильным и щедрым» («Сегодня», 27.01.07).*

2. Исторические: *«В селе Бречковка Полтавской области впервые за годы независимой Украины собираются установить памятник Ленину. Это будет не новый памятник вождю мирового пролетариата, а отреставрированный – гипсовый бюст, покрытый бронзовой краской» («Сегодня», 28.04.07).*

3. Спортивные: *«Олег Блохин покинул пост рулевого украинской сборной, установив новый ориентир для последователей: под его руководством «сине-желтые» провели 46 официальных встреч» («2000», 15.11.08).*

4. Музыкальные: *«О каком желании шла речь и что может «завязаться» у Ани Лорак с Филей – творческий тандем или, возможно, что-то еще, королева «Евровидения-2008» умолчала» («Комсомольская правда в Украине», 25.10.08).*

5. Устойчивые сочетания перифрастического характера, связанные с киноиндустрией: *«Знаменитому актеру Игорю Старыгину («Д'Артаньян и три мушкетера», «Доживем до понедельника», «Государственная граница» и др.) стало плохо ночью. Легендарного Арамиса мучил сильный кашель и супруга срочно вызвала ему «Скорую помощь» («Комсомольская правда в Украине», 06.02.08).*

6. Литературные: *«Нечуя-Левицкого называют украинским Флобером. Спектакль «Кайдашева сім'я» показывает модель взаимоотношений семьи не только в то далекое время, но и в наше» («Газета по-киевски», 19.09.07).*

7. Криминальные (включающие в себя и такое международное явление, как терроризм): *«Усаму бин Ладена уже шесть раз объявляли погибшим... Ну а «главный плохиш всея Земли» продолжает руководить «Аль-Каидой» по всему миру» («Газета по-киевски», 31.08.08).*

8. Устойчивые сочетания перифрастического характера, связанные с развитием моды: *«Знаменитая супермодель Наоми Кэмпбелл, похоже, не особенно*

заботится о своем сексуальном образе. Папарацци сумели запечатлеть **королеву подмошток на яхте в довольно неприглядном виде** («Жизнь как она есть», 11.08.07).

9. Устойчивые сочетания перифрастического характера, связанные с искусством: **«Александр Збруев стал талисманом своего времени. Он стал героем этого времени. Его талисманом. Его апостолом от театра и кино»** («Известия в Украине», 01.04.08).

10. Устойчивые сочетания перифрастического характера, связанные с шоу-бизнесом: **«Украинская Золушка продолжает свое наступление на Европу. Теперь тяжелую поступь Сердючки на себе почувствовали британцы – звезда туда прилетела на съемки нового телепроекта «Верка Сердючка в Европе». Лондон встретил народную проводницу неприветливо – преодолев четырехчасовой перелет, Верка с мамой приземлились прямо в туман»** («Сегодня», 05.12.07).

11. Профессиональные: **«Масла в огонь подлил скандал вокруг «отца пакистанской бомбы» Абдул Кадир Хана. В 2003 году у МАГАТЭ появились доказательства, что ученый передавал ядерные секреты Ливии Ирану и Северной Корее»** («Известия в Украине», 05.09.08).

Часто в составе перифразы сталкиваются слова различной сферы употребления или различной стилистико-эмоциональной окраски, что усиливает комическое ее звучание. В связи с этим следует отметить, что перифраза может возникать на базе других тропов: метафоры (**«зеленые легкие» столицы – Голосеево, Голосеевский лес** [Григораш 2012:104-105]), метонимии (**лучший друг детей – И. В. Сталин** [Мокиенко 2003:27]); синекдохи (**коридоры власти – правительство**). Перифраза в системе тропов занимает определенное место по отношению к понятию «эзопов язык», а также выступает как основа таких стилистических фигур, как эвфемизм и табуизм. В связи с этим одной из основных функций устойчивых сочетаний перифрастического характера является этикетная функция. Поскольку каждая разновидность публичной коммуникации предполагает определенные рамки общения, выходить за которые не принято, перифразы служат своеобразным барьером прежде всего между автором газетного текста и читателем. Например, традиционно непристойным в некоторых печатных органах Украины считается прямое наименование пьяниц, бомжей, проституток. Именно с представительницами последней «свободной профессии» связано особенно много устойчивых сочетаний перифрастического характера, часть из которых вошла в новые фразеологические словари: **жрица любви – проститутка** [Мокиенко 2003:31]; **уличная фея – проститутка** [Мокиенко 2003:131], причем оба эти устойчивые сочетания определяются В. М. Мокиенко как фразеологические инновации.

Современная газета стремится разрушить «официальность» изложения, придать ему экспрессивную окраску за счет изобразительно-выразительных элементов, в том числе и разговорных. Интересный и разнообразный материал для реализации важного конструктивного принципа языка газеты – сочетания стандарта и экспрессии – заключают в себе фразеологические обороты в целом и устойчивые сочетания перифрастического характера – в частности. Они повышают выразительность изложения, его образность, одновременно выполняя «стандартную» функцию, выступая как готовые речевые образцы. Обладая комплексом функционально-стилистических качеств, они используются как постоянное стилистическое средство в различных газетных жанрах.

Таким образом, сущность перифразы как стилистического приема состоит в контекстуальной замене однословного наименования описательным выражением. При этом в новообразованном устойчивом сочетании перифрастического характера на первый план выходит какое-либо качество описываемого объекта или понятия, и это качество (либо яркая отличительная черта) становится существенным в дальнейшем газетном контексте при описании конкретной политической, экономической, бытовой ситуации. Основное значение перифразы как стилистического приема – усилить выразительность газетного текста, действенность влияния его на читателя.

Список использованной литературы

Григораш А. М. Филология с географией : (на материале современной русскоязычной прессы Украины) : слов. географич. перифраз / А. М. Григораш. – К.: Знання України, 2012. – 479 с.

Євсєєва Г. П. Перифрази в мові сучасних газет (на матеріалі українських газет 80-90 років ХХ століття / Євсєєва Галина Петрівна : автореф. дис. ... канд. філол. н. : 10.02.01 – українська мова. – Дніпропетровськ, 2002. – 19 с.

Мокиенко В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. – Ополе: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. – 168 с.

СИНОНИМИЯ КАК СПОСОБ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА «ЛЕЧЕБНИКА XVII ВЕКА» И «ТРАВНИКА XVIII ВЕКА»

М.С. Выхрыстюк*

Один из способов семантического осмысления лексического состава текстов лечебников связан с анализом **синонимии**. Известно, что книжно-славянский язык – язык очень высоких синонимических возможностей. Достаточно вы-

* **Выхрыстюк Маргарита Степановна** – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева; ст. научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН.

сокой синонимией характеризовалась уже древнейшая основа его – язык старославянских памятников, что неоднократно было предметом исследования лингвистов Г. И. Белозерцевой (1966), С. П. Замковой (1975), Е. С. Копорской (1988). В XVI–XVIII вв. изначальный состав общенародного словаря многократно умножился и за счет собственных словообразовательных моделей, и за счет контактов с другими языками, и за счет влияния народного языка. Следовательно, увеличиваются и синонимические ряды. Исходя из данных анализируемого лексического материала, нами построено 80 синонимических рядов, включающих в себя как элементы книжно-славянского и разговорного языка, так и стилистически нейтральные.

Функционирование синонимов показательно на примере анализа языка рукописных текстов «Лечебника XVII века» (паспортный номер КП 12092) и «Травника XVIII века» (паспортный номер КП 1287), хранящихся в фондах редкой книги библиотеки при доме наместника г. Тобольска.

Особым видом междусловных семантических отношений является синонимия. «Явление синонимии, – по мнению исследователя языка «Тобольского травника XVIII века» А. П. Урсу-Архиповой, – усложнялось в исследуемую эпоху временным существованием старых и новых лексических элементов. В языке текстов источников синонимические отношения наблюдаются и среди однословных врачебных понятий, и среди апеллятивов, и среди терминологических сочетаний. Проявление синонимических отношений в подсистеме лексики врачевания объясняется тем обстоятельством, что анализируемая лексика не может быть определена как терминологическая в строгом смысле этого слова» [Урсу-Архипова 2005:101].

Слова, находящиеся в синонимических отношениях, образуют *синонимические ряды*: БЕЗГЛАСИЕ – БЕЗМОЛВИЕ – МОЛЧАНИЕ; БОЛѢЗНЬ – НЕЗДОРОВЬЕ – НЕДѢГЪ – НЕДОМОГАНІЕ – НЕМОЧЬ; ВРАЧЕВАНІЕ – ЛЕЧЕНІЕ – ВРАЧѢНІЕ; ВСЕДНЕВНѢИ – ПОСТОЯННѢИ – ЕЖЕДНЕВНѢИ; ЗАБОЛЕТЬ – ЗАНЕМОЧЬ – ОСЛАБЕТЬ; ИСЦЕЛИТЬСЯ – ПОПРАВИТЬСЯ; ВРАЧЬ – ДОКТОРЪ – ДОКТОРЪ и др.

В синонимические отношения с однословными апеллятивами и терминами вступает большинство терминологических и даже свободных сочетаний. Приведем в пример синонимические пары: БОЛѢСТЬ ВОДЯНАЯ – ОТТОКЪ; ВОДОПИТИЕ – ПИТЬЕ ВОДЫ; ДЕЛЬНѢИ – САМОСТОЯТЕЛЬНО СДЕЛАННѢИ; МОРОВО ПОВЕТРИЕ – МОР; ЕПЕЛѢСИЕВА БОЛѢСТЬ – ЭПИЛЕПСИЯ; ЖИЛТЫ – КРОВЕНОСНЫЕ СОСУДЫ; МЕНСТРОВО ТЕЧЕНИЕ – МЕНСТРОВЫ; МОКРИЦА – МОКРИЧНАЯ ТРАВА; ОТОКЪ ВОТЧНОИ – ВОДАНКА; ПЕТРѢШКА – ПЕТРОСИЛЕВА ТРАВА.

«В пределах одной тематической группы в синонимические отношения между собой могут вступать и терминологические сочетания, зависимые компоненты которых синонимичны. Иногда такой синонимический ряд включает в

себя и синоним-лексему, однако подобные трехчленные и более ряды в рукописном тобольском «Травнике XVIII века» редки: мадиамъ – мадыяна – медиянна – локтеваа вена; менстровы – манстровы – менстрово течение; свороборина – сварборина – сварабовина – дикая роза – шиповникъ; ѡздравить – ѡздравливать – вьыздоравливать и др.» [Урсу-Архипова 2005:110].

По семантике и стилистической характеристике все описываемые синонимические ряды можно поделить на абсолютные синонимы, синонимы идеографические и стилистические.

При анализе текста «Лечебника XVII века» и «Травника XVIII века» были выделены 80 синонимических рядов. Анализ лексики, наполняющей синонимический ряд, позволяет сделать вывод о том, что она различна по стилистической принадлежности: здесь и книжные варианты, и разговорные, и стилистически нейтральные. Показательны синонимические ряды, включающие в свой состав разностилевую лексику. Отметим, что разговорная лексика выделена курсором, славянизмы или показатели славянизмов в словах подчеркнуты одной чертой, а нейтральная лексика представлена без выделения: *бранитца*, *рвгатца*; *зачать*, *начать*; *бѣде*, если, *ежели*, *кабы*; *ведать*, *знать*, *понимать*; *взвити* (на *полокъ*), *взобратьса*, *вскарбкаца*; *дабы*, *чтобы*; *дать подпискѡ*, *подписатьса*; *дома*, *строе-ниа*, *жилые*, *хоромины*, *хоромы*, *жилые покои*, *избы*; *ѣда*, *кѡшанне*, *пица*; *какое*, *коликое*; *какомѡ*, *каковомѡ*; *нахождение*, *прѣбывание*; *люди*, *обыватели*, *крестьяне*, *жители*; *недопустительно* (*держать*), *крепко*; *нынѣ*, *нынѣ*, *нынче*; *оные*, *они*, *те*; *оборонить*, *защитить*, *заслонить*, *ѡберечь*; *один*, *единоличныи*, *одинокий*, *единственныи*; *одяние*, *одежда* .. *одежа*; *оттяжить*, *отобрать*, *отнять*; *повсягодные*, *вселе-тные*, *всегдашние*; *поеликѡ*, *посколькѡ*; *понеже*, *поѣтомѡ*; *потребно*, *надобно*; *смирение*, *ѡсѡужение*; *також*, *также*, *тоже*; *правдивыи*, *праведныи*, *действительныи*; *явствовать*, *значиться*, *показывать*, *ѡказывать*.

В эпоху Петра I, в период становления делового языка, в России появилось множество коллегий, канцелярий, контор с привлечением к чиновничьей деятельности представителей среднего и низшего сословия. Это способствовало демократизации старого приказного языка. Разговорная речь проникает даже в приказы, указы, реестры, не говоря уже о текстах неделового характера. Писцы писали на том языке, который слышали вокруг себя, забывая порой о необходимых штампах, формулах, правилах. Понятные, родные слова способствуют пониманию всего текста, а элементы книжности, славянизмы свидетельствуют об официальном, деловом его назначении.

Рассмотрим с точки зрения стилистической принадлежности один из приведенных синонимических рядов. В памятниках письменности Западной Сибири XVII–XVIII вв. для передачи понятий «жилыя постройки, жилые помещения»

употреблялись слова *хороминьы, дома, избы, жилые строения, жилые покои, жилые хоромы, хоромные строения*.

Слова *хоромы* как лексикализовавшейся формы мн. числа в словаре И. И. Срезневского нет, но представлены слова *хоромъ, хоромина, храм, храмина* при этом только слова с восточнославянским полногласием отмечены в качестве наименований дома, комнаты и целого строения [Срезневский 1893:697–698]. У В. И. Даля к слову *хоромы* приведены два значения: ‘жилые деревянные строения’ и ‘большое деревянное жилое строение, просторный дом’ [Даль 2002: IV:696]. В анализируемых текстах рассматриваемого периода народно-разговорное слово *хоромы* употребляется в том же значении и с одинаковой частотностью, что и общеупотребительное, нейтральное слово *домъ*.

В употреблении слов *хоромы* и *хоромины* в текстах мы не находим никаких различий. Лишь сочетание *-оро-* указывает на исконно русскую основу. Суффикс *-ин-*, на наш взгляд, утратил значение единичности. Значение «жилая постройка» у слова *хоромы* в нашей выборке отмечено в единственном случае, когда на это значение указывает определение *жилые*: «...по сентябрь мѣць хоромы жилые ... не топить» [I, л.78]. По-видимому, *жилые хоромы* – тавтологичное словосочетание, т. к. в значении слова *хоромы* уже заложено понятие *жилые*.

Следует отметить также употребление словосочетания *хоромное строение* для обозначения всей жилой постройки: «...хоромное строение не топить...» [I, л. 78]. Для названия жилых помещений в текстах «Травника...» и «Лечебника...» часто употребляются и другие словосочетания: *жилые дома, жилые строения, жилые покои, жилые хоромы*. Все подобные словосочетания, состоящие из двух компонентов, в текстах, независимо от жанрового состава, были характерны, по-видимому, прежде всего для письменного языка и менее показательны для живой разговорной речи.

Отличное от остальных слов лексическое значение имеет слово *изба*. В западносибирских текстах XVII–XVIII вв., по утверждению Л. Г. Панина, оно употреблялось исключительно для обозначения жилого помещения, кухни, где готовили пищу. То есть, преимущественно в избах жили крепостные крестьяне. Если в избе печь топилась без тяги, «по-черному», такую избу называли «черной» [Панин 1985:132],

Особняком стоят примеры, где слово *изба* называет отдельную постройку, состоящую из отдельного помещения. В единичных примерах прослеживается этимологическое значение данного слова, являющегося праславянским заимствованием из германского языка для обозначения постройки, первоначально использовавшейся в качестве бани. Но связь с этимологическим значением ограничивается именно тем, что западносибирская *изба* называет отдельную постройку:

«...чтобъ въ избахъ и въ надворныхъ печахъ чищенье труѣ происходило по надлежащему» [I, л. 44].

Рассмотрим с точки зрения стилистической принадлежности другой синонимический ряд, исходя из содержательного плана памятников – *болесь, болезнь, болячка, боление, недомогание, недугъ, нездоровье, немощь, слабость*: «...отъ того хлѣбания творитъ болѣзнь спинѣ» [II, л. 34 об.]; «...всякъю болячку въ лѣнѣ здравливаетъ» [II, л. 37 об.]; «...кои водянымъ проходомъ мочатся по каплѣ и тѣ болѣзнь докторы именуютъ брідости станевирія» [I, л. 37 об.]; диагноза «здоров»: «...здравливаетъ, здравитъ, здравъ бѣдетъ, нечистотѣ изгонитъ, бѣдетъ здоровъ, поможетъ, бѣдетъ помощь, немощь отидетъ, болѣзнь выведетъ, скорби исцѣляетъ, исцѣляетъ: «здравливаетъ отъ тоя болѣзни» [II, л. 37 об.]; «навари крапивы съ виномъ на тоще срдцѣ пей, и здравъ бѣдетъ» [II, л. 24]; «...пить на тоще срдцѣ здравъ бѣдетъ» [II, л. 26 об.].

Рассматривая последующие синонимические ряды, приходим к выводу о том, что они в большинстве своем состоят из слов книжно-славянских, народно-разговорных и нейтральных.

Список использованной литературы

Источники

I Лечебникъ XVII века», рук., фонд библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска (паспортный номер КП 12092).

II «Травникъ XVIII века», рук., фонд библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска (паспортный номер КП 1287).

Научная литература

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 7-е изд., стереотип / Н. Абрамов. – Москва: Русские словари, 1999. – 431 с.

Белозерцева Г.И. Соотношение книжно-славянских и народно-разговорных элементов в древнерусском литературном языке XVI–XVII вв. (на материале образований с *из-* - *вы-* просторечного значения : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г.И. Белозерцева. – М., 1966. – 22 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 2002.

Замкова В.В. Славянизм как историческая категория в русском литературном языке XVII века / В. В. Замкова. – Л.: Наука, 1975. – 180 с.

Копорская Е.С. Семантическое развитие слова и функционально-стилистические сферы языка / Е.С. Копорская // Язык: система и функционирование. – М.: «Наука», 1988. – 120 с.

Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII – первая половина XVIII века) / Л.Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1985. – 204 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – Том 1. – 1893. – 771 с.

Урсу-Архипова А. П. Травник XVIII века как лингвистический источник (на материале памятников библиотеки редкой книги при музее-заповеднике г. Тобольска) : дисс. ... канд. филол. наук / А.П. Урсу-Архипова. – Челябинск, 2005. – 240 с.

PORÓWNIANIA W *OGNISTYM ANIELE* WALEREGO BRIUSOWA

R. Gajda*

Аннотация:

Статья «Сравнения в романе «Огненный ангел» Валерия Брюсова» посвящена рассмотрению функционирования экзотизмов и сравнений в историческом романе В. Я. Брюсова. Материалом исследования послужил роман В. Я. Брюсова «Огненный ангел». Объектом исследования стали экзотизмы и сравнения, представляющие интерес в связи с функционированием их в романе с точки зрения семантики, концептуализации и символизации. Цель данной статьи – описание состава и особенностей функционирования экзотизмов и сравнений в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел», установление закономерности использования В. Я. Брюсовым данной лексики как имен концептов культуры, исторически сложившихся констант мировой культуры, символов в художественном пространстве его произведения.

В настоящей статье, рассматривая экзотизмы и сравнения, учитываются следующие факторы:

- 1) критерии отбора В. Я. Брюсовым заимствований на страницах произведения;
- 2) состав заимствованной лексики в историческом романе В. Я. Брюсова;
- 3) роль заимствованной лексики в создании особого исторического колорита романа;
- 6) культурно-историческая символизация;
- 7) мастерство В. Я. Брюсова в использовании заимствований и сравнений, сущность данных слов;

Интерес к теме вызван вниманием к В. Я. Брюсову как языковой личности, с одной стороны, с другой стороны – к сравнениям и экзотизмам как лингвистическому и общекультурному явлению в частном проявлении – языке исторического романа Брюсова, а также как средству воплощения мысли автора.

Wśród porównań wyraźnie wyodrębnia się kilka grup tematycznych. Najobszerniejszą spośród nich tworzą porównania mitologiczne (odwołania do mitów greckich i rzymskich) oraz biblijne. Briusow przywołuje w tekście utworu:

Postaci ze Starego Testamentu

- Lot, Noe, Goliat, Mojżesz, Dalila

Postaci z Nowego Testamentu

- Syn marnotrawny

Postaci z mitologii greckiej

- Niobe, Marsjasz, Faeton, Scylla, Odyseusz, Parys

Postaci z mitologii rzymskiej

- Fortuna, Minerwa, Herkules

Daje się przy tym zauważyć znaczna przewaga odwołań starotestamentowych i motywów, nawiązujących do mitów greckich. Spowodowane jest to zapewne faktem

* Gajda Radosław (Гайда Радослав Евгеньевич) – кандидат гуманитарных наук, преподаватель Педагогического университета им. Комиссии народного образования в Кракове (Польша, Краков).

późnego przetłumaczenia pozostałych tekstów na język rosyjski (oficjalna wersja *Biblii* akceptowana przez Cerkiew Prawosławną pochodzi z XIX w.) [Шифман 2001:12]. Wcześniej w IX wieku na język staro-cerkiewno-słowiański przekładu fragmentów *Biblii* dokonali Cyryl i Metody [Лихачев 1987:68]. Rozdział XIV *Żywotu Konstantyna* informuje o tym, jak Konstantyn po podjęciu się misji wielkomorawskiej i ułożeniu alfabetu zaczął tłumaczyć *Ewangelię według św. Jana*: „Na początku było Słowo...”. Byłoby to wobec tego pierwsze zdanie piśmiennictwa słowiańskiego. Oznacza to równocześnie, że Konstantyn rozpoczął swą działalność translatorską od tłumaczenia *Ewangeliarza* Kościoła bizantyjskiego. Z XV rozdziału dowiadujemy się, że Konstantyn wkrótce po przybyciu na Morawy przetłumaczył najważniejsze księgi liturgiczne i nauczał swoich uczniów liturgii godzin i ceremonii mszy. W rozdziale XV *Żywotu Metodego* czytamy: „Po tym zaś wszystkim, porzuciwszy wszelki zgiełk życia i troski swe Bogu ofiarując, posadził spośród uczniów swoich dwu kapłanów bardzo szybko piszących i przełożył najpierw w krótkim czasie całkowicie wszystkie księgi Pisma Świętego z wyjątkiem *Machabejskich* z języka greckiego na słowiański w ciągu ośmiu miesięcy, począwszy od miesiąca marca do dwudziestego szóstego dnia miesiąca października. Ukończywszy zaś tę pracę złożył Bogu należne dzięki, że dał mu łaskę i powodzenie, i odprawivszy ze swoim duchowieństwem uroczystą liturgię, oddał cześć pamięci św. Dymitra. Pierwej bowiem był przełożył razem z Filozofem (tzn. z Konstantynem) tylko *Psalterz*, *Ewangelię*, wraz z *Dziejami Apostolskimi* i *Listami Apostolskimi* i wybranymi modlitwami liturgicznymi. Wtedy też i nomokanon, czyli reguły prawa (świeckiego i kościelnego) i księgi Ojców przełożył”. Wynika z tego, że za życia Świętych Braci przetłumaczono całą *Biblię*. Nie ma jednak dowodów, że to bracia soluńscy dokonali przekładu *Starego Testamentu*. Współcześni badacze wyrażają przypuszczenie, że przetłumaczono jedynie fragmenty występujące w liturgii godzin. Głównym powodem sceptycyzmu jest przede wszystkim duża objętość *Starego Testamentu*. Zdaniem Franciszka Waclawa Mareša wątpliwości tego rodzaju nie są jednak uzasadnione [Mares 1994:34-35]. Założmy „pesymistycznie”, pisze badacz, że słowa „Ewangelia wraz z Apostołem” w XV rozdziale *Żywotu Metodego* odnoszą się tylko do lekcjonarza (tzn. do perykop z *Ewangelii*, z *Dziejów Apostolskich* i z *Listów Apostolskich*) i że Metody musiał przetłumaczyć także te części *Nowego Testamentu*, które nie bywają odczytywane w trakcie liturgii. Do tego dochodzi jeszcze cała ostatnia księga *Nowego Testamentu* – *Apokalipsa (Objawienie św. Jana)*, ponieważ m. in. ta biblijna księga w liturgii bizantyjskiej nie jest czytana, i cały *Stary Testament* z wyjątkiem *Psalterza* i *Ksiąg Machabejskich* (Kościół Wschodni wahał czy przyjąć *Księgi Machabejskie* do kanonu biblijnego). Celem zobrazowania wysiłków Metodego jako tłumacza wyjdźmy dla porównania od synodalnego wydania nowo-cerkiewno-słowiańskiej *Biblii* (Moskwa 1892, format 29x23 cm, 1131 stron). Z zestawienia wynikałoby, że w ciągu ośmiu miesięcy Metody przetłumaczył około 896 stron tekstu. Jeśli

odliczymy wszystkie niedziele i święta Kościoła Wschodniego, okaże się, że na każdy dzień przypada cztery i pół strony tekstu, co byłoby całkowicie realne [Mares 1994:36].

W IX wieku Bracia Cyryl i Metody przetłumaczyli *Biblię* na język zrozumiały także dla mieszkańców Rusi. Ich tłumaczenie upowszechniało się wśród Słowian wschodnich i w rezultacie sprzyjało rozwojowi chrześcijaństwa na zamieszkiwanych przez nich terenach. Do czasów współczesnych nie zachował się ani jeden egzemplarz pierwotnego tłumaczenia *Biblij*, jednakże miało ono zdecydowany wpływ na powstawanie kolejnych.

W XV wieku Genadiusz postawił sobie zadanie zebrania wszystkich ksiąg *Pisma Świętego* w jedną *Biblię* w języku słowiańskim. Zorganizował w związku z tym poszukiwania poszczególnych fragmentów *Biblij* w monastyrach i soborach. Niektórych ksiąg nie udało się odnaleźć i były one tłumaczone z łacińskiej *Wulgaty* przez Benjamina. Oryginalny egzemplarz *Biblij* Genadiusza zachował się do naszych czasów, a jego język zaczęto nazywać cerkiewno-słowiańskim [Deanesly 1920:24].

Warto zaznaczyć, że *Biblia Brzeska* (nazwa pochodzi od miejsca wydania; inne nazwy: *Biblia Radziwiłłowska* – od nazwiska fundatora i *Biblia Pińczowska* – od miejsca dokonania tłumaczenia) to drugi (po katolickiej *Biblij* Leopoldy) przekład całości *Pisma Świętego* na język polski, dokonany przez polskich kalwinów w 1563. Jest to jednocześnie jeden z pierwszych na świecie nowożytnych przekładów całej *Biblij* z języków oryginalnych: hebrajskiego i greckiego (posiłowano się także wersją łacińską).

Wydrukowana została w Brześciu Litewskim w nakładzie około 500 egzemplarzy przez Cypriana Bazylika we wrześniu 1563. Stała się ona podstawowym dziełem w zbiorach ewangelickich na terenie Wielkiego Księstwa i Korony. Nie wydano jej ponownie w całości; częściowe wznowienia miały miejsce w 1564 w Brześciu (Psałterz), 1580 i 1593 w Wilnie (Nowy Testament) oraz 1585 w Toruniu (Ewangelie i Dzieje Apostolskie) [Szwejkowska 1975:129].

W pierwszej połowie XVI wieku mieszkaniec Połocka, doktor medycyny Franciszek Skoryna, dokonał nowego tłumaczenia wszystkich ksiąg *Starego Testamentu* na współczesny sobie zachodnioruski język pisany. Przekład z łacińskiej *Biblij* Hieronima wydrukowany został w 1517–1525 w Pradze i Wilnie. Od pojawienia się na Rusi drukowanego *Pisma Świętego* zaczęto publikować księgi liturgiczne w języku cerkiewnosłowiańskim. W 1564 roku Iwan Fiodorow wydał *Apostol*, do którego weszły *Listy Apostolskie*. W 1581 roku ogłoszona została wydrukowana *Biblia* cerkiewnosłowiańska. Wydrukowano ją w Pradze i we Wilnie. Z polecenia cesarzowej Elżbiety w 1751 roku została wydana poprawniona *Biblia* cerkiewno-słowiańska, tak zwana «Elżbietańska» (prace nad tym wydaniem rozpoczęto jeszcze w 1712 roku z polecenia Pio-

tra I). Jej tekst porównany został z dawnym greckim tłumaczeniem – *Septuagintą*. *Biblię Elżbietańską* do dnia dzisiejszego rosyjska cerkiew prawosławna wykorzystuje praktycznie bez zmian.

W 1813 roku powstało Rosyjskie Zgromadzenie Biblijne, które postawiło sobie za cel drukowanie i rozpowszechnianie ksiąg *Pisma Świętego*. W 1815 roku, po powrocie z zagranicy, imperator Aleksander I nakazał umożliwienie Rosjanom czytania słowa bożego w języku ojczystym. Odpowiedzialność za przygotowanie tłumaczenia *Pisma Świętego* wzięło na siebie rosyjskie zgromadzenie biblijne. W 1818 roku opuściło drukarnię pierwsze wydanie czterech *Ewangeli*, równoległe w języku rosyjskim i cerkiewnosłowiańskim, a w 1822 roku po raz pierwszy wydany został rosyjski *Nowy Testament*. W drugiej kolejności rozpoczęto tłumaczenie ksiąg Starego Testamentu.

Niektórzy przedstawiciele wyższych władz cerkiewnych przejawiali negatywny stosunek do działalności Rosyjskiego Zgromadzenia Biblijnego. Uważali bowiem, że *Biblia* powinna się znajdować wyłącznie w rękach duchowieństwa i że nie należy dawać ludowi możliwości jej czytania. W 1824 roku Serafim poprosił cara o rozwiązanie Rosyjskiego Zgromadzenia Biblijnego. W kwietniu 1826 roku z polecenia cara Mikołaja I działalność tej instytucji została oficjalnie zakończona. Dopiero w 1858 car Aleksander II zezwolił na przetłumaczenie na język rosyjski i wydanie *Pisma Świętego*. Tłumaczenie miało się dokonywać pod patronatem Synodu. W 1876 roku po raz pierwszy ukazał się pełny rosyjski przekład *Biblii*. Tłumaczenie to określono mianem «synodalnego» [Брокгауз и Ефрон 1907:387].

Zdaniem badaczy wraz z przyjęciem chrześcijaństwa na Rusi rozpoczęło się kształcenie w zakresie piśmiennictwa mające na celu wdrożenie nowych orientacji. Wykształcone społeczeństwo rosyjskie (bojarzy, duchowieństwo) reprezentowało część świata bizantyjsko-rzymskiego. Dlatego też na równi z cerkiewno-liturgicznymi księgami tłumaczono i przepisywano nie tylko kroniki Jana Malaly, Jerzego Amartola, Jana Zonary, ale również sprzeczne z duchem chrześcijaństwa traktaty filozoficzne Platona, Arystotelesa, mitologię grecką, apokryfy o carze Salomonie (Сказание о Соломоне и Китоврасе, О судах Соломона) i inne [Валеев 2012:18-22].

Warto zaznaczyć, że tak obszerna informacja o wydaniach Biblii ma swoje uzasadnienie zważywszy na fakt, iż na obszarze niemieckojęzycznym jej pełne wydanie było znane wcześniej aniżeli w Rosji i Walery Briusow zapewne miał tego świadomość.

I. Na kartach powieści wzmiankowany jest Lot (hebr. לוֹט, *welon*, *zastona*, *cahun*, żył ok. II tys. p.n.e.) [Bosak 1995:451] – bratanek biblijnego patriarchy Abrahama, który wraz ze swoim dziadkiem Terachem i stryjem Abrahamem wyruszył z chaldejskiego Ur do Charanu. Później Lot towarzyszył także Abrahamowi w wędrówce do Egiptu. Po opuszczeniu Afryki rozstał się ze stryjem i ostatecznie osiadł w Sodomie.

Gdy Bóg zesłał na to miasto karę, Lot ocalał wraz ze swoją rodziną jako jedyny sprawiedliwy. Jednak żona Lota (jej imienia w Biblii nie podano) została za nieposłuszeństwo wobec Boga zamieniona w słup soli (Ks. rodz. 18, 20-33; 19).

*Я смотрел на страдания и корчи незнакомой мне женщины, словно обращенный, вместе с женою **Лота**, в некий столп, не двигаясь с места, ибо не знал совершенно, чем мог бы тут оказать помощь или облегчение... [Брюсов 2006:48].*

Briusow przywołuje również postać Noego (hebr. נח Noa, arab. نوح Nū, co w tłumaczeniu na język polski znaczy: „odpoczynek; pocieszenie”) – wg Księgi Rodzaju (Rdz 6,8 - 9,29) syna Lameka i dziesiątego potomka licząc od Adama.

*Я рассказал своим спутникам все, что знал о постройке этого храма... который все еще стоит среди города, как **Ноев** ковчег, готовимый для будущего потопы... [Брюсов 2006:263].*

Mianem Arki Noego (hebr. tebah – skrzynia) określana bywa drewniana konstrukcja pływająca, która zgodnie z przekazami religii abrahamowych zbudowana została na polecenie Jahwe przez Noego, by mógł on ocalić przed potopem siebie i swoją rodzinę (w sumie 8 osób) oraz przedstawicieli wszystkich gatunków zwierząt. Najbardziej znany opis arki znajduje się w biblijnej Księdze Rodzaju (6,14 – 8,19). Opowieść zawarta w Księdze Rodzaju była i jest przedmiotem rozległych dociekań naukowych i teologicznych. Treścią rozważań były zarówno teoretyczne rozwiązania kwestii rozmiarów arki (np. jak Noe mógł zmieścić w niej wszystkie żyjące na ziemi gatunki zwierząt), jak i rozliczne interpretacje alegoryczne (np. uznanie arki za symbol Kościoła, niosącego zbawienie ludzkości) [Browne 1983:147].

Autor nawiązuje również do Goliata (heb. גִּלְיָת, żył w XI wieku p.n.e.) – jednej z bardziej wyrazistych postaci biblijnych, olbrzymiego wojownika filistyńskiego pochodzącego z Gat, a żyjącego najpewniej w XI wieku p.n.e.

*А ...в моей памяти его образ стоит поныне, словно на горизонте тень **Голиафа** [Брюсов 2006:300].*

W *Ognistym aniele* nie pominięto również Mojżesza, (łac. Moyses, hebr. מֹשֶׁה Mosze, arab. موسى Musa, cs. Prorok Bogowidiec Moisiej, żył prawdopodobnie w XIII-XII wieku p.n.e.) – postaci biblijnej, przywódcy Izraelitów w okresie ich wyjścia z Egiptu i wędrówki do Ziemi Obiecanej, świętego proroka. Mojżesz żył prawdopodobnie w XIII-XII wieku p.n.e. (według Biblii 120 lat). Był synem Amrama i Jokebed oraz bratem Aarona i Miriam.

*Думаю, что когда **Моисей** выводил народ еврейский из Египта, немногим больше было количество вещей и запасов, увозимых ими на многолетнее странствие в пустыни, чем брал с собою архиепископ Трирский в дорогу... [Брюсов 2006:309].*

Według tradycyjnej etymologii imię Mojżesz pochodzi od rdzenia משה *wyciągać, wyjmować, wyjąć*, jako że wg. przekazu przyszedł prorok został wyłowiony z Nilu przez córkę faraona. Józef Flawiusz w DDik1_228 zauważa, że etymologia imienia proroka, wiąże się z ostatnią sylabą wyrazu (Mou) ses nadając mu w ten sposób znaczenie "ocalony". Istotnie Egipcjanie wodę nazywają "moy", a ludzi uratowanych przed utonięciem "eses". Pięćdziesiąty dziewiąty przypis z DDik2 Józefa Flawiusza wg. wydania z 2001 podaje również informację, że współcześni krytycy dopatrują się w tym imieniu egipskiego wyrazu "mosu" – syn [Wilson 2012:308].

W *Ognistym aniele* pada nadto imię Dalili (żyła ok. VII wieku p.n.e.) występującej w Księdze Sędziów, która była kochanką Samsona, pogromcy Filistynów i jak powszechnie wiadomo, przyczyniła się do jego zguby.

Я мог бы сказать, что поддался обольщению женщины, как Самсон Далилы или Геркулес Омфалы... [Брюсов 2006:106].

Wg. Księgi Sędziów Dalila mieszkała w dolinie Sorek. Musiała przy tym odznaczać się wielką urodą, gdyż znany ze swej odwagi i nadludzkiej siły Samson zakochał się w niej bez pamięci.

II. Briusow nawiązuje również do nowotestamentowej, przedstawionej w Ewangelii według św. Łukasza (15,11-32) przypowieści o synu marnotrawnym (inaczej Przypowieści o miłosiernym ojcu).

Historia opowiedziana przez Chrystusa, wyjaśnia, czym w istocie jest miłosierdzie. Młodszy syn utracił łaskę, złamał przymierze miłości, wyzbył się godności, a mimo to doczekał się od ojca aktu miłosierdzia, ponieważ zrozumiał swój grzech i przyznał się do popełnionego błędu [Świderkówna 2006:38].

Я не хотел входить в город, потому что не хотел явиться перед родителями, как блудный сын в Евангелии, нищим и несчастным... [Брюсов 2006:375].

III. Renata porównywana bywa przez Briusowa do Niobe (także Nioba, gr. Νιόβη Nióbē, łac. Niobe, Nioba), królowej Teb znanej z mitologii greckiej.

Но Рената, напротив, была грустна, как Ниобея, порою глаза ее наполнялись слезами... [Брюсов 2006:108].

Niobe z mitów greckich uchodziła za córkę Tantala i Diony, siostrę Pelopsa i żonę Amfiona. Miała 7 synów i 7 córek, zwanych Niobidami [Parandowski 1989:149].

Królowa Teb obraziła bogów swoją pychą. Szczyciła się bowiem posiadaniem liczного potomstwa i wynosiła ponad Leto, matkę Apollina i Artemidy. Zniewagę Leto pomściły jej dzieci, zabijając Niobidów strzałami z łuków na oczach matki. Po tym zdarzeniu Zeus zamienił rozpaczającą Niobe w skałę (wedle legendy górę Sipylos w Azji Mniejszej). Interpretowane jest to jako skamienienie z rozpacz i bólu.

Analogiczny motyw pojawia się nierzadko w sztuce antycznej (dramaty Ajschylosa, Sofoklesa, rzeźba, malarstwo wazowe) oraz nowożytnej (J.L. David, Tintoretto).

Briusow przywołuje również Marsjasza (także Marsjas, gr. Μαρσύας Marsýas, łac. Marsyas, żył ok. V wieku p.n.e.) – wg. mitologii greckiej sylena (satyra) frygijskiego.

*Я поспешил ответить, что чувствую себя, как **Марсиас**, вопрошаемый Аполлоном...* [Брюсов 2006:173].

Marsjasz należał do orszaku boga Dionizosa lub bogini Kybele. Pewnego dnia satyr znalazł instrument wyrzucony przez Atenę. Bogini dmuchająca w aulos wyglądała szczególnie niekorzystnie i została z tego powodu skrytykowana przez Herę i Afrodytę. Dźwięki znalezionej piszczałki (aulos) spodobały się znalazcy do tego stopnia, że wyzwał on na pojedynek Apollina, grającego wg mitologicznych przekazów na kitarze (lirze). Apollo podjął wyzwanie, stawiając jednakże warunek, że zwycięzca będzie mógł obejść się z pokonanym wedle swej woli. Pierwsze starcie muzyków zakończyło się remisem. Wówczas Apollo sprytnie zaproponował zmianę zasad: granie na instrumencie odwróconym do góry nogami. Marsjasz przegrał pojedynek, został przez Apollina powieszony na sośnie lub platanie, a następnie obdarty ze skóry [Grimal 2008:221].

Dosyć częstym motywem w sztuce bywa postać Faetona. Pojawia się ona m in. w twórczości Gustave’a Moreau. Mit o Faetonie zajmuje sporo miejsca w I i II księdze *Metamorfoz* Owidiusza. Nawiązania doń odnajdujemy również u Briusowa.

Faeton (gr. Φαέθων Phaéthōn, łac. Phaethon) przedstawiany bywa w mitologii greckiej jako syn Heliosa i Okeanidy Klimene.

*А в те дни только одна мысль настойчиво занимала и тревожила меня: что жизнь моя достигла своей вершины, за которой не может не начаться новый спуск в глубину, что я, как **Фазтон**, возница колесницы Солнца, вознесен к зениту, не сдержав отцовских коней, должен буду позорно рухнуть по крутому склону вновь на землю* [Брюсов 2006:218].

W młodości żył Faeton w królestwie śmiertelnego męża swojej matki, Meropsa.

Powszechnie znany był jednak fakt, że ojcostwo młodzieńca przypisuje się Heliosowi.

Fakt ten podważał Epafos, syn Zeusa, który twierdził, że Faeton jest synem zwykłego śmiertelnika. Nasz bohater wybrał się wobec tego wraz z grupą ludzi na krańce świata, do złotego pałacu Heliosa. Tam, zażądał od boga Słońca, aby ten udowodnił mu swoje ojcostwo. Faetonowi nie wystarczyło jednak to, że bóg ogłosił oficjalnie, że jest jego ojcem. Gdy Helios zauważył, że syn nadal przejawia niezadowolenie, przysiągł na Styks, że spełni każdą jego prośbę. Faeton poprosił zatem ojca o zezwolenie na przejażdżkę rydwanem słońca. Ponieważ brakowało mu wprawy, skrzydlate konie zaprzężone w rydwan poniosły i zaczęły miotać się w różne strony – raz w górę, raz w dół. Następnie z obawy przed napiętym łukiem Strzelca poleciały bardzo nisko w dół, co groziło pożarem nieba i ziemi. Gdy bezradny Helios siedział w swoim pałacu, nie

mogąc zapobiec nieszczęściu, powstała Gaja, która zażądała interwencji od Zeusa, by świat nie pogrążył się na powrót w Chaosie. Zeus zmuszony był stracić woźnicę piorunem i chłopak spadł do rzeki Erydan [Parandowski 1989:72].

Na łamach powieści Briusowa dostrzegamy również inną postać znaną z mitologii greckiej, bohatera *Iliady* – Parysa. Parys (zwany również Aleksandrem, gr. Πάρις Páris, łac. Paris, żył ok. 1200 p.n.e.) – postrzegany był w mitologii greckiej jako król lewicz trojański.

(...) доктор Фауст произнес целый панегирик красоте Елены Греческой, в таких восторженных выражениях, что вряд ли с большей страстностью прославлял ее в Илионе, перед отцом и братьями, сам похититель Александр [Брюсов 2006:297].

Sen wróżebny Hekabe przepowiedział, że to właśnie Parys przyczyni się do zagłady Troi, dlatego wkrótce po urodzeniu chłopiec porzucony został na górze Ida. Tam odnaleźli go i wychowali pasterze.

Z woli Zeusa Parys rozstrzygnął spór o złote jabłko dla najpiękniejszej między Herą, Ateną i Afrodytą, przyznając przedmiot Afrodycie w zamian za miłość najpiękniejszej z kobiet – Heleny. Przypadkowo rozpoznany jako król lewicz, powrócił do Troi i ożenił się z nimfą Ojnone, a następnie udał się do Sparty, skąd uprowadził żonę Menelaosa, piękną Helenę.

Stało się to przyczyną długotrwałej wojny między Trojanami i Achajami walczącymi w obronie honoru Menelaosa. Trojanie znienawidzili Parysa za wywołanie nieszczęść. Nadto w wojnie trojańskiej król lewicz nie wykazał się szczególnym męstwem.

W trakcie pojedynku z Menelaosem uratowała go, jak wiadomo, Afrodyta, Achillesa zaś Parys zabił przy wydatnym współudziale Apollina. Ostatecznie młodszy syn Priama zginął trafiony strzałą z łuku Filokteta.

Jedna z wersji mitu głosi, że ciężko ranny Parys udał się na górę Ida do porzuconej małżonki, która była w stanie uleczyć jego ranę. Ojnone początkowo odmówiła przysługi, potem jednak pożałowawszy swej surowości, pospieszyła wiarołomnemu z pomocą. Gdy okazało się, że na ratunek jest już za późno, porzucona nimfa popełniła samobójstwo. Z Heleną Parys doczekał się córki Heleny i 4 synów: Bunikosa, Korythosa, Agauosa i Idajosa. Z Ojnone miał zaś syna, również o imieniu Korythos [Parandowski 1989:163].

Ruprecht jawi się czytelnikowi jako wyraźna reminiscencja Odyseusza Homera z jednej, i nawiązanie do przypowieści o Synu marnotrawnym z drugiej strony. Swoje czyny bohater postrzega poprzez pryzmat tekstów Homera. Wszelkie podobieństwa losów postaci pierwszoplanowych mają najwyraźniej na celu podkreślenie wyższego sensu spotkania Renaty i Ruprechta.

Nie ulega jednak wątpliwości iż bohater, pragnąc możliwie precyzyjnie opisać wydarzenia, zwraca się o pomoc do literatury i odwołuje się do istot mitycznych. Za przykład posłuży nam

Scylla (gr. Σκύλλα Skýlla, łac. Scylla) – w mitologii greckiej jeden z dwóch potworów morskich czyhających na żeglarzy po obu stronach cieśniny, identyfikowanej przez współczesnych z Cieśniną Mesyńską lub lokalizowanej w okolicach przylądka Skylla w północno-zachodniej Grecji.

*Поглощая книгу за книгой, переходя от трактата к трактату... я постоянно чувствовал себя несатытым, как Вергилиева **Сцилла**...* [Брюсов 2006: 130].

Mitologiczna Scylla była niegdyś nimfą, jedną z Forkid, córek Keto i Forkosa. Zakochał się w niej śmiertelny rybak Glaukos, którym z kolei zafascynowana była czarownica Kirke. Zazdrosna czarownica zamieniła urodziwą nimfę w potwora z tułowiem złożonym z sześciu psów. Scylla i Charybda pojawiają się m. in. w *Odysei* Homera. Odyseuszowi udało się co prawda przepłynąć pomiędzy nimi, ale psie głowy tworzące część Scylli zdążyły porwać sześciu członków jego załogi.

Od imion potworów pochodzi współczesne wyrażenie *znaleźć się między Scyllą i Charybdą*, oznaczające sytuację bez wyjścia [Grimal 2008:346].

Przywołane w powieści imię Feniks (gr. φοίνιξ (foinix), łac. phoenix) nosił mityczny ptak, uznawany za symbol Słońca oraz nieustannego odradzania się życia.

*Но едва я увидел вновь ее лицо, как вся любовь в моей душе ожила, как **Феникс**...* [Брюсов 2006:337].

Feniks znany był wszystkim pisarzom klasycznej starożytności, poczynając od Herodota, który nawiasem mówiąc poddawał w wątpliwość jego istnienie. Nie przeszkadzało mu to bynajmniej przedstawić szeregu legend związanych z cudownym ptakiem. Feniks miał mieć wielkość i wygląd orła o złoto – czerwonym upierzeniu. Przybywał on jakoby co 500 lat z Arabii do Egiptu, przynosząc w kuli mirry szczątki swego poprzednika, które zgodnie z tradycją składał na ołtarzu słońca w Heliopolis [Herodot 2002:19].

Do wszystkich znanych opisów Feniksa, Izydor z Sewilli dodaje informację, iż ptak po zbudowaniu stosu z gałęzi i ziół czeka zwykle na wschód słońca. Promienie słoneczne zapalają gniazdo, feniks zaś machając skrzydłami roznieca płomień i spala się w ogniu, by następnie odrodzić się z popiołów [Isidore of Seville 2007:18].

Briusow chętnie odwołuje się również do biografii znanej z mitologii greckiej postaci literackiej króla Itaki, bohatera *Odysei* Homera Odyseusza (Odysa, Ulissesa, gr. δυσσεύς Odysseús, łac. Ulixes, żyjącego ok. 1200 p.n.e.).

*В продолжение нескольких минут все вокруг напоминало покои царя **Улисса** перед началом избивения женихов...* [Брюсов 2006:156].

Odyseusz (Ulisses) uchodził w mitologii za syna herosa Laertesa i jego małżonki Antyklei. Według przekazów był on najprzebieglejszym z królów, biorących udział w

wojnie trojańskiej i pomysłodawcą podstępu, dzięki któremu Grecy ostatecznie wygrali wojnę. W podróży powrotnej do Itaki Odys przeżył wiele przygód. Tułał się przez 10 lat po morzach i oceanach, zanim wrócił do swej żony Penelopy. Obok Heraklesa i Tezeusza król Itaki jest chyba najbardziej znanym bohaterem greckich mitów i legend. Synem Odyseusza był Telemach [Parandowski 1989:8].

Kolorytu utworowi Briusowa nadają również obecni na jego łamach myśliciele i twórcy, jak chociażby Tomasz z Akwinu, Akwinata, łac. Thoma de Aquino (ur. 1225, zm. 7 marca 1274) – filozof scholastyczny, teolog, członek zakonu dominikanów.

(...) с истинным ужасом читала Рената у Фомы Аквината описание преисподней, более полное, нежели у поэта Данте Алигиери... [Брюсов 2006: 236].

Tomasz uchodzi za jednego z najwybitniejszych myślicieli w dziejach chrześcijaństwa. Z czasem uznano go Świętym Kościoła katolickiego. Był jednym z tych doktorów Kościoła, którzy nauczając przekazywali wyniki własnych kontemplacji (łac. contemplata aliis tradere) [Chenu 2001:103].

Na kartach utworu Briusowa pojawia się również urodzony w maju lub czerwcu 1265 we Florencji, a zmarły 13 lub 14 września 1321 w Rawennie Dante Alighieri – włoski poeta, filozof, polityk, kodyfikator języka włoskiego, humanista, tercjarz franciszkański [Hede 2007:69].

(...) и это был ад, более страшный, чем тот, который явлен был взорам Данте Алигьери [Брюсов 2006:334].

Tematem porównania jest wędrówka alter ego Dantego po zaświatach, która stanowi alegorię ludzkiego życia. Wizja świata pozagrobowego staje się tu jednocześnie krytyką świata doczesnego.

Adresat opowieści nie został bliżej określony, utwór może być kierowany do każdego człowieka. Po zaświatach Dantego oprowadza duch Wergiliusza, który był mistrzem i mentorem poety. Alighieri w pełni oddaje się jego uwagom i z ciekawością oraz fascynacją poznaje nieznanne miejsca. W *Boskiej komedii* występuje wiele wątków fantastycznych, które służą pobudzeniu zmysłów odbiorcy oraz bardziej plastycznemu ujęciu tematu. Poeta w swoim dziele zastosował wiele wyrażeń o charakterze ekspresywnym oraz kunsztowną formę, odwoływał się też wielokrotnie do kontekstów antycznych, co jest z pewnością cechą typową dla Renesansu. Cechy takie jak: dydaktyzm, potępienie grzeszników, kierowanie uwagi ku sprawom ostatecznym to nieliczne elementy utworu zgodne z duchem średniowiecza.

Najwięcej uwagi autor powieści poświęca jednakże postaci Johanna Georg’a Faust’a (1480–1536). Według legendy doktor Faust był średniowiecznym magiem, alchemikiem, lekarzem oraz astrologiem.

Эту свою прощальную и как бы напутственную речь ко мне доктор Фауст произнес с большим одушевлением, и я ею был искренно тронут, ибо многое в

ней было словно мои собственные мысли, так что душа моя, слыша их, дрожала, как дрожит струна при звуке другой, настроенной ей в лад [Брюсов 2006: 299].

Впрочем, доктор Фауст... сделался вдруг на слова скуп, как герой Макция Плавта [Брюсов 2006:282].

Faust urodził się prawdopodobnie w jednym z miasteczek Wirtembergii jako Georg Zabel. Studiów nie ukończył nigdy, chociaż według części przekazów był studentem Akademii Krakowskiej. Mistrz parał się czarną magią i podobno wywołał ducha Heleny Trojańskiej. W czasie pobytu w Erfurcie przyzywał w obecności studentów widma bohaterów Homera. Faust twierdził też, że potrafiłby odtworzyć zaginione dzieła Plauta i Terencjusza.

Mag nie był lubiany, współcześni posądzali go o konszachty z diabłem, co zresztą on sam potwierdzał [Delumeau 1987:275].

Na kartach powieści Briusowa odzywają również bohaterowie celtyckich legend, związanych z opowieściami cyklu arturiańskiego. Są wśród nich Tristan i Izolda (VI wiek).

*Напротив, в дни примирения воскресали все восторги двух счастливых любовников: мы были вновь как Клеопатра и Антоний в своем Египте или как **Тристан** и прекрасная **Изольда** в своем дворце...* [Брюсов 2006:226].

Najstarsze pisemne wersje opowieści o Tristanie i Izoldzie pochodzą z XII wieku, a sama legenda stała się inspiracją dla wielu średniowiecznych utworów literatury europejskiej.

Wspomniana legenda opowiada o tragicznej i niespełnionej miłości rycerza Tristana oraz irlandzkiej księżniczki Izoldy Jasnowłosej. W opowieści występuje także król Kornwalii Marek – mąż Izoldy oraz Izolda o Białych Dłoniach – żona Tristana.

Na łamach powieści Briusowa pojawia się cały szereg postaci historycznych. Lukrecja (1480–1519), o której wzmiankuje się w tekście (łac. Lucretia) była postacią legendarną z VI wieku p.n.e..

*Рената с таким изумлением и с такой дрожью отпрянула от меня, словно я завладел ею тайно, в ее сне, или насилем, как Тарквиний **Лукрецией**...* [Брюсов 2006:245].

Lukrecja była córką rzymskiego patrycjusza Spuriusza Lukrecjusza Tricipitina i żoną Lucjusza Tarkwiniusza Kollatyna, kuzyna króla Tarkwiniusza Pysznego. Pod nieobecność męża kobieta została zgwałcona przez królewskiego syna Sekstusa. Nie mogąc znieść hańby popełniła samobójstwo, wcześniej opowiedziawszy wszystko Kollatynowi. Według legendy krzywda Lukrecji stać się miała bezpośrednią przyczyną wybuchu powstania Brutusa, które w 509 p.n.e. doprowadziło do obalenia monarchii i powołania republiki.

Autor przywołuje również postać Merlina (V n.e.) – wielkiego czarnoksiężnika, jednego z powszechnie znanych bohaterów legend arturiańskich.

(...) *были мы, даже в шумном и веселом Кельне, обособлены от людей не менее, чем Мерлин в волшебном лесу Вивианы* [Брюсов 2006:97].

Przyjmuje się, że wzmiankowaną tu postać wymyślił Geoffrey z Monmouth, przy czym pierwowzorem Merlina był walijski wieszcz i bard – Myrddin. Latynizując to imię, Geoffrey stworzył formę Merlinus, choć właściwsza byłaby raczej "Merdi-nus". Ta ostatnia mogłaby się jednak kojarzyć z niecenzuralnym słowem *merde*. Wg. najbardziej rozpowszechnionej wersji legendy, Merlin był synem inkuba i śmiertelniczki (kambionem) [Briggs 1976:440], którego spłodził szatan, by czynił na świecie zło. Merlin został jednakże ochrzczony i odziedziczoną szatańską moc wykorzystywał do czynienia dobra [Boron 1994:27]. Według innej wersji opowieści Merlin stworzony został przez Mab – królową magii – lecz urodziła go zwykła kobieta, która zaraz potem zmarła. Istnieje wiele wersji legendy o Merlinie. Według niektórych (np. wg. Thomasa Malory'ego), został on uwięziony w kryształowej grocie przez czarodziejkę Nimue (w innych wersjach: Viviane, Elaine, Niniane, Nivian, Nyneve). W niektórych przekazach zamiast groty występuje pień drzewa [Boron 1994:32]. I do tego ostatniego motywu najwyraźniej nawiązuje narrator.

IV. Брюсов wielokrotnie odwołuje się w tekście *Ognistego anioła* do mitologii rzymskiej, w tym do Fortuny, która była odpowiednikiem greckiej bogini Tyche. Jej kult w Rzymie wprowadził Serwiusz Tuliusz.

Fortuna przedstawiana była zazwyczaj z zawiązanymi oczyma i z rogiem obfitości. Na awersach rzymskich monet wyobrażano ją najczęściej ze sterem i rogiem obfitości, czasem z kołem w tle, a niekiedy z gałązką oliwną i paterą (Ovid., *Fast.*, VI, 573 i kolejne; Plut., *De Fort. Rom.*, *passim*).

Это обещание я принял как отен вопит и подумал, не сама ли богиня

Фортуна приняла на сегодня дряхлый образ старого книгопродавца, чтобы подвигнуть меня в путь, как принимала в песнях божественного слепца богиня Минерва образ старого Ментора [Брюсов 2006:150].

W zacytowanym fragmencie obok Fortuny autor przywołał jeszcze mityczną Minerwę i Mentora.

Minerwa (łac. *Minerva*) – była w mitologii rzymskiej pierwotnie boginią sztuki i rzemiosła, ale także boginią mądrości, nauki i literatury.

– Господин приезжий и товарищи!

Не давайте богу войны Марсу торжествовать в этом доме, посвященном богине мудрости – Минерве! [Брюсов 2006:156].

– Мне кажется, друзья, что пора дать отдых нашим гостям.

Мы отдали честь и Бахусу, и Кому, и Минерве; время совершить возлияние Морфею [Брюсов 2006:284].

Ta ostatnia postać mityczna uchodzi za bóstwo pochodzenia etruskiego (znana jest etruska bogini o imieniu *Menfra*).

Razem z Jowiszem i Junoną Minerwa tworzyła tak zwaną Trójcę Kapitołińską.

Boginię utożsamiano niekiedy z grecką Ateną, którą równie często przedstawiano w zbroi i hełmie. Uosobieniem mądrości jednej i drugiej jest sowa [Parandowski 1989:59].

Nie zabrakło w *Ognistym aniele* odwołań do pojawiającego się w mitologii rzymskiej herosa Herkulesa (łac. Hercules). W późniejszym okresie kult tego ostatniego zlał się całkowicie z przekazami o greckim Heraklesie, jednak nawet wówczas Rzymianie zachowali kilka odrębnych mitów związanych z tą postacią.

Так оказался я внезапно перед трудным выбором, как Геркулес на распутьи... [Брюсов 2006:288].

Rzymska legenda przypisuje Herkulesowi między innymi zabicie olbrzyma Kakusa i króla Faunusa. Herkulesa miał w swoim kraju gościć Ewander, który po śmierci herosa ustanowił na podległym sobie obszarze kult boga.

Początkowo Herkules czczony był w Rzymie jako obrońca własności, strażnik wszelkich wejść, opiekun podróżujących oraz handlarzy. Rolnicy i kupcy składali mu dziesięcinę od wszelkich zysków i zbiorów.

W IV wieku p.n.e. Herkules stał się bogiem zwycięstwa, w związku z czym nadano mu przydomki Victor (Zwycięzca) i Invictus (Niezwyciężony).

Atrybutem Herkulesa, w przeciwieństwie do jego greckiego odpowiednika, była lira. Herosa często przedstawiano z tym instrumentem w otoczeniu Apollina i muz.

Święto Herkulesa przypadało w Rzymie w dniu 12 sierpnia, a wcześniej 4 czerwca obchodzono święto Herkulesa Wielkiego Opiekuna (łac. Hercules Magnus Custos) [Adkins 1998:284].

Briusow w swoim porównaniu nawiązuje jednak wyraźnie do Herkulesa na rozdrużu, czyli do słynnej przypowieści o Heraklesie na roztąju dróg Prodikos. Najbardziej znaną wersję tej opowieści przekazał potomnym Ksenofont we Wspomnieniach o Sokratesie (II, 1, 23-25). Opowiada on, że Herakles w wieku młodzieńczym udał się w odosobnienie i wówczas ukazały mu się dwie kobiety - Arete (alegoria cnoty) i Kakia (występek), symbolizujące dwie drogi, które Herakles może obrać w swym dalszym życiu. Kakia przedstawiła bohaterowi wizję życia pozbawionego wszelkich trudów, i pełnego rozkoszy, Arete zaś - życia pełnego trudów, ale za to obfitującego w "piękne i chwalebne czyny" [Joachimowicz 1967:9].

Znajdujemy nadto w powieści liczne przykłady porównań nawiązujących do dzieł sztuki i twórców znanych (i zapewne popularnych) w okresie Reformacji. Wśród najwybitniejszych osobowości artystycznych na kartach utworu Briusowa napotykamy Donatello, a właściwie Donato di Niccolò di Betto Bardiego (ur. ok. 1386 we Florencji, zm. 13 grudnia 1466 tamże) – rzeźbiarza włoskiego renesansu czy też Hansa Holbeina młodszego (ur. w 1497 lub 1498, zm. 29 listopada 1543 w Londynie) – niemieckiego malarza, rysownika i grafika. W porównaniach Briusowa pojawiają się również Fra

Angelico, a także Jan z Fiesole, właśc. Guido di Pietro da Mugello (ur. ok. 1387, w Vicchio w rejonie Mugello, zm. 18 lutego 1455, w Rzymie) – malarz religijny wczesnego renesansu, dominikanin, błogosławiony Kościoła katolickiego. Ten ostatni artysta podejmował w swej twórczości wyłącznie tematy religijne.

*Внимательно посмотрел я в лицо спящей, и оно мне явилось нежным и невинным, как детские лики на картинах брата **Беато Анжелико по Фьезоле...*** [Брюсов 2006:55].

*Потом, все в той же безучастности, она стала проводить часы, сидя на скамье, устремив глаза в угол своей комнаты... не слыша, когда ее звали по имени, словно изваяние какого-нибудь **Донателло...*** [Брюсов 2006:147].

*(...) я вновь увидел и графа Генриха, закутанного в темный плащ, и его сотоварища, юношу... в берете с пером, похожего на один из портретов **Ганса Гольбейна*** [Брюсов 2006:209].

Badacze zwracają uwagę na fakt, że większość analogicznych porównań odnosi się w powieści do postaci Renaty. Obraz bohaterki skonstruowany został bowiem przez Briusowa na zasadzie reminiscencji artystycznych:

(...) оба образа, и явленный мне жизнью, и тот, который создал художник, налегли для меня один на другой, слились и ныне живут в моей душе неразрывно [Брюсов 2006:73].

W powieści mamy do czynienia również z innymi typami porównań. Wśród porównań kreślących postać Renaty są takie, które nawiązują do motywów roślinnych i zwierzęcych. Szczególnie ciekawe wydają się te ostatnie:

*Рената была тем утром весела, как **горлинка**, много смеялась, шутила...* [Брюсов 2006:60].

*Рената подняла голову и посмотрела на меня сначала как **затравленный зверок** на охотника, выпустившего его на волю, потом доверчиво и детски...* [Брюсов 2006:73].

*Это обстоятельство, по всему судя, не укрылось от ее **кошачьей наблюдательности**, и тотчас она переменяла свое ласковое отношение ко мне, стала сурова и непреклонна, словно на стуже отвердевший стебель* [Брюсов 2006:79].

*(...) с необыкновенной легкостью умела истолковывать скрытое значение иных утверждений или дополнять недосказанное в книге, – что тогда я относил к ее **змеиной проницательности...*** [Брюсов 2006:136].

W zaprezentowanych wyżej przykładach ujawniają się zresztą pewne utarte stereotypy, jak chociażby kot – obserwator, przenikliwość żmii czy bezbronne zwierzątko.

Nieco mniej zróżnicowane wydają się porównania do roślin:

*Когда я помогал Ренате подняться на седло, она клонилась, как **надломленный стебель** и поводья выпадали из ее рук* [Брюсов 2006:66].

(...) пока наконец добровольно не отпустил и не осталась она у меня в руках изнеможенной, **как слабая веточка**, искрученная в водовороте [Брюсов 2006:94].

Когда отпустили ее, она... осталась стоять перед судилищем, сгибаясь, **как стебель под ветром**... [Брюсов 2006:345].

(...) она вся повисла на моих руках без движения, **как висит сломанный стебель цветка** [Брюсов 2006:369].

W zaprezentowanych przykładach Renata jawi się jako złamana, słaba gałązka, istota bez sił, woli walki, podatna na wpływy otaczającej ją rzeczywistości, a szczególnie złych mocy.

W wypowiedziach Ruprechta pojawiają się ponadto porównania żeglarskie – do okrętu, łódki, ale i do fali, która wszystko pochłania i zmywa. Podkreślają one bez wątpienia doświadczenia własne bohatera – podróżnika:

Эта наша дружеская примиренность длилась до самого приезда в Кельн, когда оборвалась внезапно, как снасть под взрывом бури [Брюсов 2006:78].

(...) мучился я в постели всю ночь, словно пьяный, для которого мир шатается, **как палуба каравеллы**... [Брюсов 2006:82].

Я плыл по минутам вниз, как по быстрому потоку лодка, которой не управляет никто [Брюсов 2006:91].

Остается только познать эти законы, и мы будем в силах управлять демонами, как ныне пользуемся силами ветров для движения кораблей [Брюсов 2006:125].

Но мы оба, простертые на полу, около распятия, напоминали потерпевших крушение в море, достигших какой-то малой скалы, все потерявших и уверенных, что следующий водный вал смоеет их и поглотит окончательно [Брюсов 2006:146].

Она не давала мне одумать, она торопила меня, словно на корабле в час крушения, когда каждая минута дорога... [Брюсов 2006:189].

Чувство, нараставшее долгие месяцы, как волна, вознесло до последней высоты свой гребень в наши медовые дни, а потом упало и рассыпалось бессильной пеной [Брюсов 2006:225].

(...) мы в большой комнате второго этажа, набитой, **как трюм торгового корабля**... [Брюсов 2006:274].

Relacje wzajemne głównych bohaterów niejednokrotnie przedstawiane bywają przy pomocy porównań, zawierających motywy batalii, pojedynku, przywołujących określenia różnych typów broni używanych powszechnie w XVI wieku i ich części składowych. Do tych ostatnich należą głównia, brzeszczot, klinga. Głownia (**клинок**) jest zasadniczą (główną), roboczą częścią broni, służącej do zadawania ciosów. Jest to

wydłużona, prosta lub lekko zakrzywiona płaska część, wykonana najczęściej z metalu, której jedna lub obie krawędzie są ostre.

Według niemieckich traktatów szermierczych z XIV i XV w. głośnia dzieliła się na dwie zasadnicze części:

silną (niem. *Stark*) – bliższą rękojeści

słabą (niem. *Schwach*) – oddaloną od rękojeści, obejmującą też sztych [Gradowski 2010:3-5].

(...) был я счастливо удивлен, найдя в своей собеседнице остроту ума и много знаний, не совсем обычных у женщины, — так что невольно настроились все способности моей души, как у опытного фехтовальщика, неожиданно встретившего у своего противника ловкий клинок [Брюсов 200:61].

На протяжении от утра до вечера успевали мы пройти всю высокую лестницу от... самозабвенной любви и дальше, к отточенной, как кинжал, ненависти. Каждый день наши души, как клинки, то раскалялись до белого света на горне страсти, то вдруг погружались в ледяной холод... [Брюсов 2006:242].

Broni tej używają bohaterowie powieści Briusowa. Autor przywołuje zacytowany brzeszczot, z czego należałoby wywnioskować, że nie były mu obce również elementy szermierki i jej funkcjonowanie na gruncie kultury łacińskiej w omawianym okresie.

Briusow nawiązuje również do szpady – broni białej służącej wyłącznie do kłucia, powstałej co warto podkreślić dopiero w XVII wieku na zachodzie Europy w wyniku przekształcania powszechnie stosowanego rapiera (białej broni kłującej) [Żygułski 1982:221-222].

(...) нам довелось теперь перемениться ролями, как взаимно меняются местами бьющиеся на шпагах, ибо слушателем стал я, а мне Рената без устали говорила о себе... [Брюсов 2006:101].

(...) обменявшись, словно ударами шпаги, очень жестокими словами, мы через несколько минут оба увидели нелепость нашего спора... [Брюсов 2006:223].

Szpada powstała w latach 1620-1640 we Włoszech i szybko zyskała popularność we Francji i innych krajach Europy. Nazywano ją niekiedy „mieczem spacerowym” i „mieczem do poduszki” ze względu na wyjątkową poręczność i stosunkowo niewielkie rozmiary. Z czasem szpada utraciła dość skomplikowany, rapierowy kabłąk rękojeści, zyskała zaś tarcznię ochronną. Od XVIII wieku traktowano ją już wyłącznie jako broń przyboczną i nieodzowną część ubioru szlachcica, dzięki czemu z czasem stała się lżejsza od niewygodnego rapiera. I tu mamy do czynienia z pewną niekonsekwencją wynikającą z użycia w powieści zacytowanego leksemu. Ów brak precyzji wiąże się z rozbieżnością czasu powstania szpady, a okresem w którym rozgrywa się akcja utworu.

Zapewne warte odnotowania są pojawiające się na kartach powieści Briusowa porównania o zupełnie innym charakterze.

Należą do nich odwołania do *facecji* (z łac. *facetia* – żart, dowcip), **formy literackiej** w postaci krótkiego opowiadania o żartobliwej treści, zakończonego dowcipną pointą, pozbawione składników umoralniających czy satyrycznych.

*Августин уже успел узнать по именам весь город и чуть не о каждом прохожем и не о каждой женщине успевал шепнуть нам на ухо веселую историйку, напоминавшую **Facetiae** и заставлявшую нас смеяться* [Брюсов 2006:169].

Facecje wywodzą się z przekazywanych ustnie anegdot, które funkcjonowały już w starożytności i wówczas też przenikały do dzieł pisanych. Teoretyczną podstawę facecji zawarł Cyceeron w traktacie *De oratore*, w którym zamieścił również zbiór anegdot. W starożytności facecje tworzyli m.in. Valerius Maximus (*Factorum et dictorum memorabiliorum libri IX*, I w. n.e.), Plutarch i Diogenes. Twórczość facecjoniistyczna pojawiała się także w średniowieczu, jednak rozwinęła się ona na dobre dopiero w epoce renesansu. Facecje tworzyli podówczas m.in. Giovanni Boccaccio, Gian Francesco Braccolini (Poggio), Lodovico Domenichi oraz Heinrich Bebel [Michałowska 2002:243].

Na uwagę zasługują ponadto nawiązania do różnych aspektów osobowości bohaterów, one bowiem decydują, w moim przekonaniu, o ogólnym obrazie powieści. W celu zilustrowania zjawiska pozwolę sobie zacytować za Briusowem:

Лицо Генриха, безбородое и полуношеское, было не столько красиво, сколько поразительно: голубые глаза его, сидевшие глубоко под несколько редкими ресницами, казались осколками лазурного неба, губы, может быть, слишком полные, складывались в невольную улыбку, такую же, как у ангелов на иконах, а волосы, действительно похожие на золотые нити, так как они были тонки, остры и сухи и до странности лежали каждый отдельно, возносились над его челом, словно нимб святых [Брюсов 2006:190].

Obiektem porównia jest tutaj twarz hrabiego Henryka, tworzy ono portret bohatera, kreśląc jego pełny wizerunek. W związku z tym zasadne byłoby mówienie o jednym obiekcie, do którego nawiązuje wiele obrazów. Inny przykład:

(...) с чувством настоящего ужаса, как ребенок, оставшийся один в темной комнате, она воскликнула, наконец:

— Страшно! Страшно! И это грозит всем нам, каждому, мне и тебе!

Пойдем, помолимся, Рупрехт, и да оставит нам бог столько жизни, чтобы загладить все грехи наши!

В эту минуту Рената, наивная и робкая, похожа была на маленькую деревенскую девочку, которую пугает заезжий монах, надеясь с ее помощью распространить побольше индугенций, и была она мне мила и дорога несказанно. Я охотно последовал за ней к маленькому алтарю, бывшему в ее комнате, и мы стали на

колени, повторяя святыя слова: *Placare Christe seryulis...* Эта общая молитва, когда мы стояли рядом, как два изваяния в церкви, и когда наши голоса смешивались, как запах двух рядом растущих цветков, решила нашу участь, потому что оба мы не одолели вновь желаний, вдруг вставших со дна нашей души, как встает из корзины, на свист заклинателя, — его змея [Брюсов В.Я., 2006, с. 245].

Porównania w zaprezentowanym fragmencie powieści nawiązują do różnych aspektów osobowości (stan psychiczny Renaty, Renata w odbiorze bohatera, przeciwstawienie bohaterów, porównanie ich głosów, namiętności) i występują w sposób kaskadowy. Taka charakterystyka podkreśla nie tylko fakt, że obiekty porównań są odmienne, ale również, że zostały one umiejscowione jeden obok drugiego. Podobny sposób kreślenia obrazu bohatera nie pozwala zapominać o wrażeniach płynących z pierwszego obrazu.

Список использованной литературы

Андрей из Яшовиц // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907, с.387.

Валеев Г.К. Русский культурный код и проблема лексического заимствования в языке / Г. К. Валеев, К. С. Шестакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 13. – С. 18–22.

Словарь книжников и книжности Древней Руси, Вып. 1 (XI – первая половина XIV вв.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1987. – 493 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 7 / Под ред. Г.А. Богатовой. – М.: Наука, 1975.

Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир / И.Ш.Шифман. - СПб: Изд. СПбГУ, 2001. С. 12.

Adkins L. Handbook to life in ancient Rome / L. Adkins, R. A. Adkins. – Oxford: Oxford University Press US, 1998. – S. 284.

Boron R. de. Suite du Merlin / Robert de Born, James J. Wilhelm. – Garland Reference Library, 1994. – 27 s.

Bosak Cz. P. Postacie Nowego Testamentu / Cz. P. Bosak. – Poznań, 1995. – 451 s.

Briggs K.M. An Encyclopedia of Fairies, Hobgoblins, Brownies, Boogies, and Other Supernatural Creatures / K. M. Briggs. – New York: Pantheon Books, 1976. – 440 s.

Browne J., 1983, The Secular Ark: Studies in the History of Biogeography / J. Browne. – New Haven & London: Yale University Press, 1983. – 147 s.

Chenu M. D. Wstęp do filozofii św. Tomasza z Akwinu / M.D. Chenu, przeł. H. Rosnerowa. – Kęty, 2001. – 103 s.

Delumeau J., 1987, Cywilizacja Odrodzenia / J. Delumeau. – Warszawa: PIW, 1987. – 275 s.

Fra Angelico, z serii Wielcy Malarze (nr 32), wyd. Eaglemoss Polska, 2002.

Gradowski M. Słownik uzbrojenia historycznego / M. Gradowski, Z. Żygulski. – Warszawa: PWN, 2010. – S. 3-5.

Grimal P. Słownik mitologii greckiej i rzymskiej / P. Grimal. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2008. - S. 221, 346.

Hede J. Reading Dante: The Pursuit of Meaning / J. Hede. – Lanham, MD: Lexington Books, 2007. – S. 69.

Herodot. Dzieje / Herodot, przeł. S. Hammer. – Warszawa, 2002. – S. 19.

Isidore of Seville. Etymologies / Isidore of Seville; trans. S. Barney, W. J. Lewis, J. A. Beach, O. Berghof, Cambridge, 2007. – S. 18.

Joachimowicz L., Ksenofont, Pisma sokraticzne: Obrona Sokratesa. Wspomnienia o Sokratesie. Uczta / Przekł. i wstęp L. Joachimowicz. – Warszawa 1967. – S. 9.

Mares F.W. Pierwszy słowiański język literacki i początki piśmiennictwa słowiańskiego / F. W. Mares. – Kraków, 1994. – S. 34-35.

Michałowska T. Słownik literatury staropolskiej / Teresa Michałowska (red.). – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2002. – S. 243.

Parandowski J. Mitologia. Wierzenia i podania Greków i Rzymian / J. Parandowski. – Pznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1989. – S. 8, 59, 72, 149, 163.

Świderkówna A. Rozmowy o Biblii. Opowieści i przypowieści / A. Świderkówna. – Warszawa: Wydaw. Nauk. PWN, 2006. – S. 38.

Szwejkowska H. Książka drukowana XV-XVIII wieku / H. Szwejkowska. – Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. – S. 129.

Wilson E. Israel and the Dead Sea Scrolls / E. Wilson. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2012. – S. 308.

Żygulski Z. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu / Z. Żygulski. – Warszawa: PWN, 1982. – S. 222.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛОГУНГИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ УКРАИНЫ: КЛАССИКА ЖАНРА

А. М. Григораш*

Политические лозунги являются неотъемлемой частью современных газетных текстов. Лозунг является наиболее совершенным воплощением той или иной политической программы, того или иного политического течения, поскольку несет в своей семантике концентрированное словесное выражение подобных программ и течений. Следовательно, именно лозунги, помимо сугубо эмоционального воздействия на читателя, позволяют безошибочно определить, интересы чьей партии выражает та или иная газета, какое общественно-политическое течение представлено именно в этом газетном тексте, лидеры какого партийного образования пользуются данными лозунгами чаще всего. И. Ф. Ухванова-Шмыгова утверждает: «Каждая политическая партия, каждая политическая группа видит, понимает, конструирует мир по-своему. Для одних он – черно-белый, есть плохие и хорошие, свои и чужие. Для других он включает многие цвета, приемлет многие решения. Одно и то же общественное событие для разных групп не только обретает свои оттенки содержания, но по сути есть разные события, ибо оно отражено иначе, классифицировано иначе, ранжировано иначе» [Ухванова-Шмыгова 1998:30-31].

* **Григораш Антонина Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Украина, Киев)

Исследуя лозунги новейшего времени, мы сталкиваемся с удивительным парадоксом: политические времена решительно изменились, «тоталитарное прошлое» осталось позади, а классические революционные лозунги по-прежнему не сходят со страниц современных русскоязычных газет Украины. Разумеется, функционируют они в основном в партийных печатных органах «левой» политической направленности («Коммунист», «Товарищ» и др.), однако их использование и само по себе в прессе новейшего временного периода достаточно показательно.

Итак, обратимся к классике жанра. Общеизвестный политический лозунг **«пролетарии всех стран, соединяйтесь!»** зафиксирован в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» со словарной пометой *«публ.»* и со значением ‘лозунг международного рабочего движения, призывающий к сплочению работников наемного труда в борьбе за свои права’ [Берков и др. 2009: II:259]. В современном газетном контексте этому лозунгу (безусловно, принадлежащему истории, поскольку это заключительная фраза «Манифеста Коммунистической партии», написанной К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 году) противопоставляется лозунг вполне современный: **«Лозунг «Все продается и все покупается!» в свое время заменил в Украине лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»** *Новый клич стал воплощаться в жизнь с невероятной скоростью. Зачастую дело доходило до криминала, а иногда и до полного абсурда* (Виталий Свободин. «Кладбищенский пай». Рубрика «Ну и ну!» – «Рабочая газета», № 37 (15114), 28.02.13, с. 3). И, хотя классический лозунг воспроизводится журналистом не вполне адекватно (*объединяйтесь* вместо *соединяйтесь*, хотя общий смысл крылатого выражения, разумеется, сохранен), противопоставление «прекрасного прошлого» и «ужасного настоящего», чем так славится украинская «левая» пресса, блестяще удаётся автору газетного материала.

Достаточно часто в современных газетных контекстах используются революционные лозунги, возникшие непосредственно во время Великой Октябрьской социалистической революции: **«Знаменитые революционные лозунги «Фабрики – рабочим!», «Землю – крестьянам!»** часто в те годы дополнялись еще одним: **«Дворцы – детям!»** *И не только дворцы и помещичьи усадьбы были отданы детям под дворцы пионеров, пионерские лагеря, санатории и профилактории – детям была отдана вся любовь Советского правительства. Ликвидирована детская беспризорность, все дети получили доступ к образованию, появились детские сады...* (Александр Ручко. «Мы все – из страны Пионерия». Рубрика «Всегда готов». – «Коммунист», № 40 (1498), 18.05.12, с. 2). Плодотворно функционируют в «левой» прессе советские лозунги более позднего периода, также связанные с подрастающим поколением: *«Малая Юго-Западная*

железная дорога, где все по-настоящему: проводники, машинисты, путевые обходчики, семафоры и гудок локомотива. Казалось, о каких развлечениях в начале 50-х могла идти речь в еще не залечившей военные раны стране. Но у той власти было другое мнение, а **советский лозунг «Все лучшее – детям!»** отнюдь не выглядел пустой декларацией. И уже 2 августа 1953 года первый поезд с ребятишками повел в путь Герой Социалистического Труда, начальник Юго-Западной железной дороги и легендарный машинист Петр Кривонос» (Вадим Богун. «Поезд в страну чудес». Рубрика «Праздник детства». – «Рабочая газета», № 97 (15174), 6.06.12, с. 1).

В этом же ряду теперь находится и главный лозунг последней по времени предвыборной агитации Коммунистической партии Украины, чем подчеркивается преемственность политических и социальных идей коммунистов: **«Высказав свое отношение к экс-премьер-министру, комсомольцы снова вернулись к социальным лозунгам «Землю – крестьянам!», «Заводы – рабочим!», «Вернем страну народу!», «Власть миллионам – не миллионерам!»** Вместе с комсомолом коммунисты реализуют **главный лозунг сегодняшнего дня – «Вернем страну народу!»** (Владимир Богун. «Красный марш по столице». Рубрика «Уличный драйв». – «Рабочая газета», № 118 (15195), 10.07.12, с. 1). Ср. другой газетный контекст, принадлежащий перу того же журналиста, в котором со всей очевидностью присутствует «разъясняющий» элемент предвыборной агитации: **«Избирательную кампанию коммунисты ведут под лозунгом «Вернем страну народу!»**, с которым, по мнению исполнительного директора Ассоциации внешней рекламы Украины Артема Биденко, они не ошиблись» (Владимир Богун. «Шершавым языком билборда». Рубрика «Избирательная кампания». – «Рабочая газета», № 129 (15206), 26.07.12, с. 1). Наконец, еще в одном газетном материале, опубликованном в той же газете, описываются пути донесения до избирателей предвыборной платформы Коммунистической партии Украины, в которой главную «опознавательную» роль играет все тот же новый лозунг: **«Молодежный лагерь «Факел» – это школа молодых агитаторов Компартии Украины, которая ежегодно проводится на Киевицине. В этот раз сюда съехались представители всех регионов Украины, комсомольцы, которые будут активно участвовать в избирательной кампании КПУ в разных областях Украины под руководством ЦК ЛКСМУ. Они прибыли в лагерь на своих боевых «конях» – агитационных «Газелях», под брендом партийного лозунга «Вернем страну народу!»** (Владимир Галицкий. «Команда» победителей». Рубрика «Наша молодежь». – «Рабочая газета», № 93 (15170), 30.05.12, с. 1). Однако современные журналисты «левой» направленности не склонны обольщаться даже самыми прекрасными политическими лозунгами и честно предупреждают: **«Нами разработана Антикризисная программа. В соответствии с ней и с нашим лозунгом намерены**

«Вернуть страну народу!» Но это получится только в том случае, если того желает сам народ, если он не будет игнорировать выборы, продавать свои голоса или участвовать в фальсификации» (Ирина Попова. «Формальная коалиция». Рубрика «Политика». – «Рабочая газета», № 41 (15118), 30.03.12, с. 1). Следует также отметить, что в газетном материале, посвященном истории возникновения фракции Коммунистической партии Украины в Верховной Раде (украинском парламенте), функционирует более развернутый лозунг, объединявший в то время членов фракции: **«В таких непростых условиях начинала свою работу фракция Компартии, состоявшая всего из 27 депутатов. 29 ноября 2007 года было обнародовано Заявление Президиума ЦК КПУ под лозунгом: «Верховная Рада должна служить не олигархам, а народу!»** В нем, в частности, подчеркивалось, что, как и предупреждали коммунисты, досрочные парламентские выборы, вопреки Конституции и здравому смыслу навязанные стране президентом и его националистическим окружением, не решили ни одной из острейших проблем, стоящих перед обществом, крайне обострив многие из них» (Виктор Толокин. «Законные средства политического давления». Рубрика «Непредвзятый анализ». – «Рабочая газета», № 116 (15193), 6.06.12, с. 2).

Классические революционные и советские лозунги, которые на страницах «левой» прессы употребляются в своем первоначальном значении и с соответствующим «высоким» стилистическим пафосом, тем не менее служат источником проявления нескончаемой журналистской иронии. Так, продуктивная модель образования классических революционных лозунгов порождает устойчивые окказиональные сочетания, характерные только для данного газетного контекста, которые, тем не менее, дают не только уничтожающую характеристику одному из современных украинских политиков, но и – опосредованно – формируют представление о политической ситуации в современной Украине в целом: **«Говоря о светлом будущем, Яценюк сыпал совсем уж фантастическими обещаниями, вроде того что «все чиновники будут бедными, а все украинцы – богатыми»: «Мы гарантируем ликвидацию всех льгот чиновникам!»** В некоторых частях своего выступления он фактически вторил Виктору Ющенко образца 2004 года, который даже пророчил: **«бандитам – тюрьмы»**, но в итоге отработал лишь лозунг **«пчелам – улы»** («Чиновники будут бедными...» Рубрика «Зарубежные СМИ об Украине». – «2000: Свобода слова», № 20 (606), 18-24.05.12, с. 1).

Каждый лозунг является порождением своего времени, своей исторической эпохи. Так, прекрасное политическое прошлое воплощено, по мнению журналиста, в соответствующем лозунге, чрезвычайно популярном в относительно недавние времена: **«Что касается ведущей роли КПСС в строительстве социализма, то в правоте того утверждения, что «у партии нет других интересов, кроме интересов народа»**, никто не сомневался, поскольку смысл лозунга

«Народ и партия – едины!» выразался тем, что в ряды партии принимались самые достойные труженики из числа рабочих и крестьян» (Семен Горенко. *«Вооружимся здравомыслием!»* Рубрика «К 90-летию образования СССР». – «Киевский вестник», № 142 (7090), 27.12.12, с. 2). Неблагополучное политическое настоящее также воплощается в социальных лозунгах, которые постоянно встречаются на страницах современных газет. И, хотя структурно и семантически, казалось бы, лозунги прошлого и настоящего разительно отличаются друг от друга (достаточно отметить, что в Украине в настоящее время насчитывается более 100 политических партий), современные социальные лозунги в принципе мало чем отличаются от социальных лозунгов, например, «перестроечного периода» в СССР: *«Каждый политик, идя на выборы, пропагандирует социальные лозунги, которые можно свести к одной фразе: «Наша главная задача – победить бедность в Украине». Но победить бедность можно одним способом – вывести экономику из тени, поменяв весь политический уклад государства. А большинство политиков стремятся к власти, прямо скажем, вовсе не за этим»* (Александр Комнацкий. *«Тяжела ты, шапка Мономаха»*. – «Рабочая газета», № 127 (15204), 24.07.12, с. 1).

Таким образом, революционные и – в меньшей степени – советские лозунги, которые мы условно относим к «классике жанра», продолжают занимать пусть не основополагающее, но достойное место в современных русскоязычных газетных текстах, особенно «левой» политической направленности.

Список использованной литературы

Берков В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : в 2-х т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald-Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2009. – Т. II. Н-Я. – 737 с.

Ухванова-Шмыгова И. Ф. Смысловые и сущностные параметры политического дискурса в фокусе внимания исследования: постановка вопроса / И. Ф. Ухманова-Шмыгова // Язык и социум: Материалы II Международной научной конференции. – Минск: Изд-во БГУ, 1998. – Ч. I. – С. 30-31.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДИСЛОВИЯХ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ БОРИСОГЛЕБСКОГО ЦИКЛА

Е. А. Епифанова

Житие является одним из центральных жанров средневековой литературы, в том числе древнерусской. Для классического жития характерна трехчастная композиция: предисловие, основная часть и заключение. Вступление к житию – самая каноническая часть жития, которая включает набор традиционных тем, таких как обращение к Богу с молитвой о помощи в создании текста, авторское

самоуничтожение, объяснение причин, побудивших автора взяться за написание повествования о святом, благодарность Богу. Поскольку набор этих тем каноничен, то в житийных предисловиях остается мало места для исторических сведений. Основные данные, которые мы обычно можем получить, это информация об источниках и о самом авторе жития. Однако так дело обстоит не всегда, и некоторые житийные предисловия намеренно ориентированы на отражение исторических реалий и обстановку.

В XI – начале XII веков в Киевской Руси появляются несколько произведений, посвященных специально событиям русской истории как истории нового христианского народа: «Повесть временных лет», «Слово о Законе и Благодати» и, наконец, произведения Борисоглебского цикла.

Так, история Руси мыслится как история христианской страны, и Борис и Глеб как первые русские святые знаменуют начало этой истории: они освящают эту страну, являются ее заступниками и в известном смысле оправдывают ее существование, поэтому, собственно, они и воспринимаются как апостолы [Успенский 2000:42].

В настоящей статье мы обратимся к анализу житийных предисловий в составе произведений Борисоглебского цикла, являющихся самыми ранними образцами данного жанра, созданными на Руси: «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба», «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба» и «Сказание о чудесах святоу страстотерпцу Христову Романа и Давида». Наша задача будет проследить, как отражены исторические события в рассматриваемых нами источниках.

Анонимное «Сказание» стало первым крупным произведением древнерусской агиографии и одновременно самым интересным и совершенным в литературном отношении памятником из цикла произведений, посвященных гибели св. Бориса и Глеба. В «Сказании» нет многого из того, что мы обычно находим в канонических житиях, в том числе развернутого вступления, рассказа о детстве героя и так далее. Основному тексту предпослана здесь экспозиция, составленная в форме исторической справки, видимо, с опорой на летописные известия, цель которой – познакомить читателя с действующими лицами предстоящего повествования.

Для того чтобы в данном предисловии найти отражение исторических реалий, мы решили обратиться к «Повести временных лет». Это наиболее ранний из дошедших до нас летописных сводов начала XII века, который представляет собой своеобразную историческую энциклопедию. Поэтому нами была произведена попытка сопоставить сведения из этих источников. Такая информация о детях Владимира дается в ПВЛ: «*Бѣ бо у него сыновь 12: Вышеславъ, Изяславъ, Святополкъ, и Ярославъ, Всеволодъ, Святославъ, Мъстиславъ, Борисъ и Глѣбъ,*

Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ» [Памятники литературы... 1978: 137]. В «Сказании» же мы находим несколько иные данные о детях Владимира: «...убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12 не отъ единая жены, нъ отъ раснь матеръ ихъ. Въ нихъ же бѣше старгый Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 — Святопѣлкъ, иже и убийство се зѣлое изъобрѣтъ... Яропѣлкъ, ...4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ бѣлгарынъ Бориса и Глеба» [Успенский сб. 1971:43]. Видно, что автор явно торопился как можно скорее перейти к делу; свидетельствует об этом и фраза, которой он обрывает экспозицию («Нъ се остаану много глаголати, да не много писании въ забытъ вълеземъ»), и допущенный им недосмотр (утверждая, что у князя Владимира было двенадцать сыновей, он называет только одиннадцать имен) [Еремин 1966:18].

Сведения относительно матери Святополка, гречанки полностью совпадают со «Сказанием»: «Володимиръ же залеже жену братьню грѣкиню, и бѣ непрадна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховнаго бо корени золь плодъ бываесть: понеже была бѣ мати его черницею, а второе — Володимиръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчищъ бысть зврубо. Тѣмъ же и отецъ его не любяше, бѣ бо от двою отцю, — от Ярополка и от Володимиръ» [Памятники литературы... 1978: 92]. Ср.: «Святопѣлкъ, иже и убийство се зѣлое изъобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чѣрницею, грѣкыни суци, и поялъ ю бѣ Яропѣлкъ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святопѣлка оканьнаго, Володимиръ же погангый еще, убивъ Яропѣлка и поятъ жену его непрадѣну суцю. Отъ нея же родися сий окангый Святопѣлкъ, и бысть отъ дѣвою отцю и брату суцю» [Успенский сб. 1971:43].

Так, сведения о детях в сравниваемых нами источниках разнятся. В «Сказании» не упоминаются имена Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ.

В ПВЛ находим более точную информацию о том, куда посадил своих сыновей Владимир: «И посади Вышеслава в Новѣгородъ, а Изяслава Полотѣскъ, а Святополка в Туровъ, а Ярослава в Ростовъ. Умершю же старгыйшому Вышеславу Новѣгородъ, посадиша Ярослава Новѣгородъ, а Бориса Ростовъ, а Глѣба Муромъ, Святослава Деревѣх, Всеволода Володимери, Мьстислава Тмуторокани» [Памятники литературы... 1978:136]. В то время как в «Сказании» встречаем другую информацию: «Посади убо сего оканганаго Святопѣлка въ княженни Пинѣскъ, а Ярослава — Новѣгородъ, а Бориса — Ростовъ, а Глѣба — Муромъ» [Успенский сб. 1971:43].

Перед смертью посылает Владимир Бориса на Печенегу: «Володимеру же разболѣвшюся, в се же время бѣше у него Борисъ, а печенѣгом идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, в ней же болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же Володимиръ, князь великый, на Берестовѣмъ, и

потаиша ѿ, бгъ бо Святополкъ Кыевъ. Нощю же межю клѣтми проицавши помость, в ковьръ опрятавши и ужи свѣсиша на землю, и възложивша ѿ на сани, и везша поставиша ѿ въ святѣй Богородици, юже бгъ самъ создалъ. Се же увидѣвши людѣе и снидошася бе-щисла, и плакашася по немъ, боляре акы заступника земли ихъ земли, убози акы заступника и кормителя. И вложиша ѿ в корсту мороморяну, спрятавши тѣло его с плачемъ великим, блаженаго князя» [Памятники литературы... 1978: 144]. Ср.: «И призъвавъ Бориса, ему же бгъ имя наречено въ святѣмъ крѣщении Романъ, блаженааго и скоропослушьливааго, предавъ вогъ мѣногы въ руцѣ его, посла ѿ противу безбожьнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию въставъ иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима съ творити, елико велить воля сѣрдѣца твоего». О таковы ихъ бо рече Притѣчникъ: «Сынъ быхъ отѣцю послушьливъ и любимъ предъ лицемъ матере своей» [Успенский сб. 1971: 43-44].

В ПВЛ по возвращении Бориса от печенегов, он получает вѣсть о кончинѣ отца. Здѣсь подробно описывается печаль Бориса по поводу этого трагического события и деяний Святополка относительно него: «Борису же возвратившюся с воины, не обрѣтишу печенѣгъ, вѣсть приде ему: «Отець ти умерлъ». И плакася по отци велми, любимъ бо бгъ отцемъ паче всих, и ста на Летѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: «Се дружина у тебе отъня и вои. Поиди, сяди в Кыевъ на столѣ отни». Он же рече: «Не буди мнѣ възняти руки на брата своего на старѣйшаго: аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто» [Памятники литературы Древней Руси XI – начало XII веков 1978: 146]. Так описывается реакция Бориса на смерть отца в «Сказании»: «И яко услыша святѣй Борисъ, начатъ тѣлѣмъ утѣрпывати и лице его въсе слѣзъ испълнися, и слѣзами разливаясь и не могый глаголати. Въ сѣрдѣци си начатъ сицевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очю моею, сияние и заре лица моего, бгъ здроуности моеѣ, наказание недоразумѣния моего! Увы мнѣ, отѣче и господине мой! Къ кому прибѣгну, къ кому възърю? Къде ли насыщюся таковааг облагааго учения и казания разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како зайде свѣте мой, не сущу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чѣстьное твое тѣло своима рукама съпряжялъ и гробу предалъ. Нѣ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни съподобленъ быхъ цѣловати добролѣпныхъ твоихъ сѣдинъ. Нѣ, о блажениче, помяни мя въ покои твоемъ! Сѣрдѣце ми горить, душа ми сѣмысль сѣмуцаетъ и не вѣмкъ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, его же быхъ имѣлъ въ отѣца мѣсто? Нѣтъ, мнѣю, о суетии мирьскихъ поучається и о биении моемъ помышляеть. Да аще крѣвь мою пролѣеть и на убийство мое потѣщиться, мученикъ буду Господу моему» [Успенский сб. XII-XIII веков 1971:46].

Отметим также, что анонимное «Сказание» более эмоционально, нежели ПВЛ.

Таким образом, мы видим редкий для агиографии, событийно-исторический тип вступления, выдержанный в своей основе в стиле, характерном для жанра летописи.

Перейдем к «Чтению», написанному Нестором. Основной части произведения автор предпосылает здесь пространное вступление, обращенное к событиям Священной истории, повествующее о грехопадении Адама и Евы, о борьбе пророков со злом идолопоклонничества, о воплощении и распятии Христа [Словарь книжников...1987:274].

Восприятие истории в средние века в значительной мере определялось знакомством с библейскими текстами. Чем яснее, выразительнее было это соотношение, тем значимее представляли события; в предельных случаях могло иметь место непосредственное отождествление тех или иных событий, или явлений с библейскими прообразами. Библия, можно сказать, служила моделью восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотношение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего [Успенский 2000:3].

В начале своего вступления автор, как принято, обращается к Господу: *«Владыко Господи Вседержителю, створивый небо и землю и вся яже на нем»* [Revelli 1993:601]. И далее автор не раз взывает к Богу: *«Владыко мои Иисусе Христе, сподоби мя яко единого отъ техъ святыхъ и даруй ми по стопамъ ихъ ходити. Господи Боже мои, да не вознесется мысль моя суетою мира сего»* [Revelli 1993:620]. Затем он переходит к теме самоуничужения, столь характерной для Нестора: *«Ты и ныне сы, Владыко, призри на смирение мое и подаи же разумъ сьрдцю моему...»* [Revelli 1993:601], и снова обращается к Господу, надеясь на Его милосердие благодаря молитвам Бориса и Глеба: *«Но, о Владыко, веси грубость и неразумие сьрдца моего. Но надеюся твоему милосьрдию и молитвы ради святоую мученику Бориса и Глеба»* [Revelli 1993:601].

Важным моментом проявления авторского самосознания являются высказывания об используемых автором источниках. Как правило, такие источники агиографы перечисляют во вступительной части жития. В «Чтении о Борисе и Глебе» во вступлении автор ссылается на традиционный для житийных текстов источник: на *«некихъ христороубецъ»*, – никак его не конкретизируя [Конявская 2000:36]. В самом «Чтении», однако, автор называет «христороубцем» князя Ярослава [Revelli 1993:663].

Затем автор обращается уже к братии – адресату «Чтения» – с той же просьбой: простить невежество: *«Нъ да послушайте, братие. Не зазрите грубости моеи...»* [Конявская 2000: 30].

В своем предисловии Нестор коротко говорит о Сотворении мира и человека Господом: *«Искони боречесь твори Богъ небо и землю и вся яже на земли.*

И насади на востоце породу. И созда человека своима руками» [Revelli 1993: 601]. В ПВЛ история создания мира описывается гораздо более подробно: «Въ начало створи богъ небо и землю въ первый день. И в 2-й день створи твердь, яже есть посреди воды. Сего же дне раздѣлишася воды, полъ ихъ взиде надъ твердь, а полъ ихъ под твердь. А въ 3 день сътвори море, и рѣкы, и источники, и стѣмена. Въ 4 –й день солнце, и луну, и звѣзды, и украси богъ небо. Видѣвъ же първый от ангель, старѣйшина чину ангелску, помысли в себе, рекъ: «Сниду на землю, и преиму землю, и поставлю престолъ свой на облацѣхъ стѣверьскихъ, и буду подобенъ богу». И ту абѣ свѣрже и с небесе, и по немъ спадоша иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый. Бѣ же имя противнику Сотанаиль, в него же мѣсто постави старѣйшину Михаила. Сотона же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы первыя, наречеса противникъ богу. Посем же въ 5-й день створи богъ киты, и гады, и рыбы, и птица пернатая. В 6-й же день створи богъ звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человекъ. Въ 7-й же день почи Богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота» [Памятники литературы ... 1978:102].

Далее Нестор повествует о том, что Адам и Ева нарушили запрет Бога и были изгнаны из райского сада: *«Она же вкушъши, подасть Адаму и оба преступиста заповедь Божию. И того ради изгнанъ бысть изъ рая» [Revelli 1993: 604]. Ср.: «Видѣвъ же дьяволь, яко почти богъ человекъ, възавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и приде къ Евѣ, и рече ей: «Почто не яста от древа, суцаго посредѣ рая?» И рече жена къ змиѣ: «Рече богъ: не имата ясти, аще ли, да умрета смертию». И рече змия к женѣ: «Смертию не умрета; вѣдяше бо Богъ, яко в он же день яста от него, отверзетася очи ваю, и будета яко и богъ, разумѣюща добро и зло». И видѣ жена, яко добро древо въ ядѣ, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и съшиста листвиемъ смоковнымъ препоясанье. И рече богъ: «Проклята земля в дѣлехъ твоих, и в печали яси вся дни живота своего». И рече господь богъ: «Егда како прострета руку, и возмета от древа животнаго, и живета въ вѣки». И изгна господь богъ Адама из Рая» [Памятники литературы... 1978:102-104].*

В числе событий Священной истории упомянуто рождение сыновей Адама и Евы Каина и Авеля, однако историю убийства Каином Авеля книжник опускает: *«И зачатъ и жена его Ева, и роди Каина. И пакы приложи и роди Авеля. Но да не продолжюречии, нъ воскорѣ извещаяю» [Успенский 2000:604].* Требуется объяснения отказ от упоминания автором о грехе первого братоубийства, это особенно странно, поскольку параллель «Святополк – Каин» является одним из лейтмотивов «Чтения». Как считает А.М. Ранчин, во вступлении Нестора о грехе Каина не говорится, ибо его замещает и повторяет злодеяние Святополка [Ранчин 2007:123].

История Бориса и Глеба – это история братоубийства, когда старший брат убивает младшего: Святополк убивает своих братьев, Бориса и Глеба – и это парадигматически соотносится с библейским сюжетом о Каине и Авеле. Так начинается человеческая история – с трагедии, с жертвы. Убийство Бориса и Глеба повторяет эту трагедию.

Так, именно с братоубийственной жертвы начинается человеческая история; так же начинается и русская история.

Необходимо подчеркнуть, что Абель традиционно рассматривается как первый святой (первая жертва) в человеческой истории. Совершенно так же Борис и Глеб – это первые святые в русской истории.

Напротив, в ПВЛ убийство Авеля довольно детально описывается: «Сотона же влѣзе в Каина, и пострѣкаше Каина убити Авеля. И рече Каинъ: «Изидевь на поле» Авелю, и послуша его Абель, и, яко изыдоста, вѣста Каинъ и хотяше убити и, и не умяше, како убити и. И рече ему сотона: «Возми камень и удари и». Возьмъ камень и удари и» [Памятники литературы... 1978: 104].

В итоге, оставив частный конфликт, Нестор переходит к более масштабному, переключается на тему поклонения языческим идолам. Идея крещения была очень близка Нестору, в связи с ней в «Чтении» явно прослеживается политический подтекст.

В «Чтении» много говорится об «идолопоклонстве» людей: «Оумножемся человекомъ по земли, и видевь ненавидя рода человека дияволь оумножения человек сътвори имъ кланятися идоломъ, а не Богу, створшему небо и землю» [Revelli 1993:604]. Однако Бог не прогневался, а проявил милосердие и решил послать на Землю Иисуса Христа, чье рождение Нестор описывает довольно подробно: «Ни ту ся Богъ прогнева на создание Свое. Нъ милосердоваше о твари Своеи, и изволися милосърдие Его, еже имяшекъ твари Своеи. Пусти бо Сына Своего единочадаго, иже съшедъсьнебеси и вселисявъ святую Девицю, и рожесе отъ Нея, девѣства же не вреже. Яко же прежде рожѣства девою, тако же и по рожѣстве пребысть девою. Господу же нашему Иисусу, яко же прежеркохомъ, рожешуся отъ святыя девице и хрѣщешемуся отъ Ивана, намъ образъ давъ» [Revelli 1993:604]. В то время как в ПВЛ рождение Христа описано очень кратко: «В сего же власть, в лѣто 5500, посланъ бысть Гаврилъ в Назарейфъ къ дѣвици Марьи, от колѣна Давыдова, реци ей: «Радуйся, обрадованая, господь с тобою!» И отъ слова сего зачатъ слово божье в вутробѣ, и породил сына, и нарече имя ему Иисусъ» [Памятники литературы... 1978: 116].

Далее в предисловии четко прослеживается тематический мотив крещения: «Да и мы и крестимся во имя Его» [Revelli 1993: 607]. Данный мотив реализован символично; затем мы встречаем его и в основной части произведения, но уже в связи с именем князя Владимира, Крестителя Руси: «И крестися [князь

Владимир] во имя Отца и Сына и Святого Духа. Наречено бысть имя ему Василии» [Revelli 1993: 617]. Нестор повествует об учениках Христа, апостолах: «Таче потомъ избра 12 оученика, яже и апостолы нарече. И много я оучаше о Царстве Небеснемъ» [Revelli 1993: 607]. Специально говорится об их деяниях и о чудесах: «Апостолы же шедше, проповедаху Еоуангелие по всеи земле, яко же заповедаимъ Господь. Мьнозивероваша и крестишася во имя Отца и Сына и Святого Духа. И бе радость велика веровавшимъ въ Господа нашего Иисуса Христа. Видяху бо чудеса многая же твораху святии апостоли во имя Господа нашего Иисуса Христа. Слепи прозираху. Хромеи хожаху, прокажении очишахуса» [Revelli 1993: 610].

Автор говорит о помощи Господа русским людям: «Не дастъ бо имъ погыбнути въ прельсти идолстеи. Нь по мьнозехъ летехъ милосердова о своемъ созданыи, хотя в последняя дьни присвоитикъ своему божеству» [Revelli 1993:604]. И вновь появляется тема служения идолам и «идольской прелести»; Нестор перекликается в данном случае с идеями митрополита Илариона, который в своем «Слове» говорит о превосходстве христианства над иудаизмом и язычеством, Благодати над Законом и «идольской лестью», победе и распространении живительного христианского учения среди «новых» народов, бывших язычников, прежде всего – в народе русском [Иларион 1994:11].

Затем автор переходит к событиям русской истории. И снова идеи Нестора пересекаются с идеями Илариона. Нестор восхваляет князя Владимира: «Бысть бо рече князь в тыи годы володыи всею землею русскою именемъ Владимирь» [Revelli 1993: 614]. Тем не менее, Нестор сначала называет Владимира язычником – «елинь», а потом говорит, что Бог сделал его христианином. Князь Владимир сравнивается с двумя христианскими святыми: с мучеником Плакидой, который после крещения был наречен Евстафием (ср. Владимир после крещения получил имя Василия), и с византийским императором Константином, который вместе со своей матерью Еленой установил христианство в Византии в качестве государственной религии.

Заканчивает Нестор свое пространное вступление новыми уверениями в том, что Иисус Христос был милостив к русским людям, поклонявшимся идолам: «Но егда благоволи небеснии Владыка, яко же прежде рекохъ, в последняя дьни милосердова о нихъ. И не дастъ имъ до конца погыбнути в прельсти идолстеи» [Revelli 1993: 614].

Пространный фрагмент о сотворении мира и события священной истории рассматриваются как своеобразный пролог к событиям русской истории, которые здесь привлекаются как библейская аналогия характерная для древнерусских и в целом средневековых авторов.

Основная цель этого пространного очерка-вступления заключается, на наш взгляд, в том, чтобы показать неизменное противостояние дьявола Божественному промыслу о человечестве, а также подчеркнуть значение акта крещения Руси для всей ее последующей истории, рассматривая его как величайшее благодеяние Бога к русскому народу.

Теперь, обратимся к «Сказанию о чудесах святою страстотерпцу Христову Романа и Давида». В жанрово-композиционном отношении это произведение следует рассматривать как собрание рассказов о посмертных чудесах, совершенных св. Борисом и Глебом. В рукописях оно обычно составляет единый комплекс со «Сказанием и страстью и похвалой святою мученику Бориса и Глеба». По пространности первое произведение сильно уступает второму.

Мысленно мы разделили данное вступление на две части, первая из которых в основном строится как последовательная цепь цитат из Священного Писания. С этой канонической и риторической в своей основе частью, явно контрастирует вторая часть повествования, распадающаяся на три основных содержательных фрагмента – об обстоятельствах обретения нетленных мощей святых, о пожаре в старой вышгородской церкви и о подготовке к официальному освидетельствованию мощей митрополитом Иоанном в присутствии князя Ярослава Мудрого. Эта часть вступления характеризуется более простым стилем, видимо, отражающим основные черты стиля повествования автора предисловия.

Здесь автор основное внимание уделяет рассказам о явлениях и чудесах, позволивших людям узнать о мощах св. Бориса и Глеба, скрытых в земле. Хотим отметить исторический характер этих чудес, так как они способствовали складыванию исторического культа почитания святых Бориса и Глеба.

Первым из таких чудес автор называет явление огненного столпа. Чудесное явление огненного столпа описано в ряде древнерусских агиографических памятников. Так, огненный столп видят над брошенным или погребенным в «пусте месте» телом убитого Глеба проходящие мимо охотники, купцы, пастухи в «Сказании о Борисе и Глебе» [Ранчин 2007:128]. Глухое место, в котором брошено тело святого мученика, обладает характеристиками сакрального храмового пространства: возле покоящегося в пустынном месте тела Глеба виден не только огонь, но и горящие свечи и слышно ангельское пение: *«Овогда бо на месте, иде же лежаста, видяхоу столпе огньне стояць. И овогда ангелы поюща слышахоу, и то слышаще и видящее люди я верьни идивляхоуся и славляхоу Бога»* [Revelli 1993:482].

Другим характерным чудом на месте будущего обретения мощей святых, которое описал автор предисловия, стало чудо о наказании варяга-язычника, относящееся к типу христианских чудес «об уверении неверующих». Варяг наступил ногой на место, где лежали святые мощи, в результате чего был наказан:

«Том часе огонь ишъд от гроба и зажъже нозе его. И искочив, начат поведати, и нозе показывая своей дружине опалене и ожъжене. И оттоле начаша не съмети близ пристоупати, нъсъ страхом покланяхуся» [Revelli 1993:485].

Последним событием, которое рассматривается автором предисловия в качестве грозного Божественного знака и предупреждения, стал пожар старой церкви св. Василия в Вышгороде. Особо подчеркнута в данном случае забота Бога о людях: *«И горяше церкы от верха, и все изнесоша иконы и съсоуды. И ничто же не съгоре, тькъмо церкы едина» [Revelli 1993: 485].*

История вышгородских церквей тесно переплетается с житием, страданиями и прославлением первых русских святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Именно они своими нетленными мощами составляли святыню Вышгорода. Они выступали как образец братского единения, являя тем противоположность князьям XI-XII веков, которые опустошали междоусобицами города и веси. Более того, они не были только местнопочитаемыми святыми, а покровительствовали всей Русской земле. Сравнивая святых Бориса и Глеба со св. Дмитрием Солунским, автор «Сказания» с гордостью подчеркивает, что св. Дмитрий был покровителем «единого града» – Солуни, а Борис и Глеб – «всей земли русской» [История храма...].

Заканчивается предисловие сообщением о том, что, после пожара, призвал князь Ярослав митрополита Иоанна, собрали они всех и отправились крестным ходом в Вышгород, где лежали мощи святых [Revelli 1993:488].

Таким образом, предисловие к «Сказанию о чудесах» можно разделить на две части: в первой мы видим набор цитат, основная задача которых заключается в прославлении мучеников, во второй описывается подготовка к перенесению мощей, последовавшей после пожара старой церкви в Вышгороде.

Итак, обратимся к основным выводам, сопоставив три вступления к текстам Борисоглебского цикла.

Так, в «Сказании» перед нами представлен редкий для древнерусской литературы, особенно для агиографии, событийно-исторический тип вступления, который имеет вид исторической экспозиции к тем событиям, которые были описаны далее в самом произведении.

Вступление к «Чтению» Нестора можно рассматривать как библейско-символическое, причем реализуемые здесь библейские мотивы тесно связаны с событиями русской истории, которые отражены в последующем основном тексте произведения. Данное вступление, таким образом, как и вступление к «Сказанию о Борисе и Глебе», символически отражает русскую историю через призму событий Священной истории.

Предисловие к «Сказанию о чудесах» в стилистическом отношении двойственно, оно состоит из двух разностильных частей: одна из них состоит из

набора канонических цитат из Священного Писания и имеет сугубо риторический характер, вторая отражает события, предшествовавшие обретению мощей св. Бориса и Глеба, и, видимо, отражает стилистическую манеру самого автора «Сказания о чудесах».

В итоге мы можем говорить о том, что в изученных нами произведениях Борисоглебского цикла представлено два разных типа предисловий – событийное (Анонимное «Сказание, страсть и похвала...») и библейско-символическое («Чтение» Нестора); в «Сказании о чудесах» эти два типа автор пытается объединить в одном повествовании. Характерно при этом, что библейские цитаты и события русской жизни во всех изученных текстах тесно взаимосвязаны, что было обусловлено, очевидно, спецификой отношения русских авторов, «нового народа», к собственной истории в период после крещения Руси. В процессе дальнейшего развития древнерусской литературы агиографические предисловия станут более каноничными и менее историчными, что видно, в частности, уже по тексту предисловия к Житию Феодосия Печерского, написанному позже тем же Нестором.

Список использованной литературы

- Еремин И.П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. – М., Л.: Наука, 1966. – С. 111.
- История храма Бориса и Глеба в Вышгороде [Электронный ресурс] / б.а., б. д. // Храм святых страстотерпців Бориса і Гліба : Українська Православна Церква. – URL: http://boris-i-bleb-vyshegrad.kiev.ua/about/history_of_church/ (дата обращения 23.03.2014).
- Иларион. Слово о Законе и Благодати / Коммент. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского. – М.: Столица, Скрипторий, 1994. – С. 11.
- Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI - середина XV в.). – М.: Языки Русской культуры, 2000. С. 30, 36.
- Памятники литературы Древней Руси XI – начало XII веков. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 92, 102-104, 116, 136-137, 144, 146.
- Ранчин А.М. Вертоград Златоглавый. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 123, 128, 274.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси XI – первая половина XIV в. – Л.: Наука, 1987. – С. 274.
- Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. – М.: Языки Русской культуры, 2000. – С. 3, 42, 604.
- Успенский сборник XII-XIII веков. – М.: Наука, 1971. – С. 43-44, 46.
- Revelli Giorgetta. Monumenti letterary su Boris e Gleb, 1993. – С. 482, 485, 488, 601, 604, 607, 610, 617, 620, 663.

РЕЧЕВАЯ СТИЛИЗАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Е. Е. Иванова*

Одним из основных видов стилизации в произведении «Лето Господне» И. С. Шмелева является речевая стилизация. При создании речевых портретов И. С. Шмелев обращается к использованию литературных и внелитературных средств языка. Изображая людей, создавая живые, яркие типы с их взглядами, привычками, воспитанием, вкусами, нравами, писатель стремится передать их индивидуальность. Главными приемами речевой стилизации являются использование разговорной речи и просторечия; отражение в произведении диалектных говоров; использование профессионализмов.

Одной из основных черт просторечия являются фонетические изменения. Наиболее ярко такие изменения отражены в иноязычной лексике. Большинство заимствованных слов отмечено для носителя просторечия непрозрачностью своего строения и отсутствием у них ощутимых этимологических связей. Это часто приводит к различного рода фонемным заменам в составе конкретных лексем:

1. Устранение зияний. Произношению многих просторечных лиц свойственно стремление устранить малохарактерные для русского языка сочетания гласных внутри морфемы. Ликвидация зияний достигается либо путем консонантных вставок между гласными, либо посредством элиминации одного из них. В функции консонантного элемента, устраняющего зияние, выступают согласные [j] и [в]: *тротуар* – *протувар*; *миллион* – *милиен*; *маседуан* – *маседуван*; *киот* – *кивот*.

– *Народу повалит завтра – на протуваре не устоять* [Шмелев 2003:286]. *Милиен народу!* – *встречает Василь Василич. – За тыщу выручки, катальщики не успевают, сбились... какой черед!..* [Шмелев 2003:261]; *...милиен возков, хошь на всю Москву к завтраму, возьмись только... и больше ничего* [Шмелев 2003:274]. *Владыка дважды крема принять изволил, а в ананасный маседуван благословил и мадерцы влить* [Шмелев 2003:323]. *Перед правым кивотом, на середине спальни, поставлен стол, накрытый парадной скатертью* [Шмелев 2003:483].

2. Уподобление, ассимиляция гласных. Ассимиляции подвергаются любые по тембру гласные, необязательно с ориентацией на гласный ударного слога: *мармелад* – *мармалад*, *ефимоны* – *ифимоны*, *еретик* – *иритик*.

Трифоныч оттирает лавку, глядит по улице, не едет ли Панкратыч: хочет первым его поздравить. Шепчет мне: «Уж приподнесу ландринчику и мармаладцу, любит с чайком Панкратыч» [Шмелев 2003:335]. *«Увы мне, окаянная я!»*.

* Иванова Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания Курганского государственного университета.

Так и в ифимонах теперь читается [Шмелев 2003:138]. – Да за такое слово тебя, иритика... ах ты, смола жгучая, а?! да тебя на сем месте разразит за такое слово!.. откуда ты набрался, а?! сейчас мне сказывай... а?! хулу на Господа!., а?! [Шмелев 2003:490].

3. Расподобление, диссимиляция соседних гласных: *интерес – антирес, именинник – аменинник:*

Я через квартального, правда... ошибся... ради хозяйского антиресу [Шмелев 2003:140]. А... для аменин Денис меня угостил, а я дела не забываю... я хозяйское добро... в воде не горит, в огню не тонет! [Шмелев 2003:271].

4. Перестановка, метатеза гласных в соседних слогах: *Говорят: «За польцимейстером надо посылать!» [Шмелев 2003:158].*

5. Делабиализация [у] – замена [у] в безударных слогах нелабиализованным звуком [и]: – *Тыщонек десять набрал-с, доберу! Сала на заливку куплено. Лиминацию в три дни облепортуем-с. А как в приходе прикажете-с? Прихожане летось обижались, лиминации не было. На лодках народ спасали под Доргомиловом... не до лиминации [Шмелев 2003:175].*

6. Метатеза согласных звуков: *Иван Иваныч, фершал, смотрел, велел тертого хрену под затылок [Шмелев 2003:141].*

7. Диссимиляция согласных: *Народу повалит завтра – на протуваре не устоять [Шмелев 2003:286]. Идите от Меня... в огонь вечный... уготованный диаволу и аггелам его!.. [Шмелев 2003:142]. – Весело у нас постом-то? а? Как ярмонка. Значит, чтобы не грустили. Так, что ль?.. [Шмелев 2003:160]. – Грешно бояться Креста Господня! – его бесы одни страшатся, а ты, милок, андельская душка. [Шмелев 2003:369]. – Ну, я писаря повел в листоран, а газетчик тут грозился пропечатать фамилию вашу... [Шмелев 2003:141].*

Встречаются диссимилятивные преобразования с заменой одного из взрывных фрикативным: – *Тут кукушке не удержаться, – говорит Горкин, – нелюдимая она птица, карактерная [Шмелев 2003:279]. – Водчонку мы тогда побоку... Поговорили бы, Михал Панкратыч... крестный ей. Летось намекал ей – и пить брошу... ну, рыбку ловить бросить не могу, – все-то меня корит: «Шут речной, бродяга...» – это что на реке ночью... – карактер мой такой, не могу [Шмелев 2003:281]. – У него своя грамота – рихметика [Шмелев 2003:271].*

8. Одним из общих свойств разговорного языка выступает пропуск звуков и групп звуков: *Да сде-рживай... лешья голова!.. – с криком выпрыгивает из санок Горкин и подымает руки на мчащихся с гиканьем за нами. – Сворачь ... сворачь, те говорю!.. [Шмелев 2003:269]. А хорошо, стро-го стало... блюдет наш Митрич... И машину на первую неделю запирает, и лампадки везде горят... [Шмелев 2003:146]. А чего мне язык завязывать! Хочу - и говорю про Сергей Ваныча моего... про хорошего человека - да не говорить!.. [Шмелев 2003:442].*

Чаще всего в тексте встречается выкидка звука, диэреза: – *И я, грешный, за Стасовыми всегда бывал, и хоруги носил, а вот... не удосужусь нонче, – говорит скучно Горкин. – Ах ты, птаха небесная... летишь – куды хотишь. Молись, молись за дяденьку... Ох, пошел бы и я с тобой к Преподобному, душу бы облегчить... го-ре-то у нас ка-кое!.. – вздохнул он, взглянул на меня и замолчал* [Шмелев 2003:472].

Еще одна типичная черта – элиминация, сокращение числа слогов в слове. Многосложные слова, словообразовательно не мотивированные для носителя просторечия, имеют тенденцию сокращаться по числу слогов. Чаще всего элиминируется начальный слог.

– *Тыццонок десять набрал-с, доберу! Сала на заливку куплено. Лиминацию в три дни облепортуем-с. А как в приходе прикажете-с? Прихожане летось обижались, лиминации не было. На лодках народ спасали под Доргомиловом... не до лиминации!..* [Шмелев 2003:175]. *Когда Василь Василич начинает махать-грозиться: «Я те летось еще сказал... и глаз не кажи лучше, хозяйский струмент пропил!»* [Шмелев 2003:191].

И. С. Шмелев для языковой характеристики героев широко использует разговорную и просторечную лексику. Употребление этой лексики мотивировано изображением среды мастеровых людей. Так, в повести «Лето Господне» насчитывается 165 просторечных единиц: *серчать, пуцай, здря, черёд (очередь), давеча, летось, хворать, пузо, хворый, акурат (точно), дух (запах), шибко, потрафить, маленько, одёжа, каленый, намедни, страсть (сильно, очень), харчи, облапать, серчать, рехнуться, полтинник, пятиалтынный, гривенник, двухгривенный, красенькая.*

Глазок-то у тебя!.. В Успенский взяли. Самому протопопу соборному отцу Валентину доставляем, Анфи-теятрову! Проповеди знаменито говорит, слышал небось! [Шмелев 2003:214]. *Свистать-то будто и не годится, барин... чай, у нас образа висят! – говорит укоризненно Марьюшка* [Шмелев 2003:228]. – *Как повалится на меня из двери, как облапит... Не пойду, вовеки не пойду...* [Шмелев 2003:241]. *Денис просит прощенья и все говорит: «Поговорите ей, Михал Панкратыч... мочи моей нет, душа иссохлась»* [Шмелев 2003:283]. *...боялся на всем народе мошенником осрамить барина Энтальцева: греха-искушения страшился* [Шмелев 2003:325].

В речи героев, представителей рабочего люда, встречаются, наряду с простонародными, книжные слова, часто изменённые, приспособленные к народной речи: «*Ильзевул*», «*альхитектор*», «*прынца <...> сосватаем*», «*струмент*», «*дилижан*», «*в три дня лиминацию облепортуем*», «*фиверк*», «*сделаем соловью лепетицию*».

Разговорную речь персонажей в повести «Лето Господне» характеризует обилие экспрессивно-эмоциональной лексики. Использование большого количества эмоционально-экспрессивных слов является яркой речевой характеристикой отца. В зависимости от своеобразия этих оценочных характеристик в составе этой лексики различаются:

1. Слова со значением ласкательности.

– *Василь Василич... зайди-ка на минутку, братец* [Шмелев 2003:143]. *Слышал, чижик? – говорит отец, тербя меня за щеку. – Соловей – это не в диковинку, а вот жавороночка заставит петь, да еще ночью... Ну, удружил, мошенник* [Шмелев 2003:166]. *Спасибо, бабочки, за ласку вашу, за молитвы!.. – кричит отец, – молебен, слышал, служили?..* [Шмелев 2003:436].

2. Слова, выражаемые снисходительную иронию.

– *Дурак старый... голову потерял, убьешься!* – кричит отец [Шмелев 2003:170]. *И что такое они придумали, чудачье... – вскрикивает отец и бежит на парадное крыльцо* [Шмелев 2003:315]. *Зима на дворе, а у нас дождик. Эка морду-то наревел!..* [Шмелев 2003:336]. *Едем, Ванятка, в бани!., вымою, порошок, живею одеваться!.. Эй, Горка-плакун ... Видишь, какой опять? а?!* [Шмелев 2003:430].

3. Грубые и бранные слова, употребляемые для выражения положительной оценки.

Денис-молодчик на все якорьки накиннул и развернул... знаешь Дениса-разбойника, солдата? И Горка наш, старина, и Василь Косой... все! Кланяйся им, да ни-же!.. По-радовали, чер... молодчики! Сколько, скажешь, давать ребятам, а? [Шмелев 2003:172]. *Запел!.. А, шельма Солодовкин, не обманул! Больше года не пел.* [Шмелев 2003:165]. *Выдай ему, Панкратыч, на чай целковый. Ну, марш, пешая голова, мошенник). Постой, как с водой?* [Шмелев 2003:167].

4. Грубые и бранные слова, употребляемые для выражения отрицательной оценки.

– *Пьяная морда!* – кричит отец, стуча кулаком по столу, на котором подпрыгивают со звоном груды денег. – *И посейчас пьян?! в такой-то великий день! Грешу с вами, с чертями... прости, Господи! Публику чуть не убили на каганье?! А где был болван приказчик?* [Шмелев 2003:139-140]. *Рожка твоя пьяная понравилась! Ну, ври...* [Шмелев 2003:140]. *Пьяницу-вора? Лучшие я барки растеряю... матерьял на цепях, не расивыряет... а его, сукинова сына, не допущу! – стучит кулаком отец* [Шмелев 2003:165]. *Разбойник ты, мошенник, целый день проваландался!.. знаю твою «бадью»... за что только Господь спасает!..* [Шмелев 2003:386].

Прием употребления фразеологических средств разговорной речи используется писателем для отражения образности народной речи, изображения творческого начала в простых людях. В тексте насчитывается 43 поговорки и присказки: *Издых царь Ирод поганой смертью, а мы Христа славим-носим, у хозяев ничего не просим, а чего накладут – не бросим* [Шмелев 2003:222]. *Нам не под нос, а в самый бы роток попало* [Шмелев 2003:154]. *Почем почемкую - потом и потомкаешь* [Шмелев 2003:160]. *Не скучай, найду тебе невесту! В подполье у нас живет, корочку жует, хвостиком крутит, все ночки кутит... как раз по тебе!..* [Шмелев 2003:284]. – *Горкину-Панкратычу! – дергает картузом Крапивкин, с седой бородой, широкий. – А я-то думал – пропал наш козел, а он вон он, седа бородка* [Шмелев 2003:213].

Особенно склонна к рифмованию родная тетка отца, о ней говорят, что она «немного с приглинкой», рифмотворчество является ее характерной чертой, «говорит всегда грубовато, срыву, но очень складно, без единой запиночки, «так цветным бисером и сыплет», целый вечер может проговорить, и все загадками-прибаутками» [Шмелев 2003:344]: – *Приехала тетка с чужого околотка... и не звана, а вот вам она!* [Шмелев 2003:345]. *Расти, хохолок, под самый потолок! Что, малинка... готова перинка? Кому пост, а кому погост!* [Шмелев 2003:345]. *Невелика синица, напьется и водицы Видала во сне – сидит баба на сосне. А ты бы, дьякон, потише вякал!* [Шмелев 2003:346].

В области морфологии разговорной речи своеобразие проявляется в преобладании глаголов над существительными, повышенной частотности употребления личных местоимений и частиц, малой употребительности причастий и деепричастий.

И. С. Шмелев отражает в повести употребление постпозитивной усиительно-выделительной частицы *-та*, свойственной разговорной речи малограмотных мастеровых людей: – *Это я-та не развяжусь?! – встряхиваясь, кричит парень и хватает свои шары. – Я-та?.. этого дерьма-та?! На!..* [Шмелев 2003:150].

Одним из способов отражения на письме разговорной речи является использование прямой речи. В произведении И. С. Шмелева прямая речь в процентном соотношении занимает значительную часть (37%). Представляя собой открытый прием передачи высказывания персонажу, прямая речь требует для своего изображения соответствующих субъекту языковых средств. В повести «Лето Господне» прямая речь не представляет собой натуралистическую копию языка изображаемой среды, автором выборочно берутся черты разговорной речи и, художественно переработанные, входят в словесную ткань произведения. И. С. Шмелев стилизует речь персонажей под разговорную речь.

В тексте встречается несколько примеров гиперкоррекции речи.

Гиперкоррекция речи, распространенная черта просторечия, используется И. С. Шмелевым для речевой характеристики образа отца: – *Денис-молодчик на все якорьки накинул и развернул... знаешь Дениса-разбойника, солдата? И Горка наш, старина, и Василь Косой... все! Кланяйся им, да ни-же!.. По-радовали, чер... молодчики! Сколько, скажешь, давать ребятам, а?* [Шмелев 2003:172].

На синтаксическом уровне в произведении отражена характерная для разговорной речи неполнооформленность структур, которая проявляется в пропуске членов предложения, эллипсисе: *Лети-им с гор... не дай Бог... вижу, пропадать нам...* [Шмелев 2003:140]. *Посинел-посинел, пока цирюльника привели, пивки ставить, а уж он готов. Теперь уж там...* [Шмелев 2003:147]. *Глянь-ко, опять мотается! – весело говорит Горкин. – Он самый, у бассейны-то!..* [Шмелев 2003:150]. *Нет, не галки это, – говорит, прислушиваясь, Горкин, – грачи летят. По гомону их знаю... самые грачи, грачики. Не ростепель, а весна. Теперь пошла!..* [Шмелев 2003:151]. *Ну скатили дилижан, кричат – жеще!* [Шмелев 2003:140].

Для разговорного языка характерен особый порядок слов, связанный с особенностями интонационного и ритмического построения фразы: – *Наказал Павлуше-десятнику там, в случае угрожать станет, – скакал чтобы во всю мочь, днем ли, ночью, чтобы нас вовремя предупредил. А мы тут перейдем тогда, с мостов забросными якорьками схватим... нам не впервой-с* [Шмелев 2003:164].

Черты разговорной речи отражаются в синтаксисе сложных предложений. Связи частей сложного предложения в разговорном языке существенно отличаются от принятых в литературном языке. В тех случаях, когда в литературном языке используются союзные подчинительные связи, в разговорном языке выступают бессоюзные конструкции. Этой особенностью разговорной речи пользуется И. С. Шмелев для создания речевых портретов героев:

- *Ну, писарь кварталный стал пужать, протокол писать, а ему кварталный воспретил, смертоубийства не было!* [Шмелев 2003:141]. – *А смеяться над человеком не годится, он и то от запоя пропадает...- говорит ей Горкин, - надо тоже понимать про человека. А дражнить нечего. Погодь, принца тебе посватаем.* [Шмелев 2003:284]. *Василь Василич в деревню ездил, тоже сказывает: ранняя ноне зима будет, ласточки тут же опосле Успенья отлетели, зимы боятся. И сорок, говорит, несметная сила навалилась, в закутки тискаются, в соломку... – лютая зима будет, такая уж верная примета. Погляди-ка, вороны на помойке с зари толкутся, сила ворон, николи столько не было.* [Шмелев 2003:340].

В речи героев повести «Лето Господне» много междометных фраз:

– *Ну, покорюсь! только, братцы, немного, чур... дайте хоть спинжак скинуть да сапоги...* [Шмелев 2003:398]. *«Ну, – говорит, – у-пориста ты, мать,*

как бычья кожа!» [Шмелев 2003:401]. *И спинжак прямо весь черный стал, с крови... не дай Бог!..* [Шмелев 2003:420]. *«Да как же-с!.. первое средство, как вы привышныи»* [Шмелев 2003:435]. – *Го-споди!.. Сергей Иваныч!.. в-вот уважили! Эт-то что ж такое!.. – загремел он и за голову схватился. – В другой раз так меня уважили, за сердце прихватили!.. Да ведь это-то, прямо!.., во-от куда дошло, в-вот!.. Ну, вся-то тут Расея наша!.. Нет, никак не могу... Василья!..пару шинпанского волокни, золотая головка, «отклик»!* [Шмелев 2003:449].

Одним из приемов стилизации речи персонажей является отражение диалектного произношения и использование диалектной лексики. В повести «Лето Господне» насчитывается 156 единиц диалектного происхождения. Диалектное произношение в повести «Лето Господне» отражено в речи «окающих» выходцев из Ярославской губернии Василь-Василича и Горкина: *володимирцы, косатик, робята, Ондрейка, орбузы, рассахарные.*

Опосля сам залезу. По-нашему, по-ростовски! Ну, дай Господи... [Шмелев 2003:181]. Вот ум-ница... и млоденец, а умней Ондрейки-дурака, – говорит он, поокивая. - И будет тебе Праздник в радость [Шмелев 2003:187]. Ондрейка-озорник, дай-ко молодчику топорик, его почин. Перва его березка [Шмелев 2003:204].

На лексическом уровне почти каждый персонаж употребляет слова московского диалекта, что объясняется задачей автора показать московский быт 1880-х гг. В исследуемом тексте насчитывается 156 единиц диалектного происхождения: *лабаз* ‘большой ящик для хранения зерна, продуктов, ларь’; *журавиха* ‘клюква’; *грешники* ‘пироги с гречневой кашей, блин из гречневой муки’, *черепенники* ‘пряженное в постном масле тесто, в виде стопок’, *потрафить* ‘угодить’: *Орбузы у него... рассахарные всегда, с подтреском. Самому князю Долгорукому посылает! У него в лобазе золотой диплом висит на стенке под образом, как орлы-то!.. На всю Москву гремит [Шмелев 2003:210]. Клю-ква... – говорит Антон, – а по-нашему и вовсе журавиха [Шмелев 2003:159]. Гре-шники-черепенники горря-чи. Горря-чи греш-нички!.. [Шмелев 2003:161]. – Наблюдных-то?, показистой тебе надо... – задумывается Крапивкин. – Хозяину потрафить надо?.. Боровок крепонек еще, поповка не красовита... [Шмелев 2003:214].*

Профессионализмы в повести употребляются преимущественно в языке персонажей и служат материалом для создания речевых портретов. Так, в романе «Лето Господне» употребляются 28 профессионализмов, связанных с деятельностью плотников, столяров, конюхов: *закладать* – от закладывать ‘запрячь, впрячь в экипаж’, *закидываться* – несовершенный вид от *закинуться* ‘на бегу броситься в сторону’; *стропило* ‘опора для кровли – два бруса, соединённые верхними концами под углом, а нижними упирающиеся в стену здания’: *Чалого*

закладать нельзя – закидываться начнет от гомона, с ним беда. Кривую выводят под попонкой, густо мажут копытца и надевают суконные ногавки. Закладывают в лубяные санки и дугу выбирают тонкую и легкую сбрую, на фланельке. [Шмелев 2003:156]. Стропила наши, под кумполом-то, – говорит к храму Горкин, – нашей работки ту-ут!.. Государю Александре Миколаичу, дай ему Бог поцарствовать, генерал-губернатор папашеньку приставлял, со всей ортелью! [Шмелев 2003:158].

Для изображения речи нетрезвого человека, растягивающего слов, И. С. Шмелевым используется прием написания слов в разрядку. Это характерная черта речи Василия Васильевича: – П-маю-с, зажгем-с. Высоконько только?.. Да для Божьего дела-с... воздаст-с! Как говорится, у Бога всего много. [Шмелев 2003:175]. – Будь-п-койны-с, крепко стою... голову запекло, взопрел-с! В тыще местов был, все... как есь в п-рядке! [Шмелев 2003:202]. – Мороз веселит-с!.. И разрази меня Бог, ежели каплю завтра!.. Завтра, будь-п-койны-с!.. публику с гор катать, день гуляций... з-загоню!.. [Шмелев 2003:250].

Для изображения своеобразия речи героев, передачи их взволнованного состояния, переживаний, а также различных оттенков речи, пауз логико-психологического характера, выделения логических ударений писатель использует различные графические средства: многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, кавычки. При помощи пунктуационных знаков в письме отражается не только грамматическое членение, но и экспрессивно-стилистическое своеобразие речи. Например, многоточие может передавать взволнованность и переживания героя, обозначать паузу, полную переживаний и глубокого смысла, а также неожиданный переход.

Оно и без звону раззвонилось, дозвольте досказать-с... - пробует говорить Василь Василич, а язык и не слушается с морозу. – Как показали все планты оберпальциместеру... утвердите чудеса, все из леду!.. Говорит: «Обязательно утвержду... не видано никогда... самому князю Долгорукову доложу про ваши чу... чудеса!.. Всю Москву удивите, а-хнут!..» [Шмелев 2003:359]. «Радости-то мне колико, родненький мои... голубчики!..» [Шмелев 2003:337]. Ну, чего ты мне ерунду с загогулинами пустил?.. – говорит он безрукому. – Вазы на стенах, какие-то шары в окнах... столбы винтами?.. Это тебе не штукатурка, а лед!.. Обрадовался... за архитектора его взяли!.. [Шмелев 2003:359]. – Маша!., крахмальную рубашку!., и пару новую, к Пасхе какую сделали! Да скажи Гришке-шельме, штиблеты чтобы до жару вычистил, да живей!.. [Шмелев 2003:429]. – Вы, неразлучники... шепчетесь там чего, как тараканы?.. [Шмелев 2003:439]. Вот и Спас-Преображение... радость-то какая, бывало... свет-то какой, косатик!.. Яблочками с папашенькой менялись... – говорил он, всхлипывая [Шмелев 2003:472]. Эх, милый ты мой Горка... три недели сижу безвыходно, а делов-то

этих... ну-ды!.. а она... ту-ды... а?.. – шутливо-грустно сказал отец, хлопая Горкина по спине [Шмелев 2003:428].

На основании анализа языковых средств можно сделать следующие выводы: создавая речевые портреты персонажей, И. С. Шмелев использует разговорную речь, просторечие, диалектные говоры, профессионализмы. Язык персонажей дифференцируется, то есть наделяется особенностями, определяемыми образованием, профессией, возрастом, местом жительства. Изображая людей, создавая живые, яркие типы с их взглядами, привычками, воспитанием, вкусами, нравами, писатель стремится передать индивидуальное своеобразие, которое отличает речь каждого персонажа.

Список использованной литературы

Шмелев И.С. *Лето Господне: Автобиографическая повесть* / И. С. Шмелев. – М.: АСТ; Олимп, 1996. – 576 с.

Шмелев И. С.: *Лето Господне* / И. С. Шмелёв // *Русская литература: от Нестора до Булгакова: электронная версия*, 2003. – С. 80005–80717.

Выдрина Н.А. «Огромность маленькой вселенной» И. С. Шмелева / Н. А. Выдрина // *Литература в школе*. – 2003. – №2. – С. 34–36.

Граблина Н. Целостный анализ романа И. С. Шмелева «Лето Господне» / Н. Граблина // *Литература*. (Первое сентября). – 2006. – №3. – С. 20–23.

Ефимова Е.С. Священное, древнее, вечное...: Мифологический мир «Лета Господня» / Е. С. Ефимова // *Литература в школе*. – 1992. – №3/4. – С. 36–41.

Торопчина Л. «Любовь к родному пепелищу» в повествовании И. С. Шмелева «Лето Господне» / Л. Торопчина // *Литература* («1-е сентября»). – 2004. – №44. – С. 2–5.

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН (на примере произведений французской писательницы А.Гавальда)

О.А. Казенас, А. А. Пережогина*

Антропоцентрический характер современных лингвистических исследований проявляется во все возрастающем внимании к внутреннему миру человека, его желаниям, интересам, переживаниям в их языковой реализации.

В повседневной жизни мысли людей скрыты от чужих глаз, их поступки не всегда понятны, и поэтому объяснимо желание проникнуть во внутренний мир, попытаться понять, что движет человеком в той или иной ситуации. То же самое происходит с нами и при чтении литературных произведений, т.к. все они отличаются большей или меньшей степенью психологизма.

* **Казенас Оксана Анатольевна** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой французской филологии Курганского государственного университета.

Пережогина Елена Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры французской филологии Курганского государственного университета.

Анализ научных публикаций показывает, что отечественные и зарубежные исследователи (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, А. Вежбицкая, Е. Ю. Мягкова, В.И. Шаховский, и др.) относят проблему эмотивности к числу первостепенных задач антропоцентрической лингвистики.

Вместе с тем в связи с антропоцентрической направленностью лингвистики и обращением к языковой личности как объекту и цели коммуникации, значительно возросло количество исследований гендерного аспекта языка.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на языковых способах вербализации чувств и эмоций в речи мужчин и женщин на примере произведений современной французской писательницы Анны Гавальда.

Материалом для исследования послужили произведения Анны Гавальда: сборник новелл «*Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part*» и роман «*Je l'aimais*».

Исследование гендерных различий лексического выражения чувств в произведениях Анны Гавальда опирается на гипотезу о том, что мужчины и женщины используют различные средства языка для передачи тех или иных чувств, в том числе употребляют для выражения чувств различную лексику эмоций, принадлежащую различным частям речи.

Анализ определений понятий «эмоция» и «чувство» в отечественной и зарубежной лингвистической и справочной литературе показал, что во французском языке так же, как и в русском, понятия «эмоции» и «чувства» не отождествляются. Между тем понятие «эмоция» включает в себя понятие «чувство», т.е. эмоции являются выражением чувств, их внешним проявлением. Основным критерием разграничения данных понятий является более длительный и устойчивый характер чувств по сравнению с эмоциями, которые характеризуются кратковременностью и нестабильностью.

Изучение вопроса о способах выражения эмотивности показало, что в языке имеется определенный арсенал средств, с помощью которых автор передает те или иные чувства и эмоции. Но имеющиеся исследования носят разрозненный характер. В целом основные средства выражения эмотивности можно систематизировать как лексические, синтаксические, паралингвистические и сверхфразовые (контекст произведения).

В нашей работе мы остановились на рассмотрении лексических средств выражения чувств, хотя в ряде случаев нам необходимо было прибегать и к анализу других способов для однозначности отнесения ЛЕ к той или иной группе чувств.

Поскольку наше исследование ориентировано на исследование гендерного аспекта, нами были рассмотрены также и работы по гендерной лингвистике. Наибольший интерес представляет исследование гендерного аспекта мужской и

женской разговорной речи К.Т.Тамбиевой [Тамбиева, 2009], в котором сформулированы основные характеристики языка и речи мужчин и женщин (табл.1).

Таблица 1

Основные характеристики языка и речи мужчин и женщин

<i>Основные характеристики языка и речи мужчин</i>	<i>Основные характеристик языка и речи женщин</i>
агрессивность	мягкость, уступчивость
краткость	-
передача чувства превосходства	большее количество форм вежливости и смягчения
преобладание неконвенциональных ЛЕ	изобилие оценочных слов, междометий и модальных глаголов
преобладание утвердительных высказываний	преобладание восклицательных, побудительных и вопросительных предложений
неспособность выражать собственные эмоциональные состояния	эмоциональность
вербализация эмоции гнева	-
-	употребление уменьшительных суффиксов

Очевидно, что исследование К.Т.Тамбиевой носит комплексный характер и отражает как стратегии речевого поведения мужчин и женщин (агрессивность / мягкость уступчивость), так и языковые особенности, в том числе лексические (преобладание неконвенциональных ЛЕ единиц, вербализация эмоции гнева) и синтаксические (преобладание утвердительных высказываний / преобладание восклицательных, побудительных и вопросительных предложений). Интересным для нашего исследования является также выделение таких характеристик как «вербализация эмоции гнева» и «преобладание неконвенциональных ЛЕ» у мужчин и отсутствие указаний на вербализацию каких-либо чувств и эмоций, преобладание той или иной стилистически окрашенной лексики в речи женщин.

В пространстве художественного текста нами были выявлены ЛЕ, передающие как положительные, так и отрицательные чувства. Частотность употребления этих чувств персонажами мужского и женского пола представлена в таблице 2.

Таблица 2

Частотность употребления ЛЕ, выражающих положительные и отрицательные чувства/эмоции

Характеристика чувства/эмоции	Мужчина	Женщина
Положительная	381 (71,2%)	324 (70,4%)
Отрицательная	154 (28,7%)	136 (29,5%)
<i>Всего</i>	<i>535</i>	<i>460</i>

Данные, представленные в таблице 2, наглядно показывают, что существует незначительная разница между мужчинами и женщинами в проявлении отрицательных и положительных чувств и эмоций. Очевидно также преобладание положительных чувств и эмоций как в речи мужчин, так и женщин.

Анализ способов выражения чувств с учетом гендерного аспекта показывает, что мужчины и женщины используют ЛЕ, относящиеся к различным частям речи. Среди них можно выделить имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия и причастия, что нашло свое отражение в таблице 3.

Таблица 3

Дифференциация эмотивной лексики по частям речи с учетом гендерного аспекта

№	Часть речи	Количество употреблений			
		Мужчина		Женщина	
		ЛЕ	%	ЛЕ	%
1.	Глагол	375	70	298	64,7
2.	Имя существительное	84	15,7	78	16,9
3.	Имя прилагательное	66	12,3	68	14,7
4.	Наречие	7	1,3	14	3
5.	Причастие	3	0,6	2	0,5
<i>Итого</i>		<i>535</i>	<i>100</i>	<i>460</i>	<i>100</i>

По результатам, представленным в таблице 3, можно сделать вывод, что среди эмотивной лексики наиболее употребительными являются глаголы (70% в речи мужчин и 64,7 % в речи женщин) и имена существительные (15,7% и 16,9% соответственно). Однако существует разница в процентном соотношении употребления той или иной части речи мужчинами и женщинами. Так, например, в речи мужчин нами было выявлено большее количество глаголов и причастий, чем в речи женщин. В речи женщин для выражения чувств преобладают имена существительные, имена прилагательные и наречия. На основе полученных данных можно сделать вывод, что для выражения чувств мужчины предпочитают использовать глаголы для передачи состояния (*s'ennuyer*), становления состояния (*tomber amoureux*), отношения (*hair*), воздействия (*faire peur*), а также для внешнего проявления эмоций и чувств (*rire*). Персонажи женского пола для выражения чувств и эмоций используют имена существительные, прямо называя то или иное чувство (*le bonheur, le désir*), имена прилагательные для вербализации чувства как бытийного состояния (*désespéré*), как эмоционального отношения (*respectable*) и эмоционального состояния (*joyeux*) и наречия для представления чувств как состояния (*heureusement, horriblement*).

При анализе художественных произведений с целью выявления эмотивной лексики мы опирались на перечень эмоций, приведенный в статье V. Goossens «Les noms de sentiments» [Goossens, 2005], в которой представлено 30 чувств и эмоций.

Используя метод контент-анализа, из художественных произведений А.Гавальда (12 новелл и 1 роман) нами были отобрано 995 лексических единиц, относящихся к эмотивной лексике. Данные лексические единицы распределились по 25 группам чувств и эмоций. Меньшее количество групп чувств и эмоций обусловлено тем, что такие чувства как *le dégoût*, *la stupeur* оказались непредставленными в исследуемых произведениях. Кроме того, опираясь на словарь синонимов сайта www.cnrtl.fr, некоторые из представленных чувств мы объединили в одну группу, т.к. по нашему мнению они являются синонимичными, например, такие чувства как: лексические единицы *la crainte*, *la frayeur*, *l'effroi* являются синонимами для *la peur*, также как *la rage*, *la fureur* для *la colère*.

Таблица 4

**Представленность эмотивной лексики в речи мужчин и женщин
по группам эмоций/чувств**

№ п/п	Наименование эмоции / чувства	Общее количество употреблений в речи	
		мужчин	женщин
	envie	128	92
	amour	116	89
	joie	75	46
	mélancolie	40	43
	bonheur	30	47
	gaieté	20	29
	peur	19	11
	malheur	15	14
	terreur	12	14
	peine	15	8
	haine	5	12
	compassion	2	13
	ennui	7	7
	chagrin	10	2
	surprise	7	5
	tristesse	5	6
	désespoir	7	3
	moquerie	7	2
	respect	3	3
	jalousie	-	5
	mépris	5	-

	panique	1	4
	angoisse	2	1
	colère	2	1
	honte	1	1

Проанализировав эмотивную лексику в речи мужчин и женщин в произведениях А.Гавальда, мы пришли к следующим выводам:

В речи мужчин и женщин наиболее часто встречается лексика, выражающая такие чувства, как *l'envie* 'желание' (128/92), *l'amour* 'любовь' (116/89), *la joie* 'радость' (75/46). Очевидно, что в речи мужчин выражение этих чувств представлено в большей степени, чем в речи женщин.

Наименее употребительной является лексика, выражающая следующие чувства: *l'angoisse* 'тоска' (2/1), *la colère* 'гнев' (2/1), *la honte* 'стыд' (1/1). В речи мужчин также редко встречается лексика, выражающая чувство паники – *la panique* (1/4);

В речи мужчин не было обнаружено лексики, выражающей ревность *la jalousie*, а в речи женщин – презрение *le mépris*.

Существуют количественные различия в употреблении ЛЕ, вербализующих то или иное чувство в речи мужчин и женщин. Так, например, в речи женщин встречается больше ЛЕ, обозначающих такие чувства, как *la compassion* 'сочувствие' (*regretter, consoler, faire pitié, avoir pitié*), *la panique* 'паника' (*enervé, la panique, la nervosité, enerver*), *le bonheur* 'счастье' (*heureux(euse), le plaisir, heureusement, le bonheur, savourer*). В речи мужчин наиболее разнообразно представлены лексические единицы, выражающие *le chagrin* 'горе' (*le chagrin, sangloter, un sanglot, affligeante*), печаль, *la peine* 'страдание' (*souffrir, la peine, une souffrance*).

В речи мужчин и женщин существуют различия в употреблении лексики, имеющей стилистические оттенки значения. Так, например, в женской речи для вербализации чувства счастья встречается глагол *savourer* 'наслаждаться, получать удовольствие', тогда как в мужской речи были выявлены глаголы *se contenter* 'довольствоваться' и *ricaner* (*se moquer méchamment, avec mépris*) 'насмехаться над', которые имеют некоторые отрицательные коннотации.

В речи мужчин и женщин были выявлены ЛЕ, принадлежащие к разговорной речи, такие как *en avoir marre* 'надоедать'; *pleurnicher* 'хныкать'; *rigoler* 'смеяться, веселиться'; *un rigolo* 'весельчак'; *marrant* 'забавный'.

В целом, можно сделать вывод, что частотность употребления ЛЕ для вербализации того или иного чувства зависит от совокупности социальных, психологических и культурных факторов, определяющих специфику речевого поведения мужчин и женщин.

Список использованной литературы

- Тамбиева К.Т. Гендерный аспект мужской и женской разговорной речи [Электронный ресурс] / К. Т. Тамбиева // URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading2009/V/uch_2009_V_00047.pdf (Дата обращения: 03.04.2014)
- Goossens V. Les noms de sentiment / V. Gossens // Lidil. – 2005. - № 32. – P. 103-121.

ОБРАЩЕНИЕ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ

Н. А. Карпова*

Обращение в речевом жанре административного объявления выражает волеизъявление адресанта, направленное на каузацию деятельности адресата. Это обуславливает выбор специфических языковых элементов, с помощью которых строится текст объявления. Эти элементы принадлежат разным языковым уровням: интонационному, лексическому, морфологическому, синтаксическому. Все эти элементы могут употребляться как самостоятельно, так и в сочетании друг с другом. К основным особенностям административного объявления относятся письменная форма выражения и наличие потенциального адресата, который чаще всего неизвестен или неопределён. В большинстве случаев в качестве адресанта выступает представитель администрации, социальный статус которого позволяет предписывать правила поведения другим участникам коммуникации. Исходя из этого, одной из функций, реализуемых в административном объявлении, является обращённость речи. Ядерным элементом обращённости является обращение – «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложносинтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [Кручинина 1990:340-341]. Обращение представляет собой особую грамматическую структуру, образующую, в отличие от периферийных форм обращенности, обособленный элемент высказывания: «будучи лишь призывом к восприятию "речи", имя собеседника не является её частью и полностью независимо от её содержания и структуры» [Прияткина 1990:164].

Х. Р. Аитова замечает, что формулы обращения обслуживают одну из важнейших сторон речевой деятельности: организацию и регуляцию коммуникативных отношений. По её словам, обращение – это функция служебной лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста в целом и отдельных его частей адресату, а также в установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата о характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста

* Карпова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

[Аитова 2003:14]. Из определения следует, что обращение выступает в двух основных функциях: как средство адресации и как форма выражения субъективного отношения к адресату. Не вызывает сомнения, что в своей первичной функции, реализующей установление коммуникативного контакта с собеседником, обращение не имеет аналога среди других синтаксических категорий [Прияткина 1990:164]. Однако наряду с первичной функцией, обращение выполняет и ряд других, вторичных функций, в частности этикетную.

По наблюдению В. Е. Гольдина, общение всегда совершается в том или ином социальном ключе и в рамках коммуникативно-прагматических типов, поэтому в содержание речи неизбежно включаются соответствующие семантические элементы, образующие семантическую сферу общения, которая в обыденном сознании отражается в этикете и других элементах культуры [Гольдин 1986:15]. Это означает, что для успешного осуществления воздействия на адресат конкретный акт коммуникации должен отвечать правилам речевого этикета. Под ним понимается система устойчивых формул общения, приписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке [Языкознание 2000:452]. Знаками речевого этикета (РЭ) являются слова и устойчивые выражения, словесные формулы, обладающие ситуативно связанными и синтаксически обусловленными идиоматическими значениями, традиционно употребляемые в стереотипных ситуациях общения для выражения вежливого, доброжелательного отношения к адресату. Наиболее существенными компонентами речевой ситуации, влияющими на выбор знаков РЭ, выступают адресант, адресат, способ, время, место общения, цель и мотив общения, а также тональность [Балакай 2002:29]. В. И. Гвазаева отмечает, что ведущим критерием этикетного речевого общения является принцип вежливости. Для выражения вежливости используется два типа форм: языковые формы, маркированные по признаку вежливости, и формы, прагматический статус которых устанавливается в соответствии с коммуникативными параметрами конкретной ситуации и носит относительный характер [Гвазаева 2000:20-21].

В ходе исследования были проанализированы 360 текстов письменных административных объявлений, расположенных в общественных местах города Томска: образовательных и медицинских учреждениях, магазинах, в транспорте и других. В результате было выявлено более 40 разнообразных форм обращений.

Анализ показал, что наиболее частотной является форма обращения, содержащая наименование адресата, соответствующее его социальной и коммуникативной роли (гость, посетитель, покупатель) в сочетании с прилагательным

«уважаемый»: из 360 рассмотренных текстов 108 содержат обращение с указанным словом. Например:

Уважаемые покупатели! Остатки тканей не делятся! (Орфография и пунктуация источников сохранены).

В результате исследования выделено более 26 групп адресатов, которые различаются в зависимости от коммуникативной ситуации. Чаще всего адресатами, к которым обращаются авторы административных объявлений, являются следующие категории людей: *покупатели (31), студенты (14), посетители (12), читатели (12), пациенты (10), пассажиры (7), родители (7), гости (5), жильцы(5), коллеги(5), преподаватели(3), клиенты(2), зрители (2)*.

Были выявлены также разнообразные единичные формы обращений, представляющие собой обобщенные, либо конкретизированные формы указанных обращений. В качестве элементов конкретизации выступают такие признаки, как территориальная ограниченность, тендерная и профессиональная принадлежность адресата, например: *уважаемые сотрудники аэропорта Толмачёво; жители Каштাকা; уважаемые родители и посетители больницы Святого Владимира; уважаемые пациентки; дорогие женщины; дамы и господа, уважаемые грузчики*. Конкретизация осуществляется также путем указания в обращении нескольких адресатов, например: *уважаемые жильцы и квартиранты 1-ого подъезда; дорогие пациенты и их родители*. Благодаря обозначению второго адресата круг потенциальных реципиентов информации, содержащейся в объявлении, сужается до указанных в обращении лиц. Обобщение достигается через применение имени существительного во множественном числе, например: *уважаемые граждане; дорогие друзья*.

Одна из особенностей РЖ объявления состоит в том, что оно ориентировано на массовую аудиторию, поэтому индивидуальные особенности адресатов, в частности их половозрастные характеристики, как правило, не учитываются. Однако в тех местах, где предполагается появление людей определенного пола / возраста (например, автомастерская, женская консультация и т. д.), обращение строится в соответствии с тендерной / возрастной принадлежностью адресата. Например, объявление в женской консультации:

(2) *Уважаемые женщины! Не забудьте взять бахилы. Цена 5 рублей.*

Обращение, использованное в данном объявлении, представлено формулой, характерной для официальной сферы общения, «уважаемый + адресат», однако вместо социальной / коммуникативной роли адресата указывается его половая принадлежность. Это обусловлено тем, что посетителями женской консультации являются женщины, независимо от профессиональной деятельности и социального статуса. Примером обращения, указывающим на возраст адресата, может служить объявление, расположенное в детской больнице, например:

(3) *ДОРОГИЕ ПАЦИЕНТЫ И ИХ РОДИТЕЛИ! Убедительная просьба беречь больничное имущество. За порчу, слом стен, столов, стульев, матрасов и т. д. будет взиматься ШТРАФ. Пациент не будет выписан до тех пор, пока не возместит ущерб! Администрация.*

В данном случае в качестве адресата сообщения выступают пациенты и их родители. Это обусловлено тем, что в детской больнице пациентами являются люди определенного возраста: дети до 15 лет, поэтому логично, что в большинстве случаев их сопровождают родители.

Отметим, что в каждом государстве для общения в официальной обстановке приняты свои устойчивые формулы обращения. В России до перестройки в качестве официального обращения применялось слово «товарищ», однако со сменой политического режима оно вышло из употребления в сфере официальной коммуникации. Практика показывает, что в ситуациях повседневного общения данное обращение употребляется и сегодня, в том числе и в полуофициальной письменной речи, элементом которой является объявление. Например, надпись в овощехранилище:

(4) *Товарищи посетители, просьба градусники не воровать!*

Кроме этого, существуют и другие варианты подобного обращения, например:

(5) *Уважаемые товарищи родители! В связи с подъемом заболеваемости гриппом и ОРВИ свидания с детьми с 3.03.08 ЗАПРЕЩАЮТСЯ. Извините, пожалуйста, за временные неудобства. Администрация.*

В данном объявлении «советское» обращение «товарищ» сочетается с общепринятой формулой «уважаемый + адресат». Это свидетельствует о том, что, несмотря на смену политического режима, изменения в языке и сознании людей происходят не так быстро.

А.Ф. Прияткина отмечает, что форма обращения используется адресатом для выражения отношения к субъекту речи, для его оценки или выражения чувств. Таковы ласкательные или бранные обращения. Обращение здесь выступает во вторичной функции – как форма, способ субъективной оценки [Прияткина 1990:166]. Особого внимания в этом отношении заслуживает следующее объявление:

(6) *Уважаемые КОЗЛЫ убедительная просьба у двери не сорить.*

Обращение, представленное в данном объявлении, характеризуется сочетанием стилистически несовместимых лексических единиц. С одной стороны, для указания адресата применяется существительное, относящееся к пласту сниженной лексики – «козлы», выделенное крупным шрифтом для привлечения внимания. Одновременно с этим используется этикетная формула «уважаемые» в

сочетании с вежливой просьбой не сорить, что свидетельствует о том, что обращение носит ироничный характер. Вероятно, по задумке автора объявления, оно должно оказать воздействующий эффект благодаря своей нестандартности. Приведем ещё одно подобное объявление.

(7) Народ, который вырывает цветы!!!! Сразу заметно, что ваши родители потратили много сил, чтобы сделать из вас хороших людей (неужели самим не противно быть такими дикими?!!!)

Специфика административных объявлений состоит в том, что они располагаются, как правило, в многолюдных местах, при этом их содержание обращено лишь к какой-то немногочисленной группе людей. Поэтому для выделения адресата сообщения его авторам порой приходится использовать описательную конструкцию. Особенность приведенного объявления состоит в том, что адресант обращается к конкретным людям, однако при этом употребляется существительное с семантикой обобщения «народ». Кроме этого, применяется речевая тактика запрета, реализованная в виде нестандартной для жанра административного объявления вопросительной реплики, обращенной к указанным лицам. В данном случае автор сообщения выступает не в роли административной инстанции, а в роли стороннего наблюдателя, косвенно рекомендующего не выполнять определенных действий, апеллируя при этом к самосознанию указанных лиц.

В. И. Гвазаева высказывает мысль о том, что уровень владения речевой культурой, языковой уровень личности являются социокультурной проблемой [Гвазаева 2000:11]. Это означает, что уровень речевой культуры зависит как от индивидуальных особенностей личности, так и от культуры общества в целом. Исходя из этого, мы выдвинули предположение о том, что чем выше общий интеллектуальный уровень сферы, где расположено объявление, тем более вежливая форма обращения используется. К элементам речевого этикета, используемым при обращении к адресату в РЖ объявления, относятся прежде всего лексические средства, в частности прилагательные «уважаемый», «дорогой». Кроме этого, обращение само по себе, в отличие от других средств обращенности речи, является проявлением вежливости. Результаты исследования показали, что количество объявлений, содержащих обращение, составляет чуть меньше половины от общего числа объявлений. Это обусловлено в значительной степени особенностями жанра, в частности требованием лаконичного и четкого выражения побуждения в случае, когда необходима немедленная реакция со стороны адресата. Так, в коммуникативных ситуациях, требующих немедленной реакции адресата (например, аварийная ситуация в транспорте), обращение употребляется намного реже, чем в условиях, не предполагающих мгновенного реагирования (в библиотеках, кафе, жилых домах и т. д.).

По итогам исследования, наиболее «этикетной» сферой оказывается библиотека: 68 % объявлений здесь содержат обращение с прилагательным «уважаемый». Логично было бы предположить, что в университете, как центре науки и просвещения, количество вежливых объявлений будет достаточно высоким. Однако лишь 17 % текстов «университетских» объявлений содержат этикетную формулу обращения «уважаемый + адресат». Этот показатель является одним из самых низких, меньше этикетных обращений обнаружено лишь в транспорте – 12 %. В магазинах и в медицинских учреждениях выявлено примерно равное количество этикетных обращений – 41 % и 46 % соответственно, в то время как обращений, сопровождающихся прилагательным «уважаемый» в других общественных местах всего около одной трети – 28 %.

Таким образом, исследование подтвердило факт зависимости форм обращения от общей социокультурной обстановки: чем выше общий уровень образования людей, работающих в учреждении, где расположено объявление, тем более вежливо и корректно оно составлено. Исключение составили лишь объявления, адресованные студентам университетов города Томска. В большинстве случаев они носят форму требования и не содержат в своей структуре знаков речевого этикета.

Список использованной литературы

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. -М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. спец. Вузов / А. Ф. Прияткина. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.

Аитова Х.Р. Речевые этикетные формулы обращения к собеседнику (на материале русского и английского языков)/ Х. Р. Аитова. – Тюмень, 2003. – 19 с.

Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986. – 127 с.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 685 с.

Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексико-графического описания / А. Г. Балакай. – Новокузнецк, 2002. – 345 с.

Гвазаева В. И. Русский речевой этикет: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / В. И. Гваздаева. – Краснодар, 2000. – 22 с.

МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С. С. Кувалина, И. А. Спирина*

«Метафора возникает при сопоставлении объектов, принадлежащих разным классам. Она как бы отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он входит, и включает его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании» (Н.Д. Арутюнова) [Сковородников 2009:176].

По словам Б. Пастернака, «метафоризм – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-огромному зорко и объясняться мгновенными и понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм – стенография большой личности, скоропись ее духа» [Пастернак 1985:306].

В поэзии М. Цветаевой нередко используются метафоры-существительные (143 единицы). Например:

Меж нами не версты

Земные, – разлуки

Небесные реки.

[*Все круче, все круче*, 1, 209]

Ручьев ниспадающих речь

Сплеталась предивно.

[*«Был час чудотворен и полн»*, 1, 200]

В этих метафорах мы видим стремление поэта как можно точно и выразительно изложить свои мысли. Так, вместо того, чтобы просто сказать «расстояние», Цветаева употребляет «разлуки реки», и в результате стихотворение приобретает поэтичность, а также более совершенную форму.

В следующем приведенном нами отрывке выступает характерная для этого писателя черта творчества – очеловечивание «бездушных» явлений и предметов. Образ воды предстает перед нами «речью ручьев», она в стихотворении в роли живого существа.

Нередко с помощью метафор-существительных Цветаева описывает различные явления природы. Образы, положенные в основу таких метафор, отличаются особенной красотой и новизной.

Уж ветер стелется, уже земля в росе.

Уж скоро звездная в небе застынет вьюга.

[*Уж ветер стелется, уже земля в росе*, 1,]

* Кувалина Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Спирина Ирина Алексеевна – выпускница филологического факультета (отделение отечественной филологии) Курганского государственного университета.

В приведенном отрывке автор описывает наступление утра.

Все в окружающем мире поэта живо:

Это ночь зажгла

Этот светлейший лик.

[*После бессонной ночи слабеет тело*, 1, 124]

Природные явления наделены чувствами:

Стоят в чернорабочей хмури

Закопченные корпуса

Над копотью взметают кудри

Растроганные небеса.

[*Стоят в чернорабочей хмури*, 1, 304]

Весь вещный, предметный мир – живой:

Празднуя ночи вход,

Дышат пустыни.

[*Пало прениже волн*, 1, 199]

В творчестве Марины Цветаевой очень много примеров олицетворения: «...души начинают видеть», время у поэта – «предает» его, «...дыханья ходят», «пустыни дышат». Вещный мир обладает характером, движется.

Часто встречается у М. Цветаевой метафорическое употребление глаголов (127 единиц):

В том поединке своеволий

Кто в чьей руке был только мяч?

Чье сердце – Ваше ли, моё ли –

Летело вскачь?

[*Под лаской плюшевого пледа*, 1, 67]

Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах нож.

[*Погоди, дружок!* 1, 132]

В первом примере сердце не просто стучит, а «летит вскачь». Во втором случае преступники не просто передают нож из рук в руки, а он «гуляет в смуглых пальцах».

В лирике можно выделить метафоры-олицетворения, в которых в качестве «оживаемых» выступают неодушевленные предметы, абстрактные понятия:

И шатаются в бессильном гневе

Черные огромные деревья

[*По ночам все комнаты черны*, 1, 96]

Камень, кинутый в тихий пруд,

Всхлипнет так, как тебя зовут.

[*Имя твое – птица в руке*, 1, 111]

В стихах оживают деревья, камень, нож и другие неживые предметы, которые показаны в действии: «шатаются», «всхлипывают», «лепечут», «машут вслед», «бродят», «странствуют»:

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки...

О детки в траве, почему не мои?

[*В Люксембургском саду*, 1, 230]

Машет ковыль – трава вслед,

Распушила султаны.

[*Буду выпрашивать воды широкого Дона*, 1, 184]

Мировое началось во мне кочевье

Это бродят по ночной земле – деревья,

Это бродят золотым вином – грозди,

Это странствуют из дома в дом – звезды.

[*Мировое началось во мне кочевье*, 1, 135]

Неживые природные объекты в поэзии М. Цветаевой живут полноценной человеческой жизнью. Вода в фонтане не просто льется, а ее «струи лепечут», звезды не просто светят, а «странствуют из дома в дом». Активность природы приобретает антропоморфные черты.

Метафоры – глаголы и метафоры – существительные занимают в лирике центральное место, но есть еще некоторое количество метафор, которые делают стихи поэта наиболее образными и живыми, придают дополнительные оттенки тексту.

И шатаются в бессильном гневе

Черные огромные деревья.

[*По ночам все комнаты черны*, 1, 70]

За счет нагнетания черного цвета в данном стихотворении: «по ночам все комнаты черны», «черные огромные деревья», описание приближения ночи приобретает мрачность, граничащую с ужасом.

Метафора в стихах Цветаевой поэтически непредсказуема, потому что она не связана с традиционностью и представлениями о «поэтичности» тех или иных понятий, тем и эмоций. Она как бы отделяется, создает свой мир. В этом трудность для понимания некоторых метафор.

Индивидуально-авторские метафоры – метафоры, которые создаются художниками слова для конкретной речевой ситуации [Голуб 2003:134]. Индивидуально-авторские метафоры очень выразительны, возможности создания их неисчерпаемы, как неограниченны возможности выявления сходства различных

признаков сопоставляемых предметов, действий, состояний. Классификация индивидуально-авторских, окказиональных, метафор была предложена Л.Ф. Тарасовым [Тарасов 1980:65].

Характер отношений между прямым и переносным значением, а также некоторые особенности условий реализации метафоры позволяет классифицировать индивидуально-авторские метафоры, выделить собственно метафору, метафору-сравнение, метафору-перифраз, метафору-символ.

Собственно метафора возникает, когда некоторые дифференциальные признаки прямого значения либо непосредственно сопоставляют содержание метафорического значения, либо порождают ассоциации, обуславливающие его содержание. Например:

Помедлил у реки, полощущей

Цветные бусы фонарей.

[*Ты запрокидываешь голову*, 1, 87]

В словосочетании «бусы фонарей» актуализируется метафорическое значение, которое представляет собой один из многих дифференциальных признаков прямого значения слова «форма».

Метафора-сравнение возникает, когда некоторые дифференциальные признаки прямого значения служат основанием для сближения и сравнения двух разных предметов, причем оба они названы:

И звуки – роем пчёл из улья –

Жужжат и вьются.

[*«И звуки – роем пчел, из улья»*, 1, 391]

Здесь звуки – «вскипают», «жужжат», «вьются», этим передаётся их движение, тембр, ритм. Два разных предмета названы и сближаются.

Метафора-перифраз образуется, когда некоторые признаки прямого значения служат основанием для названия данным словом или словосочетанием другого предмета, прямое наименование которого в тексте отсутствует:

Днем томима гордым бесом,

Лгу с улыбкой на устах.

Ночью ж...Милый, дальний...Ах!

Лунный серп уже над лесом!

[*«Новолунье»*, 1, 41]

«Лунный серп» – это луна. Причем основанием для переименования является «форма».

Метафора-символ образуется, когда некоторые дифференциальные признаки прямого значения, благодаря определенным ассоциациям, становятся основанием для закрепления за данным словом или словосочетанием содержания отвлеченного характера:

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре –
Помните утренний ветер и степь в серебре?
[«*Милые спутники, делившие с нами ночлег!*», 1, 136]

Застынет все, что пело и боролось,

Сияло и рвалось:

И зелень глаз моих, и нежный голос

И золото волос.

[«*Уж сколько их упало в эту бездну*», 1, 208]

Серебро – символ чистоты, целомудрия, красноречия. Золото в «Словаре символов» обозначает самый широкий спектр качеств – от чистоты, утонченности, духовной просвещенности, мудрости до земной силы, великолепия, богатства [Трессидер].

В классификации Тарасова не выделяются в отдельные пункты метафора-олицетворение и метафора-интенсификатор. *Метафора-олицетворение*, в отличие от собственно олицетворения, выполняет как изобразительную, так и выразительную функцию, привнося в повествование эмоциональность:

Сопки – казалось бы, прочно замерли –

Не доверяйте смертям страстей!

Зорко – как следователь по камере

Сердца – расхаживает Морфей.

[*Сон*, 1, 379]

Здесь, вместо напрашивающегося «по камере тюрьмы» следует «по камере// Сердца». Реализуя эту метафору (сон расхаживает по камере сердца), Цветаева одновременно переназывает и «главного героя» стихотворения, используя его мифологический «псевдоним» – Морфей.

Метафора-интенсификатор выступает главным образом как средство акцентированного изображения эмоций и внутренних состояний:

Нас – нам казалось – насмерть рая

Кинжалами зеленых глаз.

[*Чародей*, 1, 231]

Метафоризируется «кинжалами глаз»: глаза, подобно кинжалу, ранят, убивают.

Анализ показал, что метафорические переносы в языке подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой. Каждая из выделенных семантических сфер является источником метафоризации и в то же время – как бы зеркально отраженная – ее объектом. При этом метафорический перенос совершается в строго определенных направлениях.

ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ:

Листва → *ртуть*:

К вам! В животрепещущую ртуть

Листвы – пусть рушащейся!

Впервые руки распахнуть!

Забросить рукописи!

[*Когда обидой опилась...*, 1, 298];

Луч → *нить*:

В иголку продеваю – луч,

Грабителю вручаю – ключ,

Белилами румяню бледность.

[*Мой день беспутен и нелеп*, 1, 345];

Звезда → *гроздь*:

Славьте, жемчужные

Грозди полуночи,

Дивного мужа.

[*Синие версты*, 1, 218].

ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК

Месяц → *наблюдатель*:

К детским снам клоняь неутомимо,

(Без тебя лишь месяц в них глядел!) [*Маме*, 1, 41];

Свеча → *странница*:

Пошла странствовать

По рукам свеча [*Канун Благовещенья*, 1, 94];

Мельница → *часть тела человека*:

Озерная блеснула синева

И мельница взметнула руки.

[*Наездницы, развалины, псалмы*, 1, 127].

ПРЕДМЕТ → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР:

Звезды → *вьюга*:

Уж ветер стелется, уже земля в росе.

Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,

И под землю скоро уснем мы все,

Кто на земле не давали уснуть друг другу.

[*Уж ветер стелется, уже земля в росе*, 1, 442].

ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР:

Вода → *тоска*:

Захлебываясь от тоски,

Иду одна, без всякой мысли,

И опустились и повисли

Две тоненьких моих руки.

[Захлебываясь от тоски, 1, 128]

ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ

Поле → море хлеба:

И посвист перепелов, и большое небо,

И волны колоколов над морем хлеба.

[И тучи оводов вокруг равнодушных кляч, 1, 116];

ПРЕДМЕТ → ЖИВОТНОЕ:

Автомобиль → жук:

Меж стволов снуют автомобили, -

Золотые майские жуки.

[Вошебство немецкой феерии, 1, 52].

К озеру вышла. Крут берег

Сизые воды – в снег сбиты,

На голо воют. Рвут пасти...

[К озеру вышла. Крут берег, 1, 85]

ЧЕЛОВЕК → ПРЕДМЕТ:

Глаза → водопой:

Провалы отроческих глаз! - Пролеты!

Душ раскаленных – водопой!

[Пустоты отроческих глаз!, 1, 227].

ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК:

Существо (душа) → летчица:

Выше! Выше! Лови – летчицу!

Не спросившей лозы – отческой... [Душа, 1,315].

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ПРЕДМЕТ:

Ночь → солнце:

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!

Испепели меня, черное солнце – ночь!

[Ночь, 1,257];

Снег → подушка:

Недвижны иконки,

Что склонились над снегом подушек

[Дортуар весной, 1, 40];

Снег → звезды:

Уж ветер стелется, уже земля в росе.

Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,

И под землю скоро уснем мы все,

Кто на земле не давали уснуть друг другу.

[*Снег идет*, 1,399];

Дождь → *бисер*:

Он буквально ведь обливал, обваливал
Нашим шагом шлях! Он и тын
Истязал тобой.

Осень. Изжелта-сизый бисер нижется.

[*Осень и пасмурные дни*, 1,105];

День августовский тихо таял

В вечерней золотой пыли.

[*Петру Эфрону*, 1, 63]

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ЧЕЛОВЕК:

Ночь → *существо*:

Чтобы пел надменный голос:

«Гибель здесь, а там тюрьма!»

Чтобы ночь со мной боролась,

Ночь сама! [*Дикая воля*, 1, 47];

Ветер → *существо*:

И рыщет ветер, рыщет по

Степи?...

[*Идет по луговинам лития*, 1, 60].

Но моя рука – да с твоей рукой

Не сойдутся, Радость моя доколь,

Не догонит заря зари.

[*У меня в Москве купола горят*, 1, 114];

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ЖИВОТНОЕ:

Снег → *мухи*:

Белые мухи кружили вдоль жил

Плечи сутулыегнулись от крыл.

[*Други его – не тревожьте его!*, 1,189];

Снег → *волки*:

Веретен ворчливых царство,

Волков белых – рьянство

Сугроб теремной, боярский,

Столбовой, дворянский.

[*А сугробы подаются*, 1, 273]

ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР:

Весна → *роскошь*:

Роскошью майской

Кто-то разгневан.

[*Смуглой оливой*, 1, 209]

АБСТРАКЦИЯ → ЧЕЛОВЕК:

Лава крови → *живое существо*:

Я думаю о том, как лава крови

По вашим жилам разлилась.

[*Байрону*, 1, 60].

Метафорическая система М. Цветаевой богата и многообразна. Можно выделить основные семантические группы слов, к которым поэт обращается в своих метафорах: «Предмет», «Животные», «Человек», «Физический мир», «Психический мир», «Абстракция», «Время».

Важное место в творчестве поэта занимает тема Времени, поэтому в основе многих метафор лежат слова из этой семантической группы:

Время, ты меня предашь!

Блудною женой – обнову выронишь!

[*Лебединый стан*, 1, 143];

Беженская мостовая!

Гикнуло и понеслось

Опрометями колес

Время! Я не поспеваю. [*Хвала времени*, 1, 342].

Время у М. Цветаевой разное: то это миг, то час, а то и век.

Миг, длительный по крайней мере –

Как час. Но вот шаги вдали.

[*Пусть с юностью уносят годы*, 1, 64]

О, этот **час**, на подвиг нас - как голос,

Вздымающий из своеволя дней!

[*Час, когда вверху цари*, 1, 329]

И дольше века длится ночь,

И не кончается объятье

[*Хвала времени*, 1, 216].

Метафорические переносы осуществляются в определенных направлениях. В поэтическом языке М. Цветаевой выявлено 13 направлений метафорических переносов. Чаще всего метафоризируется лексика семантических групп: «ПРЕДМЕТ» и «ФИЗИЧЕСКИЙ МИР». В основном используется метафора типа «неживое – живое».

Поэзия для Цветаевой была органом восприятия мира и способом выражения целостности жизни. С первых своих шагов в русской литературе Цветаева обнаружила особый почерк, особый строй художественных средств и приемов. Она нарушила обычное соотношение двух смыслов в метафоре и заставила жить

самостоятельной жизнью переносное значение, возвысив его над прямым. Переносное и прямое значение меняются местами. Сравнение становится бытием, а бытие сравнением. При этом в метафоре переносное значение занимает доминирующее положение. А так как переносное значение берется из мира действительности, окружающей поэта в данный момент, то стихотворение начинает жить жизнью действительности: не той в прямом значении, а той, что заявила о себе в переносном.

Многое в стихах Цветаевой ошеломляло, ставило в тупик: они были чрезвычайно насыщены метафорами; уподобления, к которым прибегала поэт, часто производили впечатление слишком субъективных и случайных. Одна из самых отличительных черт художественной системы Цветаевой – метафорическая насыщенность стихотворений.

Р. Рождественский отмечал, что из цветаевских стихов трудно выбирать строфы или строки для цитирования.

Поэт считал, что каждое стихотворение Цветаевой помимо размера, рифм и образов, как бы имеет еще и собственную уникальную систему кровообращения, которая каким-то невероятным путем вдруг соединяется с твоей кровеносной системой. Получается, что, цитируя, ты режешь по живому, - тебе самому больно [Р. Рождественский, 1987: с.175].

Лирика Цветаевой – наиболее важная и существенная часть её литературного наследия. Своим творчеством она оживила яркость образного языка в поэзии, создала новый образный строй стихотворения. Образ в её лирических произведениях стал существеннее, главнее содержания. Её лирика является ярким воплощением оригинального мироощущения поэта.

Сущность поэтической образности Цветаевой заключается в том принципе сближения и сцепления, который проявляет себя и метонимически, и метафорически, и в системе сравнений. Однако именно метафорические отношения являются доминирующим принципом творчества Цветаевой: на метафоре, т. е. на ассоциации по сходству, на игре прямым и переносным значением слова держится её стих.

Поэзия М. И. Цветаевой насыщена метафорами настолько, что метафоры могут составить фактуру цветаевского стиха. Для М. И. Цветаевой одного образа мало, она создавала цепочку метафор, как бы останавливая и обозревая явление в его многообразии. При этом для её поэзии характерна произвольность ассоциаций, образов, рожденных иногда простым созвучием, иногда рифмой, иногда случайным поводом.

Список использованной литературы

Стихотворения. Поэмы / М. Цветаева. – Л.: Советский писатель, 1990. – 800 с.

Цветаева, М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухина / М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997 – 1998.

Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А.П. Сковородников – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. Саакянц. – М.: Эллис Лак, 1997. – 816 с.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб – М.: Айрис-пресс, 2003. – 448 с.

Пастернак Б.Л. Замечания к переводам из Шекспира / Б.Л. Пастернак. Избранное в 2-х т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1985. – 559 с.

Тарасов Л.Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры // РЯШ. –1980. – №4. – С. 64–70.

Трессидер Д. Словарь символов / Д. Трессидер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder.

Харченко В.К. Функции метафоры / В.К. Харченко. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1991. – 42с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНЕ «КЫСЬ» ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

О. А. Кувшинникова*

Роман «Кысь», опубликованный в 2000 году, сразу вызвал множество откликов в прессе. Исследователи обращают внимание на проблемно-тематическую основу данного произведения, способы выражения авторского сознания, свертхтекстовые связи, приёмы метафоризации и другие средства изобразительности и выразительности в их функциональном проявлении, обращают внимание на связь романа с фольклором. Однако большая часть исследований романа носит литературоведческий, а не языковой характер. На наш взгляд, первое, что привлекает читателей в романе, – это живой, современный и оригинальный язык, которым он написан. Т.Толстая использует не только многочисленные языковые средства для характеристики героев и их речи, но и сам язык. В романе можно встретить огромное количество авторских неологизмов, которые так или иначе показывают характерные языковые черты каждой из групп населения города, в котором происходят события романа.

Следует заметить, что Т.Толстая не первая, кто использует слово как отдельное литературное средство, которое может само по себе рассказать о характере повествователя, его культурном уровне, профессии, месте жительства, социальном положении и т.д. В литературе в этой области принято считать первоходцами Н. С. Лескова («Левша», «Леди Макбет Мценского уезда») и Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»). Именно их произведения, выдержанные в сказовой форме, стоят на грани бытовой речи и художественного

* Кувшинникова Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (Казахстан, г. Усть-Каменогорск).

творчества. Характерной чертой такого стиля является то, что принцип повествования основан на имитации речевой манеры обособленного от автора персонажа – рассказчика; лексически, синтаксически, интонационно ориентирован на устную речь. Тот же принцип рассказывания можно заметить и в произведении Т. Толстой «Кысь».

В романе Т.Толстой «Кысь» тип повествователя можно определить, открыв еще только первые страницы книги. Автор повествует нам о происходящих событиях в жизни Бенедикта, не называя себя – отсутствие местоимения «я» и глаголов в 1-ом лице единственного числа указывают на то, что в данном романе представлен повествователь-наблюдатель. Его нельзя назвать рассказчиком-повествователем (хотя он и ведет повествование от 3-его лица) лишь потому, что для такого типа повествователя не свойственно столь ярко выраженная речевая манера с нарушением норм литературной речи. Также он является и участником событий города Федор-Кузьмичск, раз может давать оценку героям, а не придерживаться нейтрального рассказывания. Значит, он является не только жителем этого города, но и современником этих дней (будущего), так как в своей речи он использует те же конструкции, что и другие герои романа. Рассмотрение особенностей речи позволит более полно охарактеризовать повествователя в данном произведении.

Очень интересным является словообразование в романе. Автор образует новые слова всяческими способами, известными русскому языкознанию. Из простых односложных производятся новые, составленные на их основе – многосложные. Помимо этого, добавляются или заменяются приставки для усиления семантического значения языковых единиц; от сложных наоборот отчленяются суффиксы, также образуя новые слова (*напорот, беспокой*).

Производя те или иные языковые единицы и конструкции, повествователь, что немаловажно, не прибегает к внедрению иностранной лексики, (о чем говорит мастерство в обращении со словом самого автора), при этом удачно решая ситуативные проблемы, связанные с использованием определенной лексики русского происхождения. Такое умение пользоваться лексикой можно связать с тем, что повествователь, как и главный герой, хорошо знаком с профессией «книжников-переписчиков», которые и являются главным посредником между книгой и читателем; и, с другой стороны, – это и признак того, что повествователь тоже живет в будущем. В процессе развития язык тоже подвергся изменению, как и сами герои романа, поэтому для повествователя рассматриваемый нами язык не что иное, как обыкновенная речь, характерная для будущего. Итак, рассмотрим способы словообразования в романе, которые бы подтверждали высказанные нами предположения.

Приставочный способ словообразования действует в рамках всех основных частей речи, но более всего присущ глаголам. Это объясняется тем, что приставки обычно указывают направление действия.

Повествователь создает свои новообразования путем замены одной приставки на другую, ей синонимичную, при этом не меняя всей формы слова. В своем произведении он не нарушает рамки приставочного словообразования, а действует в соответствии с другими словами русского языка. Языковые единицы, образованные приставочным способом, приобретают простонародный характер (например, *с-меняй, под-мочь, об-трогать, об-смотреть, за-место*), обозначают действие в определенной сфере деятельности, несвойственного нашему настоящему, а следовательно, не нашедшего в нем места (*пере-белял*), или усиливают семантическое значение слова, что, безусловно, придает большую экспрессивность языку повествователя (например, *взамуж, взвизг, понадрючены, изузоренных*).

Что касается словообразования повествователя в суффиксальной области, то здесь встречаются языковые единицы, образованные и с добавлением суффикса, и безаффиксальным способом, который менее всего распространен в русском языке.

Говоря о суффиксальном способе словообразования, следует заметить, что автор создает новые слова, чаще имеющие либо абстрактное значение (имена существительные): суффиксы **-ость-**, **-ств-** в словах *угрюмство, тревожность*; либо значение «слегка, чуть-чуть» у имен прилагательных *пыльноватый*.

Слово *угрюмство* образовалось от прилагательного *угрюмый* с помощью суффикса **-ств-** (по аналогии со словами *разгильдяйство, геройство*).

Слово *тревожность* произведено от прилагательного *тревожный* с добавлением суффикса **-ость-** по аналогии со словами *драчливость, увертливость*.

Кроме суффиксального способа образования слов, повествователь использует и деаффиксальный. Отбросив от слова суффикс, он получает вполне самостоятельное новое слово, чаще всего существительное (глаголы встречаются гораздо реже). Так образуются слова от некоторых глаголов, имен прилагательных и существительных, например: *беспокой* ← *беспокойство*; *напорот* ← *напоротник*; *набычил* ← *набычился*; *кроманьон* ← *кроманьонец*.

Значение всех этих слов легко понять, поскольку они образованы по существующим в русском языке словообразовательным моделям.

Помимо способов аффиксации, повествователь и герои широко применяют в своей речи имена существительные в видоизмененной форме.

а) Появляется число у некоторых неисчисляемых имен существительных, среди которых слова *погоды* и *теплоты*;

б) другие слова получают несвойственные им в современном литературном языке окончания, например *южного воздуха* (вместо *южного воздуха*), *волосья* (вместо *волосы*), *замечаньев* (вместо *замечаний*) и т.п.;

в) третьи слова претерпевают изменение рода. Примерами таких существительных в романе могут послужить слова *стуло* (вместо *стул*), *Паулин поймана* (вместо *павлин пойман*) и *скучноватый эссе* (вместо *скучноватое эссе*).

Наличие слов в форме, характерной только для устной речи, говорит о том, что рассказчик пришел из народа. Ему знакома разговорная лексика, которой он умело пользуется на протяжении всего своего повествования.

Отражая динамику языка, новообразования в ряде случаев предвосхищают тенденции его развития, что проявляется, прежде всего, в использовании повествователем гибридных слов, образованных контаминацией. В его речи заметно наличие неологизмов, таких как *курдалясина*, *слеповран*, *лямпампушечки* и т.п.

Например, слово *слеповран* образовалось от двух слов *слепой* и *ворон*; еще более сложным способом образовалось слово *баботюкалки*, оно включает в себя не только основы слов *баба* и *тюкать*, но и дополнительные суффиксы *-л-*, *-к*, которые встречаются в словах *зажигалка*, *брызгалка*, *скакалка*.

Образование слов путем контаминации наводит на мысль о малой образованности повествователя по сравнению с Препными, но при этом вполне достаточной для основной группы населения города Федор-Кузьмичска. Также это говорит и о способности повествователя к словотворчеству.

В своей речи повествователь активно использует слова, «заимствованные» у Препных, что повышает его культурный уровень и уровень образованности в сопоставлении с речью того же Бенедикта, который, как уже было замечено, относится к жителям, родившимся после Взрыва. Тем не менее, слова Препного населения настолько видоизменены, что на первый взгляд трудно определить, какими они были до изменения в орфографическом и фонетическом плане и что они означали на самом деле. Например, *оневерстецкое абразавание* (университетское образование), *ренисанс* (ренессанс), *фелософия* (философия), *могозин* (магазин), *канплимент* (комплемент), *энтелегнцыя* (интеллигенция).

Также в своей речи он использует и просторечную лексику, что ярко отличает его от Препных. Наиболее продуктивным суффиксом для образования новых слов является *-мши-* в таких словах, как *написамши*, *склонимши*, *подгоремши*.

Повествователь использует в своем произведении различные виды реминисценций. Безусловно, в романе «Кысь» они рассчитаны на память и ассоциативное восприятие читателя. Что касается героев романа, то обильное количество реминисценций с ее разновидностями преобладает в речи Препного населения и начинает расти у Бенедикта после прочтения им литературной классики.

То же можно сказать и о повествователе: повышение его культурного уровня можно проследить по частоте использования в своей речи крылатых фраз и строк из известных произведений русских литературных классиков (А.С.Пушкина, М.А.Булгакова, М.Горького, Н.А.Островского).

Среди них дословные реминисценции:

из молитв: ...*Отныне присно и во веки веков...* ; ...*На веке веков, аминь.*

из сочинений А.С.Пушкина: ...*Глаголем жечь сердца людей...*; ...*Чего тебе надобно, старче?* и т.д.

Использует также повествователь аллюзии и аппликации. Примером аллюзии (стилистический прием; употребление в речи или в художественном произведении ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой) может послужить фраза «...*искусство для искусства – это нехорошо...*». Это выражение содержит намек на теорию «чистого искусства», сложившуюся в середине XIX века, когда «революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела». Повествователь не согласен со сторонниками данной теории, а именно с теми, кто в собственном воображаемом мире мечтает укрыться от несправедливости социальных отношений.

Стилю романа свойственны и аппликации (стилистический прием вмонтирования в текст литературного произведения общеизвестного выражения в деформированном виде), например: *Кант в груди и мирное небо над головой, выкрикивал филиппики.*

Наличие в речи повествователя многочисленных реминисценций на произведения А.С.Пушкина свидетельствует о его начитанности, поэтическом вкусе и романтичности.

Например, известные строки «*Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви*» вызывают в памяти стихотворение А.С.Пушкина «Я помню чудное мгновенье...».

Такие реминисценции дают понять читателю, что повествователь однозначно является современником, и у него существует определенная точка зрения на этот счет.

Воспроизводятся самые различные элементы текста. Так, повествователь дословно цитирует целые фразы из произведений различных писателей, например, всем известные строки из стихотворения А.С.Пушкина «*Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви*», первые строки из стихотворения Н.А.Некрасова «Тройка» («*Что ты жадно глядишь на дорогу...*») и из стихотворения Б.Пастернака «*Достать чернил и плакать*».

Реминисценциями становятся и самые маленькие элементы текста. Слово-сочетание «*болезнь в головах*» является напоминанием булгаковской цитаты. А

известная фраза А. Григорьева «Пушкин – наше все» приобретает у повествователя такую форму: «Ты – наше все, а мы – твое». Известная фраза из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» «К нему не зарастет народная тропа» появляется у повествователя в ином виде: «Думал, не зарастет народная тропа, дак если не пропалывать, так и зарастет».

Примером реминисценций, как невольного воспроизведения автором знаковой фразовой или образной конструкции из других литературных произведений, служит следующая фраза: «С молчаливого согласия равнодушных как раз и творятся же злодеяния» (намек на слова Б. Ясенского «Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но так с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и ложь»).

Использование лексического повтора «думу думает», «рисунки рисует» и т.п. говорит, с одной стороны, о бедности языка повествователя, а с другой стороны, приводит к мысли о поэтическом характере повествователя, его языковом чутье и эрудированности. (Эти лексические повторы напоминают сказанное «Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается»).

В особый вид реминисценции можно выделить народно-поэтическую лексику. В своей речи повествователь активно использует слова, относящиеся к этому типу лексики («Добры молодцы да красны девушки, ручейки малые перескакиваешь, речки в брод переходишь, сядет на камушек, плачет – заливаешь, горючими слезами умывается»). Он использует эти слова, желая перенести читателя в какой-то другой мир, когда речь заходит о чем-то особенно важном и красивом.

Таким образом, единственным средством характеристики повествователя в романе является его речь, в которой органично сочетаются просторечные слова и художественное словотворчество с реминисцированными выражениями. Такая живая, яркая и оригинальная речь повествователя делает его заметной фигурой на фоне других героев романа и позволяет ему не потеряться среди них.

Список использованной литературы

Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова. – М. : Высшая школа, 2005. – 367 с.

Можейко М.А. Означивание / М.А. Можейко // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом. – 2001. – С.537– 538

Рябцева Н.К. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) / Н.К. Рябцева // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю.Д.Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С.451– 458

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ВАЖНЕЙШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В УКРАИНЕ:
«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» - «ЕВРОМАЙДАН»
(на материале современной русскоязычной прессы Украины)**

Н. А. Онищук*

Возникновение фразеологических инноваций общественно-политического характера предопределяется мгновенной речевой реакцией на те или иные политические события в Украине. При этом на страницах русскоязычной прессы Украины часто наблюдается активизация уже общеизвестной «национальной» фразеологической инновации, обозначающей другую, но столь же знаковую общественно-политическую ситуацию. В этом случае журналисты прибегают к аналогии, справедливо считая, что между двумя общественно-политическими событиями в Украине есть много общего.

Так, «историю вопроса» обстоятельно анализирует в своей газетной статье известный украинский академик Петр Толочко, демонстрируя тем самым свою точку зрения на общественно-политическую проблему, возникшую в Украине: *«Только-только забрезжит надежда на лучшее будущее, как тут же находятся люди, «горячо любящие Украину», которые с непостижимым безумием эту надежду душат в своих объятиях. Так было в 2004 г., когда в момент наивысшего за время независимости экономического развития (при 12% роста ВВП) грянула «оранжевая революция», так произошло и теперь»* (Петр Толочко. «Мнение». – «2000: № 7 (689), 14-20.02.14, с. 6). Следует отметить также возникновение по ходу повествования других устойчивых сочетаний со знаковым компонентом **«оранжевый»**: *«С большим трудом Украина начала выходить из кризиса, в который погрузилась во времена «оранжевого» правления. И – вновь оказалась ввергнутой в бездну гражданского противостояния. Посредством того же майдана и практически тех же (за небольшим исключением) политиков... Как и в 2004 г., в 2013 в Украине не было объективных причин для столь драматического конфликта. Жили мы не богато, но лучше, чем в оранжевое» пятилетие... Предположим, нынешняя власть вообще не подпишет это соглашение. Но никакой трагедии в этом нет. Не было же бунта против «оранжевой» власти оттого, что она не подписала подобный документ»* (Там же). В другом газетном материале, опубликованном в той же газете, сравнение сегодняшнего **евромайдана** и минувшей **оранжевой революции** проводится не в пользу первого: *«По некоторым сообщениям, именно Порошенко является одним из глав-*

* Онищук Наталья Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Института иностранной филологии национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Григораш Антонина Михайловна. (Украина, Киев).

ных спонсоров майдана. Так что не исключено его желание занять место Януковича. Только нам-то что из этого? По-прежнему власть имущие будут жить в шоколаде, а народ как был быдлом, так им и останется. И что-то я не слышу от оппозиции призывов **оранжевой революции**» – отделить политику от капитала» («Шаг в сторону – получишь майдан». Рубрика «Нам пишут и звонят». – «2000: Свобода слова», № 7 (689), 14-20.02.14, с. 6). Современные номинации общественно-политических событий в Украине также включают в себя базовый компонент **«революция»**: «Украинская политическая революция временно пребывает в спящей стадии. Боевые действия на Майдане и Грушевского на минувшей неделе не проходили. Акции протеста вошли в мирное русло. Копья друг в друга продолжали метать лишь власть и оппозиция, пытаясь найти компромисс в решении политического кризиса» (Елена Галаджий. «ТОП-3 революционных скандалов недели». Рубрика «Происшествия». – «Комсомольская правда в Украине», № 21/5 (4597/25992), 31.01-6.02.14, с. 3). При этом далеко не все журналисты усматривают с происходящих событиях именно **революцию**. Определение того, что в настоящее время происходит в центре Киева, часто является уничижительным и с точки зрения семантики, и с точки зрения стилистической окраски: «Белорусские журналисты обращают внимание на поразительные особенности евросоюзной и украинской «свободы» слова, проявившиеся в ходе **«евромайдановской» заварушки**, и не только. Это и вопиющая односторонность в ходе освещения запутанных событий, и удивительная слаженность в работе террористических групп «евромайдановцев» и журналистов определенных изданий, прибывавших на места кровавых провокаций нередко еще до их начала. И многое другое» (Валерий Казнин. «Изнанка евросоюзно-украинской «свободы» слова». Рубрика «Информационные войны». «Киевский вестник», № 14 (7238), 8.02.14, с. 1). В другом газетном материале журналистская ирония воплощается в сужении значения базового компонента **«революция»** при помощи географического определения: «Но как могли **полтавские революционеры** здесь так хорошо устроиться? Без какого-либо сопротивления они зашли неделю назад в зал заседаний облсовета и обустроили здесь **маленький майданчик**. И теперь у **полтавской революции** все, как у нормальных людей, – комната для складирования щитов, касок и развешивания бандеровских флагов. Есть зал, где можно петь **революционные песни**. Есть копия киевских баррикад – из мешков, с самым настоящим боевиком в маске, который греется у самой настоящей бочки» (Владимир Ворсобин. «Передайте русским – мы, на Майдане, не против вас! Нас жизнь достала». Рубрика «Взгляд из Москвы». – «Комсомольская правда в Украине. Всеукраинский выпуск», № 29 (4605/26000), 10.02.14, с. 4). Подобная географическая локализация общественно-политического конфликта между украин-

скими властью и оппозицией наглядно демонстрирует, с точки зрения журналиста, всю несерьезность выступлений оппозиционно настроенных жителей Украины в провинции.

В связи с последними общественно-политическими событиями в Украине на страницах русскоязычной прессы активизировались и устойчивые сочетания-фразеологические инновации с базовым компонентом **«война»**. При этом вспоминаются различные локальные военные конфликты, происходящие на территориях других стран, также для сравнения их с современной ситуацией в Украине: *«Вывод первый: если власть не введет чрезвычайное положение и не разгонит это скопище бандитов, война неизбежна. Вывод второй: как наша оппозиция, так и ее фашистское, бандитское крыло, взяты под тотальный контроль посольством США. Таким образом, мы вступим в фазу гражданской войны, в сравнении с которой «чеченская война» в России не более чем драка детсадовцев в песочнике»* (Евгений Коротков. «Опыт прикладной футурологии». Рубрика «Памфлетон». – «Рабочая газета», № 14 (15549), 25.01.14, с. 1). Устойчивое сочетание **гражданская война** зафиксировано в словаре фразеологических инноваций В. М. Мокиенко «Новая русская фразеология» со словарной пометой *актуализ.* и со значением ‘Вооруженная борьба между различными слоями, социальными группами населения за власть внутри страны или в отдельном ее регионе’ [Мокиенко 2003:15].

Обращает на себя внимание также актуализация устойчивого сочетания **партизанская война** в его более локализованном значении **партизанская война в городе**: *“Легко предсказать появление в Киеве мощнейшего и беспощадного движения – так называемой герильи (партизанская война в городе). В Киеве, где проживает немало количество русскоязычных военных пенсионеров, бывших или отставленных от службы силовиков и представителей спецслужб, появление городской герильи логично и неотвратимо. В Галичину убегут немногие, а американских вояк, ежели таковые будут в Киеве, ждет такой ад, о котором они и не подозревали”* (Там же). При этом на страницах украинской современной русскоязычной прессы появился иностранный термин **герилья**, зафиксированный в “Новейшем словаре иностранных слов и выражений” со значением ‘партизанская война в Испании и Латинской Америке’ [Новейший словарь:210]. В газетных статьях, которые предрекают **гражданскую войну** в Украине, иностранный термин **герилья** расширяет свое значение, поскольку в настоящее время относится не только к событиям в Испании и Латинской Америке, но и непосредственно в Украине, в частности – в ее столице.

Достаточно часто современная общественно-политическая ситуация в Украине характеризуется с помощью спортивных терминов-словосочетаний, ко-

торые, попав в несвойственную им речевую среду, приобретают признаки устойчивых сочетаний (устойчивость и воспроизводимость), а также первоначально несвойственные им общественно-политические оттенки значений: *“Янукович переиграл оппонентов, сделал не один шаг навстречу, а два. Он перехватил инициативу и, говоря шахматным языком, поставил оппозиции вилку. Если Яценюк и Кличко согласятся на его предложение, их не поймет часть Майдана. А если не согласятся, то будут выглядеть неконструктивными политиками в глазах западных партнеров. Свой шаг к миру Виктор Янукович сделал. Теперь мяч в воротах оппозиции. Теперь очень важно, чтобы Виталий Кличко, Арсений Яценюк и Олег Тягнибок подобрали правильные слова и смогли убедить народ на Майдане разойтись”* (Вадим Карасев. **“Вилка от Януковича”**. Рубрика **“Компетентно”**. – *“Комсомольская правда в Украине. Всеукраинский выпуск”*, № 17 (4593/25988), 27.01.14, с. 2).

Общественно-политическая ситуация в Украине может быть проанализирована и с помощью несколько видоизмененных фразеологических единиц музыкальной сферы: *“Возможно, даже выдвигая постоянно новые требования к власти, лидеры оппозиции смогли бы достичь результата, если бы играли оркестром, а не по отдельности пытались взять на себя партию первой скрипки”* (Елена Пономаренко. **“Рыбаки Майдана”**. Рубрика **“Политкухня”**. – *“Комсомольская правда в Украине. Киевский выпуск”*, № 19 (4595/25990), 29.01.14, с. 2). Ср. во *“Фразеологическом словаре русского языка”*: **“Играть первую скрипку. Быть главным в каком-либо деле. От выражения “играть в оркестре первую скрипку”** [Фразеологический словарь:180].

Таким образом, возникновение новых и актуализация общеизвестных фразеологических инноваций происходит в моменты общественно-политических потрясений как в мире, так и в отдельных его регионах. При этом наиболее часто журналисты используют фразеологические инновации с базовыми компонентами **“революция”**, **“война”**, различные спортивные термины (поскольку спорт – это тоже борьба, поражения, победы, соперники), получающие в общественно-политических контекстах соответствующие значения и их оттенки, а также фразеологические единицы сферы искусства (в частности, музыкальной сферы). Функционирование подобных фразеологических инноваций в современных газетных материалах сразу же помогает определить как политическое направление той или иной газеты, так и специфику политических взглядов авторов газетных статей.

Список использованной литературы

Мокиенко В. М. Новая русская фразеология / В.М. Мокиенко. – Ополе: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. – 168 с.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Современный литератор, 2006. – 976 с.

ПАМЯТНИК XVI ВЕКА «ЖИТИЕ И ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНЫХ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ СОЛОВЕЦКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ» (РЕДАКЦИЯ ВОЛОКОЛАМСКОГО СБОРНИКА) КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСЕМ

Н. Н. Паклина, С. С. Кувалина*

Данная статья является продолжением работы над изучением языка памятника XVI века «Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев» (редакция Волоколамского сборника) [Кувалина, Паклина 2013:65-70]. Этот источник является очень ценным материалом для филолога, а особенно для исследователя, обобщающего свои изыскания в разного рода словарях и указателях, так как в анализируемом нами «Житии...» органично сочетаются черты церковнославянского и старорусского языков. В нашей работе мы остановились на выявлении в тексте «Жития...» основных типов синтаксических конструкций, с помощью которых оформляется придаточная часть с обстоятельным значением.

В «Житии Зосимы и Савватия» Волоколамской редакции основным типом условной конструкцией является модель со старославянским союзом *аще*: «*аще... + презентная форма глагола (императив в главной части предложения или глагол в форме сослагательного наклонения)*»: например, «*аще не изыдет овча от ограды, то не снедена бывает волком. Тако ты, брате, – аще не изыдеши из монастыря, то добре пребудеши, аще ли изыдеши, то зле постражеши*» [Минеева 1995:10]; «*Игумен, аще мя не отпустиши, то аз всяко изыду отсюду!*» [Минеева 1995:10]; «*аще не бы молитвы отца нашего избавили от толикыя беды, то вси бы погибли*» [Минеева 1995:11]; «*аще имам дерзновение пред Богом, то распространит Бог место ее и будет монастырь велик, аще ли ни, то оскудеет*» [Минеева 1995:11]; «*и ныне молю твою святость, да отимеши грехи моя от мене чистым исповеданием, аще Бог благоволит и твое священство*» [Минеева 1995:21]; «*аще Бог повелит, всяко имам преждати тя при часовне*» [Минеева 1995:22]; «*аще хоцещи творити милостыня, то имате требующих*» [Минеева 1995:22]; «*аще уставлю моци преподобнаго сего без управления, то боюся милостиве...*» [Минеева 1995:24]; «*аще ли ты не хоцещи хиротонисатися, то разведемся отсюду вси, и воздаси ответ Богови в день Судныи о душах наших!*»

* Паклина Надежда Николаевна – студент группы Ф-5250 филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

Кувалина Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

[Минеева 1995:35]; «*Аще внидете в дом, глаголите: «Мир дому сему!» Аще ли достоин будет дом мира, и мир ваш пребудет на нем, аще ли ни, то пакы к вам возвратится»* [Минеева 1995:46]; «*и аще будут угодна дела моя Богу, то не оскудеет потребным святыя обитель сия до сканчания века и болма распространится»* [Минеева 1995:50]; «*аще обрящу благодать от Господа, то обитель сея по моем отшествии наипаче распространится»* [Минеева 1995:50]; «*аще Бог повелит быти нам тамо, то и ветер даст по нас»* [Минеева 1995:57]; «*аще хочещи исцелити до конца, молися Богу прилежно и глаголи Псалтирь, аще не можеши сам, то ученику вели глаголати Псалтирь»* [Минеева 1995:68]; «*аще возмогл еси о Бозе мертвую воздвигнути, то и раны сия можеши вскоре исцелити!»* [Минеева 1995:69]; «*аще хочещи совершение избыти от беса того, то поеди на Соловки к тамошнему старцу»* [Минеева 1995:73]; «*аще хочете его жива видети, обещаите его на Соловки преподобному Зосиме»* [Минеева 1995:79]. Всего в тексте встречается 30 таких конструкций.

Предложения с условными конструкциями встречаются в высказываниях святых людей (Зосима, Савватий, монахи и т.д.) и обращают к «праведной жизни» не только героев повествования, но и читателя. Как правило, такие предложения представляют собой цитацию церковных текстов.

Для передачи значения цели в «Житии Зосимы и Савватия» используются две основные конструкции: новый разговорный «союз **чтобы** + презентная форма глагола» и книжный старославянский «союз **дабы** + презентная форма глагола» (реже вместо презентной формы встречается инфинитив). Например, «*и нача братию молити, чтобы били челом игумену о нем, что он без благословения из монастыря вышол»* [Минеева 1995:9]; «*по мале же времени той же инок, бе бо клирик, нача воспоминати братии, кои со игуменом, чтобы ему прияти диаконства сан»* [Минеева 1995:9]; «*велел тех старцов бити и грабити, – хотел их уняти, штобы они не шли к Москве»* [Минеева 1995:13]; «*и пребысть еще мало некое время и помышляше в себе, како ему достигнути остров он – но понеже не возможе умолити игумена и братии обители тоя, дабы его отпустили с молитвою и благословением»* [Минеева 1995:16]; «*купец же много молив старца, дабы что взяти от руки его: одежда или пища или сребреница»* [Минеева 1995:23]; «*святыи же совет сотворяет с братиею, яко поити ему в великыи Новгород и молити архиепископа, дабы ему был помощник от обидящих человек и творящих пакости манастырю»* [Минеева 1995:45].

В тексте встречается также целевая конструкция «**да** + презентная форма глагола»: «*и изыдохом на остров, и диакона послахом в монастырь, да просит прощения у игумена»* [Минеева 1995:11].

Всего в тексте встречается семь употреблений с новым разговорным союзом **чтобы**, четыре употребления с книжным старославянским союзом **дабы** и

два употребления с союзом **да**. Всего же целевых конструкций с этими союзами тринадцать.

Таким образом, в памятнике частотно употребление целевых конструкций «**чтобы** + презентная форма глагола», так как они были характерны для древнерусского языка. Конструкция «**дабы (да)** + презентная форма глагола» встречается редко, так как она была закреплена за церковнославянским языком, а в древнерусском языке не употреблялась.

Для передачи значения времени в тексте употребляются две основные конструкции: книжный древнерусский «союз **яко** + презентная форма глагола» и книжный старославянский «союз **егда** + презентная форма глагола»: «*яко же и сеи жительствуя в предиреченной обители с пребывающими тамо мнихи, и соодолев вся послушанием ко игумену и всему еже о Христе братству в заповеданных ему службах*» [Минеева 1995:13]; «*он же радостною душею поздравил Бога, яко получи в желание сердца своего*» [Минеева 1995:33]; «*яко же приближаясь к месту, виде огонь, пламени исхожаше от места оногo из земля, иде же пес, скача, брехаше*» [Минеева 1995:38]; «*яко внидохом во гробницу, мужу отступльшу от мене, мне же молящеися у гроба*» [Минеева 1995:66]; «*яко сидящим нам за столом, абие внидоша в нашу храмину преподобнии Зосима и Саватей*» [Минеева 1995:67]; «*да яко прииде юная в возраст, подобнии на сочетание брака, он же прият себе некоего юношу в дом свои и вдаст за него дочь свою в жену*» [Минеева 1995:68]; «*юноша же, яко услыша, скоро воскочив с места, на нем же лежа, нача зрети прилежно, от кого се слыша*» [Минеева 1995:78]; «*он же, яко от сна возбудився, очи возведе ясно, зря на мя, и языком проглагола, яко здрав*» [Минеева 1995:79].

Всего в тексте десять конструкций с союзом **яко** во временном значении, временных конструкций с союзом **егда** шесть. Временных конструкций с этими союзами шестнадцать.

Можно сделать вывод: для присоединения придаточной временной конструкции к главной части предложения используются союзы как древнерусские – **яко** (они преобладают, что объясняется достаточно поздним временем создания памятника), так и старославянские – **егда**.

Таким образом, в тексте употребляются условные (с союзом **аще**), целевые (с союзами **чтобы, дабы**) и временные (с союзами **яко, егда**) конструкции. В «Житии Зосимы и Савватия» преобладают условные конструкции (их в тексте 30), что обусловлено содержанием данного памятника.

Список использованной литературы

Кувалина С.С., Паклина Н.Н. Языковая характеристика памятника XVI века «Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев / С. С. Кувалина, Н. Н. Паклина // Филологические знания на современном этапе: сборник статей. Вып. 2 / И.А. Шушарина (ред.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – С. 65-70.

Минеева С. В. Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев / С. В. Минеева. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1995. – 296 с.

Ремнева М. Л. История русского литературного языка / М. Л. Ремнёва. – М., 1995. – 400 с.

«ИРОНИЗИРУЮЩИЙ ДИСКУРС» ГАЗЕТЫ

Т. А. Пивоварчик*

В статье рассматривается феномен газеты, создающей свое содержательное и коммуникативно-речевое пространство по модели «иронизирующего дискурса». Анализируются средства и эффекты намеренной актуализации иронической оценки действительности.

Содержательное и коммуникативное поле современной газеты строится в основном в соответствии с девизом Британской вещательной корпорации «Информировать. Поучать. Развлекать». Этим определяется и редакционная повестка дня, и набор жанров, и стилевое воплощение текстов, и формирование творческих идиостилей журналистов, если не соблюдающих принцип объективности, то, по крайней мере, демонстрирующих его соблюдение и свою приверженность потребностям и интересам широкого массового читателя.

Менее привычными выглядят газеты, практикующие в соответствии с идеями постмодернизма версионность интерпретаций, мистификацию, интеллектуальный и маргинальный эпатаж, интертекстуальность, языковую игру и т.п., утверждающие право журналиста на симуляцию реальности и, как следствие, на обращение к читателю как к «провиденциальному собеседнику». Важно сразу же отметить, что такой стиль журналистского письма предельно «адресативен» – рассчитан на догадливость читателя, его умение читать между строк, читать «в контексте» и, как итог, на сотворчество журналиста и читателя. Такой стиль журналистского письма способствует развитию авторской индивидуальности, которая становится основой для создания в тексте особого смыслового пространства, отличного от традиционного, установленного мировоприятия и мироощущения. Вспомним известное утверждение Абрахама Маслоу: «только самоактуализирующиеся креативные личности независимы, автономны и самонаправленны. Лишь они – хозяева реальности». Вопреки всем ожиданиям «не так часто удается выловить в огромном океане медиа-продукции хоть какие-то факты, способные расшевелить, обрадовать, обновить, одним словом, заставить жить и развиваться теорию индивидуальных стилей» [Цветова 2006].

Индивидуальный стиль журналиста в таких изданиях формируется по-разному: благодаря философско-эстетическим поискам; на основе преобладания

* Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой журналистики Гродненского университета им. Янки Купалы (Беларусь, Гродно).

эмоционально-образной интерпретации событий над рационально-аналитической; путем «выбора пишущим альтернативных речевых и повествовательных стратегий» [Воробьева 2011:14]. Часто это связано с выражением идеологической позиции журналиста, на текстово-языковом уровне проявляющейся и в намеренной актуализации иронической оценки действительности, что присуще творческому почерку многих журналистов белорусского информационно-аналитического еженедельника «БелГазета», в результате чего создается особый мир (реальность) «иронизирующего дискурса» со своими тематическими предпочтениями, своими образами «героев» и журналистов, своей моделью диалога с читателем, своими правилами выбора и сочетания языковых средств и риторических приемов. Дискурс такой газеты скорее близок к художественному, чем к традиционному масс-медийному дискурсу, а основой иронии становится «рефлектирующее сознание личности, благодаря чему любое явление может быть поставлено под сомнение, осмыслено с противоположных сторон» [Фомичева 1992:15].

«Иронизирующий дискурс» творится в опоре и в расчете на ассоциативность мышления, мифологичность сознания, остроумие автора и читателя, на эмоциональность и нарративность изложения, привлекает читательскую аудиторию авторским «взглядом» и экспрессией, языковой игрой и тонкостями подтекста. Поэтому выбор события, достойного освещения в газете, может быть обусловлен не только его актуальностью, но и податливостью для иронизирующей интерпретации, для всевозможных игровых манипуляций.

На уровне текста ирония в «БелГазете» прежде всего проявляется в создаваемых в стиле пастиша рубрик «Сорвалось...», «Только хорошие новости», «Хроники недели», материалы которых подтверждают тот факт, что ирония «перешагнула границы газетной сатиры и охватила все типы текстов, включая даже материалы информационного характера, жанрово-стилевая специфика которых не предполагает субъективно-оценочного отношения автора» [Ляпун 2009:120].

Ирония используется оппозиционными изданиями, чтобы предложить свою, отличную от официальной, интерпретацию уже известных событий [Дускаева 2003]. Так, в одной из новостей под заголовком «Урожай из котельной» в рубрике «Только хорошие новости» создается гротескная пародия-спектакль на информационную работу официальных СМИ, например в лиде: *Мы ведем наш репортаж из теплого помещения котельной № 1 городского поселка Вороново (Гродненская область), где завершает сев республиканский коллектив лучших комбайнеров. Пшеница уже почти собрана. Рядом под яркими лампочками наливания еще колосится рожь нашей Родины. Гречиха колышет своими налившимися полуметровыми зернами побегами. Поодаль поют счастливую песнь коче-*

гары (17.12.2007). Только в последнем абзаце текста журналист раскрывает перед читателями информационный повод пародии: *Мало кто помнит, что наш продовольственный прорыв начался с сообщения БелТА о том, что «в теплом помещении котельной № 1 городского поселка Вороново (Гродненская область) обычный комнатный фикус вырос до размеров тропического гиганта». <...> Как жаль, что ученые раньше не догадались перенести все сельхозпроизводство Беларуси в котельную № 1 в поселке Вороново...* (17.12.2007). В результате у читателя должно создаваться ощущение абсурдности и фантазмагорийности происходящего.

«Иронизирующий дискурс» газеты реализуется и особыми жанровыми включениями от «маргинальных» авторов. Например, объемная (до 6 полос) тематическая рубрика «Последнее слово» полностью представлена публикациями «писем от лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы», в том числе с сохранением авторского стиля, орфографии и пунктуации, и с комментариями к этим письмам от ведущего рубрики – «смотрящего за письмами Феликса Пекера».

Нередко журналисты сами становятся участниками разыгрываемой на газетной полосе мистификации, что можно рассматривать в качестве своеобразной реализации известного творческого приема «журналист меняет профессию». Например, играя роль заказчиков продукции того или иного предприятия, журналисты ведут телефонные переговоры с сотрудниками этого предприятия и затем публикуют диалоговый текст, акцентируя внимание читателя на отсутствии компетентности, речевых или логических ошибках и под. недостатках своих собеседников.

«Автор и/или издание, практикующие постмодернистскую манеру письма, стремятся втянуть читателя в игру, увлечь его иронией, стебом, “многослойностью” смыслов. При этом сознательно либо непроизвольно максимально коммуникативно-прагматическая нагрузка придается тем образам и метафорам, которые направляют понимание текста в русло субъективной интерпретации события» [Негрышев 2011:454].

Для создания иронического эффекта конкретный факт или явление подводится под стереотипный фрейм, актуализирующий у читателя заранее известные ассоциации (возникает эффект «пародийного контекста»), например, модели администрирования в плановой экономике уподобляются и сюжетам сказок, и армейскому порядку: *Зачем думать самому, если можно приказать думать подчиненным <...> Получилось как в сказке о Василисе Прекрасной: царь велел женам своих сыновей к утру соткать ковры – жены старших сыновей приказали сделать это горничным, те – «половым» девкам, а те – отставному солдату*

<...> *Планирующих чиновников у нас оказалась армия, а на предприятиях остались батальоны с пустыми карманами <...> Это как в армии: главное – подход, отход, фиксация <...> Долго ли нам искать свою Василису, которая бы сама соткала отменный ковер? (26.10.2009, заголовок «Каждой Василисе – по Ивану-царевичу»).*

«Иронизирующий дискурс» – это одновременно образец «наблюдающей журналистики», где предлагается картинка «повседневности» с ее профанным и карнавальным смехом и узнаваемыми типажамми городской или сельской жизни. Журналист утверждает свое право индивида – не быть вовлеченным в описываемую ситуацию, отстраниться от нее, стать над ситуацией, свое право речевого субъекта – говорить не так, как принято, а так, как это отвечает его отношению, состоянию, настроению: *И, поскольку серьезные версии выглядят фантастично, «БелГазета» решила сформулировать самые фантастичные версии похищений. Кто знает, может, они и есть правда. А мы, выходит, могли сказать и не сказали (14.12.2009).* В таких текстах нередко «активно пропагандируются самые разнообразные способы проявления речевой агрессии, не скрываются отрицательные коммуникативные намерения, открыто, программно провоцируются или просто игнорируются негативные эмоциональные реакции адресата» [Цветова 2006].

Языковыми средствами создания «иронизирующего дискурса» в «БелГазете», в частности, являются:

- использование лексики в противоположном узувальном значении и официальной риторике смысле для низвержения ложных, с точки зрения автора, авторитетов и ценностей: *Страна, это было видно сразу, вставала с колен и преодолевала послевоенную разруху. Рос ВВП. Нарацивался товарооборот с Китаем (14.12.2009);*

- эффект «обманутого ожидания» и эффект «каламбура», когда многозначное слово при последовательном чтении текста – от заголовка к концовке – раскрывает разные свои значения, прямые и переносные, а возникающие между ними смысловые противоречия служат утверждению авторской оценки описываемого факта как аномального или курьезного, например: заголовок *Борисов грамотно погудел*, подзаголовок *Волянка, письменность и деревянные аисты* – о праздновании Дня славянской письменности в г.Борисове: *Грамота побеждала разгульные настроения. Культура наступала на горло пьяному дебошу. Трезвый Борисов слушал со сцены стихи белорусских поэтов, дети и взрослые танцевали под звуки волюнки от группы «Ліцвінскі хмель», детские книжки белорусских издательств раскупались так же бойко, как глиняные окарини, заувным пересвистом которых целый день разбухал город (15.09.2008);*

- демонстративное использование в пародийном контексте официально-деловых или журналистских штампов с целью развенчания событийных симулякров: *Кипит культурная жизнь столицы. <...> В ресторане «Золотой век» состоялось Eroticsummerdance. В ходе мероприятия **высокий художественный уровень и верность лучшим национальным танцевальным традициям** продемонстрировали исполнительницы <...> перевоплощавшиеся то в гусаров, то в учительниц, то в насекомых* (30.05.2008);

- ироническая трансформация фразеологизмов, пословиц и других прецедентных текстов в заголовках как установка для читателя на «правильную» интерпретацию следующего после заголовка текста: *Разгрузайте, хлопцы, склады!* (30.06.2008), *Семь кругов склада* (30.06.2008);

- парадоксальное письмо, сочетаемое с оксюморонами, анекдотами, противоречащее привычным газетным моделям текстостроения и общепринятым мнениям: *Прошедший месяц был полон впечатлений, как банка пауков. Погода и прочие мерзости... Впечатляет почему-то самое плохое: у женщин, как правило, первый сексуальный опыт, у мужиков - предпоследний. Самое некислое впечатление, конечно, от братской Украины - весело и завидно. Народ с такой легкостью реагирует на бардак, что хочется жить и участвовать в бардаке* (14.05.2007);

- соединение различных речевых стилей (стилевой оксюморон) и переключение языковых кодов – с «официоза» на жаргон или просторечие, с русского языка на белорусский язык или «трасянку»: *Экзистенция в зюзю* (14.12.2009);

- инвективная и просторечная лексика, провоцирующая читателя, привыкшего к определенным газетным стандартам: *Так и свобода: хрен знает, что с ней делать и что это такое? И что делать на отдыхе? Тоже неясно. Бухать можно и дома, пописал в ванну – и типа черноморские пляжи* (14.05.2007).

Следует отметить, что журналисты, используя указанные выше приемы, часто выступают под маской того или иного социального типажа. О мистификациях свидетельствуют и псевдонимы журналистов: Родион Раскольников, Мария Мнишек.

Список использованной литературы

Воробьева, С. Ю. Дискурсивные приемы иронической самоидентификации автора в современной женской прозе (на материале романа Г.Щекиной «Графоманка») / С. Ю. Воробьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2011. – № 1(13). – С. 14-20.

Дускаева, Л. Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ / Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. – М.: «Флинта», 2003. – С. 642-647.

Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX – начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун // [Вестник Адыгейского государственного](#)

[университета. Серия 2: Филология и искусствоведение.](#) – 2009. – № 1. – С. 118-124. (Дата обращения: 07.03.2014)

Негрышев, А. А. Стилистика постмодернизма в коммуникативном контексте СМИ / А. А. Негрышев // Журналистика в 2010 году. СМИ в публичной сфере: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. / Гл. ред. Я.Н. Засурский. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – С. 454-460.

Фомичева, Ж. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе / Ж. Фомичева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 24 с.

Цветова, Н. Наблюдения пессимистки / Н. Цветова // Нева. – 2006. – № 11. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/11/c20-pr.html> (Дата обращения: 07.03.2014)

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПЕЙЗАЖАХ И. А. БУНИНА (на материале красного цвета)

Н. М. Ротанова*

Красный цвет и его оттенки в сознании большинства носителей языка связаны с осенней природой, И.А. Бунин использует красный в летних пейзажах так же часто, как и в осенних: 13% «летом» и 14% «осенью» по отношению ко всем цветообозначениям, употребленным при описании каждого из названных времен года. Интересно, что в летних пейзажах Бунина нет явных «фаворитов» среди тонов: синий – 16%, черный – 15%, белый – 15%, зеленый – 14%, красный – 13%. В пейзажах всех других времен года превалирует синий цвет.

Описание пейзажа в художественном произведении всегда отражает мировосприятие автора, даже когда через пейзаж изображается психологическое состояние героя. Пейзаж становится отражением души человека, эмоциональность пейзажу прежде всего придает цвет.

«Темная летняя заря потухала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, еще кое-где светившейся дрожащей рябью вдали под ней, под этой зарей, и плыли и плыли назад огни, рассеянные в темноте вокруг» (Солнечный удар).

В рассказе «Солнечный удар» главный герой, расставшись с женщиной, понимает, что утратил самое важное, ценное в жизни, что эта женщина была его судьбой. Слово «заря» означает для носителей языка свет – уходящий, приходящий, но свет дня, солнца. У Бунина заря темная и ассоциируется прежде всего с багровым (тревожным) цветом*. Что это – цвет или свет? Судя по настроению пейзажа, не только цвет: темный – *Перен*. Мрачный, беспросветный, гнетущий, тяжелый; исполненный безрадостных мыслей, чувств» [МАС 1988:351].

* Ротанова Надежда Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

• Багровый – темно-красный, цвета крови [МАС 1985: 55].

Надежда на счастье оставляет героя, Бунин передает это символически: уходит свет «дрожащей рябью <...> и плыли и плыли *назад* огни, рассеянные в *темноте*». Главный герой не видит выхода из сложившейся ситуации, он в отчаянье – пейзаж точно передает его чувства.

Меняется настроение в описании пейзажа – меняется и оттенок красного цвета: «Солнце садилось, стволы в березовом лесочке были **алые**» (Деревня).

Вечерняя заря уже не пугает кровавым отсветом: алый – *светло-красный* [МАС 1985: 33].

*«Дождь перестал, но надвигалась ночь, небо и земля угрюмо темнели, за шоссе, за низкой чернильной грядой леса еще гуще и мрачней чернела туча, широко и зловеще вспыхивало **красное** пламя»* (Степа).

Пейзаж вызывает тревогу, его темные краски сливаются, разными словами автор говорит одно и то же: темнеть – о наступлении темноты [МАС 1988 351], мрачный – темный, погруженный во мрак [МАС 1986: 307], угрюмый – мрачный, неприветливый [МАС 1988: 462], зловещий – предвещающий несчастье, зло [МАС 1985: 612]. Читатель понимает, что случится что-то непоправимое. Жизненный опыт позволяет понять эмоциональное состояние, которое пытается выразить Бунин, соединяя цветообозначения и слова, называющие чувства: «за низкой *чернильной грядой*» (соединение черно-синего с багровым – холодные, тревожные тона) «*зловеще вспыхивало красное пламя*». Слово «пламя» (огонь, поднимающийся *над горящим предметом* [МАС 1987:132]) само способно обозначить переливы красного цвета, но Бунин подчеркивает цвет, чтобы возникла ассоциация черно-красного цвета с чувством, которое обычно это соединение цветов вызывает в человеке, кроме того, писатель дает оценку цвету, используя слово, называющее чувство, – «зловеще».

Если пейзаж выражает одиночество героя (надежды рушатся, близкие люди либо уходят, либо умирают), то «красный» заменяется «багровым» или получает наречные определения типа «мутно краснело», а также контекстуальное окружение, передающее душевный дискомфорт: студеной воздух, мглистое небо, меркнет даль и т.п.

«Вечером в понедельник шел дождь, мглистое небо над Парижем мутно краснело» (В Париже).

Иногда описания зари воспринимаются как обычная цветная картина, а в некоторых случаях Бунин удивляет оригинальным видением цвета.

Обычное описание вечера дается в оттенках красного цвета, в том числе через ассоциативно-цветовые понятия (зареве, закат):

*«Слабо **алел** закат за нею, там, где сходилась с темной землей прозрачно-зеленоватый небосклон»* (Веселый двор).

Вот меркнет даль,

Темнеет сад, краснее запад рдеет.

(В пустынной тишине, в открытом океане небосклона...)

Рдеет красным заревом

На холоде закат.

(Плоты)

Рдяный – красный, алый [МАС 1087:688]. Писатель уточняет значение глагола «рдеть» (краснеть): из светло-красного, ярко-красного цвет в сумерках превращается в более насыщенный и темный, т.е. становится красным, перестает быть алым. Во втором примере глагол «рдеет» имеет значение «горит», а огонь ассоциируется скорее с алым цветом, поэтому, используя любимый глагол, Бунин уточняет его цветовое значение посредством прилагательного «красный», которое является определением к ассоциативно-цветовому понятию «заревом» (отсвет пламени, сияние [МАС 1985:565]).

Довольно часто Иван Бунин при описании цвета пейзажа намеренно использует плеоназм (смысловую избыточность).

«Багрово краснеет над черными садами поднимающаяся луна» (Жизнь Арсеньева).

Мысль о скорой разлуке невыносима для героя, чтобы передать чувство безысходности, Бунин «перенасыщает» красным цветом описание природы и в который раз чувство тревоги выражает через соединение черного и красного цвета. Но красный – фокальный цвет, потому, вероятно, слово воспринимается носителями языка как своеобразная доминанта для ряда лексем, способных передать представление людей о красном цвете и его оттенках. Если цветообозначение используется для описания состояния человека, то нейтральное «красный» требует уточнения, например: «багрово краснеет». Почему Бунин не сказал: «Над черными садами поднимается багровая луна»? Как нам кажется, писателю потребовалось акцентировать внимание читателя на действии, переданном цветом, тревожным цветом, а чтобы усилить ощущение тревоги, фоном дается черный.

Иногда описание вечерней зари выглядит у Бунина парадоксально. Ярко-красный цвет («алел») он определяет как темный или даже мертвенный:

«В окна зала еще алел над дальними полянами темный весенний закат» (Жизнь Арсеньева).

«Был морозный, первозданно-непорочный, чистый, мертвенно алевший и синевший к ночи вечер» (Генрих).

В рассказе «Генрих» природа предвещает трагическую смерть главной героини. Холодный, мертвенный пейзаж заставляет испытать чувство тоски, безысходности. «Мертвенно алевший» – оксюморон, если учитывать созначение

прилагательного цвета «алый»: ярко-красный цвет говорит о жизни, а «мертвенный» означает «безжизненный; лишенный жизни, движения» [МАС 1986:255]. Зато «мертвенный» очень хорошо сочетается со вторым цветообозначением – «синевший». Общее впечатление сводится к причастию «мертвящий» (от глагола «мертвить») в значении прилагательного: губительный; тягостный, гнетущий, удручающий [МАС 1986:256]. Синий цвет в этих пейзажах приобретает философский смысл, как и всегда у Бунина, если повествование связано с гибелью, смертью героев. В сочетании с красным синий отражается в сознании как фиолетовый («синий с красноватым оттенком, темно-лиловый» [МАС 1988: 567]), т.е. «мертвенный». Бунинское слово удивительным образом будоражит душу читателя, вызывая из глубин сознания нужные для понимания мыслей писателя ассоциации.

*«Горело далеко, за рекой, но страшно жарко, жадно, спешно. Там густо валили **черно-багровым** руном клубы дыма, высоко вырывались из них **кумачные полотнища пламени**» (Поздний час).*

Ассоциативные цветовые слова (горело, дым, пламя) уже передают цветовую гамму пейзажа, но для выражения чувства тревоги, беды Бунин, как всегда, использует багровый и соединяет этот темно-красный цвет с черным. А напряженность чувства и силу пожара подчеркивает алым (ярко-красным) цветом. Прилагательное «кумачный» употреблено в переносном значении: кумачный то же, что кумачовый – сделанный из кумача [МАС 1986:149], кумач – хлопчатобумажная ткань *ярко-красного* цвета. Описание цвета пламени включено в именную метафору, которая по существу называет основание сравнения.

Лексема «зарница» в своем словарном значении не указывает на красный цвет: зарница – отблеск далекой грозы [МАС 1985:566]; отблеск – отраженный свет, световое пятно на поверхности чего-л., отсвет. || Дополнительный цвет или оттенок, в который переходит основной [МАС 1986:663]. Но в сознании говорящих «зарница» обычно связывается со словом «заря» и потому ассоциируется с красным цветом.

«Пасмурные зарницы освещают иногда пару ровно бегущих рабочих лошадей» (Волки).

Буквальное значение слова «пасмурный» не может сочетаться со значением слова «зарницы» (пасмурный – с облаками, закрывающими небо, сумрачный [МАС 1987:29]), поэтому можно предположить, что «пасмурный» использовано в переносном значении: мрачный, невеселый, хмурый. В сумрачном небе отблески далеких молний навевают грусть, рождают в душе тревожное ожидание. А вот другое настроение, и на фоне тоже темного неба вспыхивают уже «мирные зарницы»:

*«Над полями к закату допевали свои короткие песни жаворонки, на востоке, уже посиневшем к ночи, вспыхивали те дальние, **мирные зарницы**, которые ничего не обещают, кроме хорошей погоды» (Митина любовь).*

«Отблески далеких молний» сначала конкретизируются определением «те дальние», что по сути является плеоназмом, но в данном контексте оправданно: мирный – чуждый волнений, спокойный, тихий [МАС 1986:276]. Эпитет «мирные» передает настроение пейзажа: тревоги очень далеко, всё будет хорошо. В описании жаркий летний день полон солнца. Лёгкость, воздушность настроения Бунин рисует «разбавленным» красным:

*«Узорами ложились тени
На теплый **розовый** песок» (Сказка).*

Розовый цвет – это цвет юности, свежести чувств, безудержного счастья и веселья. Но «розовый песок» в данном случае не цвет (розовый – бледно-красный [МАС 1987:728], это ощущение души, недаром песок еще и теплый. Положительная оценочная коннотация добавляется контекстом цветообозначению и в следующих примерах:

*«Хорошо было проснуться до солнца, **розовым** росистым утром...» (Деревня); «Боже, какая заря была! **Розовым** огнем горит вдали восток, в воздухе та дивная свежесть и ясность, что бывает лишь ранней весной, на рассвете в степи» (Жизнь Арсеньева); «Клины цветущей гречихи **молочно розовели**» (Веселый двор).*

В рассказе «Легкое дыхание» «розовый вечер» тоже не только цвет, он еще олицетворяет молодость и свежесть Ольги Мещерской. Заря здесь не багровая, как утрата, а розовая, как мечта:

*«Он любил всё: каток в городском саду, **розовый** вечер, музыку и эту во все стороны скользящую на катке толпу, в которой Оля Мещерская казалась самой беззаботной, самой счастливой» (Легкое дыхание).*

В своих произведениях Бунин часто вспоминает свое детство – доброту, тепло, нежность, любовь, окружавшие его. Бунин словно говорит читателю, какое чудо жить, взрослеть, какое счастье быть наедине с природой, видеть её красоту.

*«Солнце садилось, все было чисто, молодо и всё **розовело**» (Жизнь Арсеньева).*

Как видим, основное предназначение красного цвета в пейзажах Бунина – это отражение мировосприятия автора и состояния героев произведения. Темные оттенки и сочетание красного с черным и синим цветом передают чувство тревоги и одиночества. Розовый цвет (бледно-красный) – цвет детских воспоминаний, цвет молодой необузданной жизнерадостности, мечтаний о будущем.

Цвет как совокупность оттенков представляет собой устойчивую семантическую структуру, соотнесенную с эмоционально-личностными особенностями человека. Цветовые решения в произведениях И.А. Бунина демонстрируют своеобразие авторского мировидения и в то же время являются отражением общего представления носителей языка о цветовой картине мира.

Список использованной литературы

Бунин И.А. Собрание сочинений: в 4 т. / И.А. Бунин. – М.: Правда, 1988.

Словарь русского языка: в 4 томах / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1985-1988 [Малый академический словарь (МАС)].

СОЧЕТАНИЯ С ШИПЯЩИМИ И Ц В СЕВЕРНОРУССКОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ XV ВЕКА

Е. А. Сивкова*

В статье представлены результаты исследования написаний гласных с шипящими и Ц в Севернорусском летописном своде XV века, переведенном В.В. Колесовым и подготовленном к изданию Я.С. Лурье [Севернорусский летописный свод 1472 года].

История возникновения и изменения шипящих и свистящих в русском языке – один из аспектов развития в нем общеславянской категории твердости-мягкости. Полумягкость как позиционное, нефонематическое явление развилась в самостоятельную, фонематическую мягкость в русском и польском языке и в основном утратилась в сербском и болгарском [Калнынь, 1956:121].

В эпоху до падения редуцированных и до смягчения полумягких согласных губные и зубные согласные в положении перед гласными переднего ряда становились полумягкими – а в положении перед гласными непереднего ряда были твердыми. Т.е. губные и зубные согласные в это время образовывали ряды позиционных чередований полумягких согласных с твердыми – в зависимости от качества следующего за ними гласного звука.

Задненебные в эту эпоху могли существовать только в положении перед гласными непереднего ряда; перед гласными переднего ряда они меняли свое качество, становясь шипящими или свистящими. В результате комбинаторных изменений возникли ряды исторических чередований твердых задненебных с соответствующими шипящими и свистящими. Мягкие шипящие еще в общеславянском языке стали самостоятельными фонемами.

Пока буквы **ч, ж, ш, щ, ц** означали всегда мягкие согласные, не обязательно было обозначать их мягкость последующей гласной буквой. «Поэтому во

* Сивкова Евгения Александровна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий сотрудник кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета.

многих древних памятниках находим колебания между... ца и ца, ца, жа и жа, жа» [Шахматов 1915:184].

Рассмотрим сочетания шипящих с гласными, представленные в Севернорусском летописном своде 1472 года, который создан, по мнению Я.С. Лурье, в одном из культурных центров Древней Руси – Кирилло-Белозерском монастыре [Лурье, Севернорусский летописный свод], находящемся в Вологодской области.

В таблице 1 показаны гласные буквы, которые встречаются в анализируемых текстах в сочетании с шипящими и Ц в тексте Севернорусского летописного свода 1472 года, и количество названных сочетаний.

Таблица 1

Буквы, обозначающие шипящие согласные и Ц	Сочетаемость шипящих и Ц с гласными			
	а - я	е – ъ - о	у - ю	и - ы
ж	жа - 26	же – 250 жѣ - 1	жу - 2 жю - 2	жи – 19 жы - 4
ч	ча – 69 чя - 13	че – 40 чѣ - 1	чу - 4 чю - 19	чи - 55
ш	ша - 123	ше – 87 шо - 4	шу - 3	ши – 14 шы - 3
щ	ща - 6	ще – 29 щѣ - 1	щу – 2 щю - 1	щи – 18 щы - 1
ц	ца - 88	це – 30 цѣ - 10	цу – 1 цю - 4	ци - 16

По данным таблицы 1 мы видим, что летописцы используют сочетания **жа, ша, ща, ца, чи, ци, чу** без их возможных вариантов. Сочетания **чи, ци** не имеют пары, потому что писцы не используют «и десятеричное». Отсутствие варианта у сочетания **шу** объясняется отсутствием разграничения **q – u** и процессом отвердения [ш] в говоре летописцев. Сочетания **жа, ша, ща, ца** и в других исследованных почерках XV века не имеют вариантов [Сивкова 2010: 90]. Таким образом, отсутствие вариантного написания гласной с шипящей может быть:

индивидуальной особенностью графики писца (отсутствие омофоничных букв в почерке);

следствием произношения писавшего;

показателем того, что данное сочетание является графическим, а не орфографическим (т.е. для данного времени или не имеет вариантов, или выбор одного из них осуществляется не по орфографическим критериям).

Рассмотрим варианты написания гласных после шипящих и Ц, выявленные в Севернорусском летописном своде XV века. С гласными **а – я** представлена одна пара: **ча – чя** (69; 84,1 % - 13; 15,8 %). Гласная «**я**» используется: в юсовых корнях (*начяша, почя*); в суффиксе –ан- (*вятчяне*); в окончании винительного, родительного падежа существительных мягкого варианта *о-склонения (*Васильевичя, Юрьевичя, Дмитриевичя, царевичя*).

В приведенных примерах «**я**» написана на месте «**а**» в соответствии с этимологическим принципом в юсовых корнях, суффиксе –ан- [см. об этом Шахматов, 1915, с. 118], на месте «**а**» в окончании родительного падежа существительных мягкого варианта *о-склонения [Ремнёва, Чернец, Маркина].

Те же самые группы слов записаны в Севернорусском летописном своде с «**а**» после «**ч**»: юсовые корни (*начаша* (2), *нача, почало, почаше*); суффикс – ан- (*вятчане* (9)); окончание родительного падежа существительных мягкого варианта *о-склонения (*царевича* (6), *Васильевича* (3), *Юрьевича* (2), *Михаиловича* (2), *Андреевича* (2), *Ивановича* (2), *Ярославича* (2), *Дмитреевича, Давидовича, Патрекъевича, Галича, Федоровича, Протасъевича, Костяньтиновича, Александровича, Бабича, Углека, Карповича, Иоановича*).

Описывая формирование русской редакции церковнославянского языка до второго южнославянского влияния, Б.А. Успенский говорит о том, что нужно различать тексты, созданные профессиональными писцами, и «тексты, написанные теми, кто учился только читать, но не проходил специальной школы письма. Тексты второго типа отличаются тем, что они написаны без применения дополнительных орфографических правил» [Успенский 2002:121]. Носитель языка, не имеющий специальной писцовой выучки, «мог либо произвольно смешивать омофоничные буквы, либо употреблять какую-либо одну из них» [Успенский 2002:141].

Казалось бы, летопись должен был писать (переписывать) человек ученый, но в орфографическом материале мы видим написания разного уровня грамотности, что объясняется свойством исследуемого источника – это свод материалов, созданных разными людьми.

Рассмотрим сочетания **же – жѣ** (250; 99,6 % – 1; 0,4 %), **че – чѣ** (40; 97,6 % – 1; 2,4 %), **ще – щѣ** (29; 96,7 % – 1; 3,3 %). Написания с «**h**» после шипящих единичны: *жѣне, чѣмь, Плещѣва*. Этимологически в корне слова *жена* должно быть «**е**» [Фасмер 2004:II:46]. В творительном падеже местоимения *что* писалось «**е**» или «**ѣ**» [Ремнёва, Чернец, Маркина].

Вопрос о нормативном написании слова *Плещеев* не решается однозначно: «Фамилии на –еев еще менее связаны с глагольной основой, и происхождение многих из них неясно» [Унбегаун 1989:126]. Фамилия *Плещеев* образована от *Плещей* – «плечистый, широкоплечий» [Федосюк 1980:239]; *плеща* – «тыл,

спина, хребет» [Даль 1998:III:126]. Суффикс *-ей-*, вероятно, имел вариантное написание, об этом говорит подача слова *грамотей* в «Этимологическом словаре» М. Фасмера как *грамотѣи, грамотеи* [Фасмер 2004:I:451].

Таким образом, написание «ѣ» после шипящих в слове *Плещѣва* считаем возможным вариантом, в словах *жѣне, чѣль* – ошибками в частотных, хорошо известных словах [Буслаев 1959: 45–46].

Сочетания **це – цѣ** (30; 75 % – 10; 25 %). Гласная «е» после «ц» записывается в корнях слов *церкви* (15), что соответствует этимологии [Фасмер 2004:IV:300], и *целовали*, что является ошибкой [Фасмер, 2004:IV:297]. Этимологически верно написан суффикс *-ев-* в фамилиях *Гонцевичъ* и *Бывалцевъ* [Борковский, Кузнецов 2010:226].

Написание **це** в окончаниях представляет собой орфографический разнобой:

- «е» написано верно в формах именительного и творительного падежа единственного числа существительного на *о: *солнце, Орѣховцемъ, чудотворцемъ, концемъ*;

- «е» написано вместо «ѣ» твердой разновидности или «и» мягкой разновидности существительного на *о в формах М.п. ед.ч.: *въ Смоленьске*, М.п. мн.ч.: *в черньцех, в Троцехъ* (Троки – город и замок великих литовских князей недалеко от Вильно [Лурье]), краткого прилагательного: *в велице безверямени, в велице бедѣ* [Ремнёва, Чернец, Маркина].

Вероятно, «е» в приведенных примерах фиксирует момент перехода мягкого [ц'] в твердый [ц] и, соответственно, колебания в разновидности типа склонения.

Формы *от черньцев* (Р.п. мн.ч. существительного на *о) и *новгородцевъ* (2) (В.п. мн.ч. существительного на *о) демонстрируют идущий процесс унификации типов склонения существительных [Борковский, Кузнецов 2010:188].

Сочетание **цѣ** этимологически верно написано в корне слов *цѣловал, цѣлованиемъ*, а также в окончаниях следующих форм: в Д., М. п. ед. ч. существительного на *а: *о рецѣ, к рецѣ* (3); В.п. дв. ч. существительного на *а: *в руцѣ*; М.п ед. ч. существительного на *о: *на Бетюцѣ*; М.п мн. ч. существительного на *о: *в шеломицѣхъ*.

Таким образом, писец не ошибается в тех случаях, где нужно писать «ѣ» после «ц», но не уверен в своих знаниях и допускает гиперкоррекцию: «ѣ» вместо «е».

Сочетания **ше – шо** (87; 95,6 % – 4; 4,4 %). Примеры с **шо**: *вышоль, пушокъ* (от «пушка»), *Беклемшова, цѣяшось* («слово «дьявол» зашифровано здесь так называемой «простой литореей», при которой согласные «б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н» заменяются соответственно на «щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п» [Лурье]). Последнее

слово создано искусственно, остальные показывают процесс лабиализации, проходивший в древнерусском языке и зафиксированный памятниками начиная с конца XII века «преимущественно в положении после шипящих и *ц*» [Борковский, Кузнецов 2010: 129].

Сочетания **жи – жы** (19; 82,6 % – 4; 17,4 %), **ши – шы** (14; 82,4 % – 3; 17,6 %), **щи – щы** (18; 94,7 % – 1; 5,3 %). Написания *служыти, княжы (княжи (2)), жывота, окружывшие, разрушы, нашы (наши (4)), большие* являются ошибочными и показывают идущий процесс отвердения [ж] и [ш]. Единичное написание *нощы (нощи (5))* может быть просто опiskeй.

Сочетания **жу – жю** (2; 50 % – 2; 50 %), **чу – чю** (4; 17,4 % – 19; 82,6 %), **щу – щю** (2; 66,7 % – 1; 33,3 %), **цу – цю** (1; 20 %; – 4; 80 %). Примеры: *жукъ, рубежу – княжю* (2) (княжа – малолетний сын князя [Даль 1998: II, 126]); *Галичу* (2), *Васильевичу* (2) – *Галичю* (2), *Васильевичю* (3), *Угличю, Дмитриевичю, Давидовичю, Феодоровичю, тысячу, чюдный, чюдотворцемъ* (5), *Чюда, чюдесь, Чюдский; сущу, Городищу – сущю; Лугвицу – Лугвицю, отцю* (2), *пятницю*. Мы видим, что преобладают формы с Ю; написание у – ю варьируется в одних и тех же словах и формах.

В выборе между у – ю не наблюдается зависимости от места в слове, морфемы или части речи. Поэтому варианты *ѹ – ю* после шипящих считаем графическими. Подобная картина зафиксирована и в «Памяти и похвале князю Владимиру» и «Житии князя Владимира», изданным В.И. Срезневским по вологодскому списку 1494 г. [Сивкова 2014:86]. Вопрос о том, не являются ли графические варианты у – ю после шипящих и *ц* территориальной вологодской особенностью, требует дальнейшего исследования.

Подведем **итоги** анализа написания гласных после шипящих и *ц* в Севернорусском летописном своде XV века.

1. Неоднородность написаний: соответствие этимологии и традиции – непоследовательность в проведении правил, гиперкоррекция, ошибки в частотных словах, орфографический и графический разнобой, что объясняется характером памятника – свод текстов, написанных писцами разной степени выучки.

2. Трудно в таком случае определить уровень орфографической грамотности писавших, поскольку неясны границы смены почерка. Но сравнение выводов, полученных в результате анализа Севернорусского летописного свода, с другими памятниками этого времени («Житием Симеона Столпника», «Памятью и похвалой князю Владимиру и его житием»), говорит о сочетании в нем уровней грамотности среднего и ниже среднего.

3. Произношение шипящих тоже неоднородно: [ж] и [ж'] (**жы - жю**); [ч] и [ч'] (**чу - чя**); [ц] и [ц'] (**це** во многих окончаниях - **цю**); скорее, мягкий [щ'] с

единичным написанием **шы**; твердый [ш]. Отражение на письме процесса лабиализации.

Дальнейшее пополнение банка проанализированных с точки зрения орфографии гласных после шипящих и *ц* текстов XV века, разных жанров и территорий, позволит выйти на уровень «синхронического моделирования языка древнеславянских текстов» [Герд 2008:5] в области исследуемой орфограммы, т.е. создать единую шкалу оценки орфографических явлений, эталонные модели церковнославянской и древнерусской орфографии, территориальные (ареальные) языковые модели, модели разных типов подязыков древнеславянского языка (конфессиональный, деловых текстов, летописей и т.д.) [Там же:6].

Только после этого можно будет с достаточным основанием решить вопрос о том, что показывает орфография летописей: сниженную, упрощенную норму церковнославянского языка [Ремнёва 2003:306; Киянова 2014:58] или норму древнерусского языка.

Список использованной литературы

Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 512 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М., 1959. – 624 с.

Герд А.С. Лингвистическая типология древнеславянских текстов / А.С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 145 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык, 1998.

Калнынь Л.Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке / Л. Э. Калнынь // Ученые записки Института славяноведения. – Т. XIII. – М., 1956. – С. 122–225.

Киянова О.Н. О региональной специфике развития русского литературного языка в XVII веке (летописание Великого Устюга) / О.Н. Киянова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 58-59.

Лурье Я.С. Севернорусский летописный свод 1472 года. Вступление. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5067> (дата обращения 30.11. 2013)

Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. / М.Л. Ремнёва. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 336 с.

[Ремнёва М.Л., Чернец Л.В., Маркина Л.А.](#) Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». [Электронный ресурс]. URL: <http://tezaurus.oc3.ru/docs/1/articles/3/3/1/>

Севернорусский летописный свод 1472 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5067> (дата обращения 30.11. 2013)

Сивкова Е.А. Орфографические варианты написания гласных после шипящих и *Ц* (на материале «Жития Симеона Столпника» к. XV в.) / Е.А. Сивкова // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка

(Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 90.

Сивкова Е.А. «Память и похвала князю Владимиру и его житие» XV в.: гласные после шипящих и *ц* / Е.А. Сивкова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 85-86.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун. – М. : Прогресс, 1989. – 440 с.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв) / Б.А. Успенский. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 2004.

Федосюк Ю.А. Русские фамилии / Ю.А. Федосюк. – М., 1980. – 239 с.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов. – П., 1915. – 368 с.

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1858 ГОДА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯНАХ И ОТСТАВНЫХ СОЛДАТАХ ДЕРЕВНИ РЕЧКИНОЙ УСТЬ-СУЕРСКОЙ ВОЛОСТИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Р.П. Сысуева*

Ревизская сказка – это «именной список населения России XVIII – первой половины XIX вв., составлявшийся во время ревизий, переписей населения» [СРЯ:IV:102].

С 1719 по 1858 годы в России были проведены десять переписей, которые учитывали население, подлежащее подушному обложению и воинской повинности. В результате переписи, или ревизии, были составлены ревизские сказки, в которых перечислялись все взрослые, подлежащие учету, их дети, внуки и другие родственники. Сказки сказывались крестьянами в ответ на «допрашивания» их должностными лицами (старостами и др.). Сказки записывались местными писцами различной правописной культуры, поэтому отражались в них элементы живой разговорной речи. Это обстоятельство делает ревизские сказки, как жанр деловой письменности, источником по актуальным вопросам истории русского языка.

В Государственном архиве Курганской области хранится ревизская сказка 1858 года, составленная Усть-Суерским волостным правлением. Она представляет собою ведомость «о наличном числѣ душъ въ ревизию записанных» села

* **Сысуева Раиса Петровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Суерского и 11 деревень Суерской волости. Предметом нашего рассмотрения является язык одной из этих сказок – государственных крестьян и отставных солдат деревни Рѣчкиной [фонд 190, опись 1, единица хранения 1, листы 156-187; далее указываем только листы]. Будучи официально-деловым документом, сказка имеет определенную структуру. Во введении содержатся сведения – где, когда, кем записана сказка; в основной части находим сведения о количестве душ мужского пола и их родственниках; в заключении содержатся заверения ответственных лиц в правдивости показаний: «Сказка сія на троекратной мирской сходкѣ прочитана была въ томъ сказкосоставитель крестьянинъ Исакъ Семеновъ Устюжанинъ руку приложилъ... при прочтеніи находился волостный Голова Баушкинъ... в томъ приложилъ Печать» [186 об.-187].

Сказка написана скорописью, не издавалась, не была предметом лингвистического анализа, однако она содержит важные факты по истории русского языка.

Так, сказка содержит богатый материал по антропонимике, который позволяет в целом подтвердить принятое в науке положение о том, что к середине XIX века в русской деловой письменности нормой является трехчленная антропонимическая система для глав семейств: *Захарь Никифоровъ Резановъ* [157 об.], *Михайло Григорьевъ Орловъ* [157 об.]; *Федосѣй Ефимовъ Рѣчкинъ* [186 об.]. В обозначении их родственников мужского пола находим как трехчленное, так и двухчленные наименования: *внукъ Панфиль Васильевъ Ивановъ* [182 об.] – *внукъ Григорій Степановъ* [170 об.]; *другой братъ Ефремъ Осиповъ Власовъ* [178 об.] – *братъ Корнило Ивановъ* [182 об.]; *племянникъ Зеновій Васильевъ Сусловъ* [165 об.] – *племянникъ Ларіонъ Яковлевъ* [167 об.]. При перечислении сыновей и дочерей глав семейств указано только имя: *сынъ Иванъ* [157 об.]; *отъ первой жены сынъ Марко* [157 об.]; *отъ второй жены сынъ Алексѣй* [157 об.]; *другой сынъ Петръ* [158 об.]; *третій сынъ Сидоръ* [161 об.]; *четвертой сынъ Петръ* [174 об.]; *дочь Марфа* [159]; *дочь Степанида* [158]. Двучленное именование имеют члены семей женского пола: *жена Настасья Аникина* [158]; *сестра Лукѣрья Дементьева* [159]; *сноха Прасковья Лазарева* [159].

Употребляются только христианские личные имена.

В тексте прослеживаются некоторые особенности в склонении личных имен. Так, мужские имена, оканчивающиеся им.п. на –о, склоняются по мужскому роду (северновеликорусская черта): им.п. – *Гаврило* [161 об.]; *Данило* [167 об.]; *Ермило* [162 об.]; *Кирило* [163 об.]; *Корнило* [164 об.]; *Марко* [157 об.]; *Михайло* [157 об.]; род.п. – *Михайла Корнилова* [165]; *Корнила Иванова* [164 об.]; *Гаврила Михайлова* [187]; *Ермила Александрова* [163].

В сказке представлено 100 мужских фамилий, из них наиболее частотные: Ивановъ – 36 словоупотреблений, Осиповъ – 17, Резановъ – 14, Петровъ – 14,

Рѣчкинъ – 13, Федоровъ – 13. Из 74 мужских личных имен выделяются: Иванъ – 37 словоупотреблений, Григорій – 19, Яковъ – 16, Дмитрій – 14, Никифоръ – 12, Степанъ – 12.

В тексте насчитывается 64 фамилии лиц женского пола. Наиболее частотные из них: Иванова – 20 словоупотреблений, Степанова – 7, Григорьева – 5, Евсѣева – 5, Ефимова – 5. Из 57 женских имен чаще других употребляются: Прасковья – 25 словоупотреблений, Авдотья – 15, Анна – 15, Матрена – 14.

В сказке представлена тематическая группа названий родства:

по прямой линии (кровное родство) – *мать Федосья Павлова* [166]; *дочь Марфа* [159]; *сынъ Осипъ* [157об.]; *отъ первой жены сынъ Марко* [163об.]; *отъ второй жены сынъ Алексѣй* [157об.]; *другой сынъ, Андрей* [158об.]; *третій сынъ Петръ* [161об.]; *четвертый сынъ Петръ* [174об.]; *внукъ Ермило Александровъ* [162об.]; *другой внукъ Егоръ Степановъ* [170об.]; *третій внукъ Матвѣй Степановъ* [171об.]; *незаконнорожденный внукъ Прокопій Николаевъ* [172об.]; *внука Прасковья Степанова* [172]; *незаконнорожденная правнука Арина* [183];

родство по боковой линии: *братъ Родіонъ* [160об.]; *сродный братъ Егоръ Яковлевъ* [161об.]; *племянникъ Герасимъ Козьминъ Резановъ* [158об.]; *племянница Зеновья Яковлева* [168];

термины свойства (названия лиц по отношениям, возникшим в результате брачного союза): *жена Настасья Аникина* [158]; *падчерица Матрена Семенова* [164]; *сноха Прасковья Лазарева* [159]; *вдовую Федорой Ивановой* [183]; *мачиха* (так в ркп.) *Устинья Игнатъева, тетка Лукерья Прокопьева* [160].

Поскольку ревизские сказки характеризовали людей в социальном плане, в тексте находим термины: *о Государственныхъ крестьянахъ* [156]; *отдан в рекруты* [158об.]; *рядовой Степанъ Ивановъ Резановъ* [186об.].

Сказка содержит официальную лексику и фразеологию, связанную с делопроизводством: *ревизская сказка* [156]; *по послѣдней ревизіи состояло... послѣ оной прибыло... выбыло... итого на лицо (налицо)* [157об.]; *во временной отлучкѣ* [158]; *бывшіе въ наличности* [186об.]; *руку приложилъ* [187]; *наличныхъ душъ* [187]; *по безграмотству приложилъ печать* [186]; *уволенъ по паспорту* [186об.]; *указъ* [167об.]; *мужескій полъ* [157об.]; *женскій полъ* [165].

В сказке находим названия административно-территориальных единиц: *Тобольской Губерніи* [156]; *Курганскаго округа* [156]; *Усть-Суерской волости* [156]; *деревни Русаковой* [185об.]; *по указу Тобольской Казенной полаты* [184об.]; *из Морайской волости* [184об.]; *перечисленъ въ деревню Заозерну* [184об.].

Содержание сказки предопределяет ее грамматическое наполнение. Так, склонение существительных в целом соответствует современным нормам. При

склонении полных форм прилагательных, местоимений, числительных и причастий в род.пад. ед.числа мужского и среднего рода находим традиционно книжное окончание *-аго*: *восьмаго* года [156]; *дѣвятаго* дня [156]; *Курганскаго* округа [156]; *съ котораго* времени [158]; *мужескаго* пола [186об.]. Полные формы прилагательных в им. пад. ед. числа мужского рода содержат безударные окончания *-ый/ой*: *волостный* Голова [186]; *сродной* братъ [159 об.]; *другой* сынъ [164об.]. Традиционно книжной нормой является краткая форма относительного прилагательного в родительном единственного: *мужеска... женска* пола [156].

Наречие *налицо* и числительное *восемьсот* имеют и слитное и раздельное написания, что свидетельствует о том, что они к середине XIX века находились еще в стадии формирования как части речи: *нынѣ на лицо* [185об.]; – *итого налицо* [185об.]; *восемь сотъ* [156]; *восемьсотъ* [186об.].

Наблюдение над фонетическим обликом слов свидетельствует об отражении в тексте элементов народно-разговорной речи. Так,

буквы «ѣ» и «е» во всех частях слов употребляются без этимологической точности и не зависят от ударения, обозначая звук [э]: *апрѣля* [156] – *апреля* [185]; *Андрѣй* [162об.] – *Андрей* [173об.];

аканье отражено в словах: *Тихановъ сынъ*, но *Авдотья Тихонова* [172]; *Савастьянъ* [171об.]; *Афимья* [173]; *Палагья* [174]; *Маланья* [166];

еканье: *дочь Зеновья* [162]; *племянникъ Зеновій* [165об.];

иканье: *восимъ сотъ* [185об.]; *мачиха* [167];

оканье: *казенной полаты* [168об.]; *Афонасій* [174об.].

В области согласных находим:

всегда твердый звук [ц]: *Каргапольцовъ* [171об.]; *мѣсяцовъ* [179об.];

ассимиляцию согласных по глухости: *къ дватцать восьмому числу* [185об.];

В латинском имени собственном *Маркел* отражено смешение согласных: *сынъ Мартѣль* – *Мартѣловы сыновья* [180об.].

Таким образом, краткое обозрение языка исследуемой нами ревизской сказки, датированной и локально приуроченной, дает возможность судить о состоянии языка провинциальной деловой письменности середины XIX века периода формирования русского национального языка. В целом в ней отражены общерусские языковые черты с элементами как севернорусского, так и южнорусского наречий.

Список использованной литературы

Владимирова Л.А. Сказки в деловой письменности XVII века / Л. А. Владимирова // Русская речь. – 1982.- №4. – С.102 – 106.

Ревизская сказка 1858 года Тобольской губернии Курганского округа Усть-Суерской волости о состоящих государственных крестьянах и отставных солдатах (ГАКО. Ф. 190. Оп.1. Д.1. 264л.).

Словарь русского языка: В 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Скогореv В.А. Памятники письменности XVII–XVIII веков в Воронежском областном архиве / В. А. Скогореv, В. И. Собинникова // Исследование источников по истории русского языка и письменности. – М.: Наука, 1966. – С.246 – 252.

Сысуева Р.П. Ревизская сказка 1816–1834 годов на жителей города Кургана как лингвистический источник / Р. П. Сысуева // Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «X Зырянские чтения». – Курган, 2012. – С.165 -166.

Хитрова В.И. Воронежские ревизские сказки XVIII века / В. И. Хитрова // Источники по истории русского языка. – М.: Наука, 1976 – С.51 -59.

Шагапова О.М. Ревизские сказки первой половины XVIII века / О. М. Шагапова // Памятники русского языка: Исследования и публикации. – М.: Наука, 1979. – С.65–75.

Шагапова О.М. Фонетико-морфологические данные ревизских сказок первой половины XVIII века / О. М. Шагапова // История русского языка. Исследования и тексты. – М.: Наука, 1982. – С.53–75.

МЕСТО ФИЛОЛОГА И ФИЛОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С.А. Чернига*

Долгое время в прошлом существовало довольно устойчивое соотношение между естественнонаучной и гуманитарной сферами культуры и образования – двумя фундаментальными областями приложения человеческих сил и устремлений. Во второй половине XX века блестящие достижения науки, внедрение самых передовых научных достижений в повседневную жизнь людей лишь только укрепили авторитет естественнонаучного знания. Кроме того, самостоятельное и небывалое ранее значение приобрели информация, а также возможности для ее получения, передачи и хранения. Гуманитарная область культуры, которая непосредственно занимается проблемами формирования личности, ее духовного мира и культурного уровня оказалась перед необходимостью заново определять свое место в общественной жизни современных стран. К концу XX века стало ясно, что приоритетное значение приобрели те отрасли гуманитарного знания, которые имели прикладной характер, то есть были более тесно связаны с конкретными задачами развития общества, к их числу относится филология.

Название филология (др.-греч. φιλολογία ‘любословие’ или ‘люборечие’) становится в один ряд с философией, дословно – любомудрием. Именно это сближение и влияет на отношение к филологии в обществе, которое ошибочно воспринимает ее не как научную и прикладную дисциплину, имеющую предмет и практическое применение, а как отвлеченное от жизни занятие.

* Чернига Светлана Анатольевна – учитель русского языка и литературы МКОУ «Петуховская СОШ № 1» (РФ, Курганская обл., г. Петухово).

Лет двадцать-двадцать пять назад филолог, вероятнее всего, мог иметь одну из следующих профессий: учителя русского языка и литературы в школе, учителя иностранного языка в школе, преподавателя филологии в вузе, научного работника, сотрудника научно-исследовательского института по языкознанию или литературе, литературного критика, редактора, корректора, библиотекаря, работника архива, журналиста, писателя. Истинное назначение филолога обнаруживается только в то время, когда в обществе востребовано полноценное речевое общение. Вот как изменился список филологических профессий, актуальных для современного общества: переводчик, специалист по связям с общественностью, референт, пресс-секретарь, имиджмейкер, копирайтер, спичрайтер, лингвист-эксперт (часть из них известна, а часть получила популярность в последнее время). Кроме того, серьезной филологической подготовки требуют все профессии, которые предполагают интенсивное общение с людьми: социального работника, психолога, менеджера, рекламного агента, политического деятеля. Многие представители филологических профессий (филологи) – посредники в коммуникации между разными социальными группами. Современная речевая коммуникация усложнилась настолько, что в некоторых ее формах нужен посредник, роль которого и выполняет современный филолог.

Как научная дисциплина филология последних лет очень сильно изменилась. Если раньше основными ее разделами были лингвистика и литературоведение, изучающие в наибольшей мере замкнутую систему нормированного языка и образцовые тексты художественной литературы, то есть то, как надо говорить и писать и что надо читать, то с конца 80-х годов филология обратилась к живой речевой практике, к речевой стихии. В это время получили развитие речеведение, изучение языка города, возродилась риторика, сформировалась теория языковой личности и активная грамматика (грамматика говорящего).

Во многих сферах общественной жизни ныне растет значение и роль людей, наделенных не только элементарной грамотностью, но обладающих высоким уровнем общей языковой культуры. В современном мире устное и письменное слово не только не теряют своего значения, но, даже наоборот, остаются важнейшим каналом и средством общения, усиливаются и другие его функции. Например, через слово происходит манифестация власти и административных полномочий, утверждается социальный статус личности, громадно значение слова при межкультурных коммуникациях, в случаях обращения тех или иных управленческих или властных структур к общественности, а также в сфере политики. Недаром есть хрестоматийное утверждение: кто владеет словом, тот обладает властью. Чрезвычайно велика роль языка в современных процессах культурного развития того или иного народа. Со словом связаны многие явления национальной культуры, освоения культурного наследия и межнациональных

связей. Таким образом, знания в области филологии остаются базовыми для формирования современного культурного человека, живущего в демократическом открытом обществе. Именно филология, знание языков и литератур разных народов позволяет человеку пребывать и развиваться на нескольких культурных уровнях: на уровне этнической, национальной культуры, культуры отдельной страны, а также иметь доступ к мировым культурным процессам. В результате создаются условия для формирования толерантной личности, то есть личности, обладающей необходимой широтой знаний в области родной и других культур и с терпимостью, пониманием и уважением относящейся к этим иным культурам и народам, ее носителям. Это особенно актуально для современной России, населенной многими народами, имеющими свои самобытные культурные традиции и особенности развития.

Как уже отмечалось, филология возникла еще во времена греко-римской античности. Впоследствии она превратилась в одну из отраслей гуманитарного знания, в науку, изучающую процессы развития словесного искусства и творчества. Наряду с этим признание филологии неотъемлемой областью формирования личности и ее индивидуальной культуры повлекло за собой развитие школьного и вузовского филологического образования. Чисто теоретически можно утверждать, что, зародившись на основе определенных общественных и человеческих культурных потребностей, филология будет существовать и развиваться, пока будут сохраняться эти потребности. Она будет жить до тех пор, пока будет стыдно неграмотно писать, не знать историю своей страны, не уметь красиво и логично высказываться, пока общество будет считать необходимым поддерживать культурный уровень своих граждан и будет заинтересовано в развитии у них не только естественнонаучных, но и гуманитарных творческих потребностей.

Список использованной литературы

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Этимология / Ф. И. Буслаев. – М. : URSS.RU, 2013. – 288 с.

Виноградов В.В. История русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1978. – 367 с.

Лихачёв Д.С. Об искусстве слова и филологии // Лихачев Д.С. О филологии. М. : Высшая школа, 1989. – С. 204–207.

Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл.ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 507.

Рождественский Ю.В. Общая филология / Ю. В. Рождественский. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.

ТОПОНИМИКИ СЕЛА ПОЛОВИННОЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

(по материалам диалектологической практики 2013)

С.А. Черницына*

В 1890-1894 годах в Санкт-Петербурге известным исследователем Н. О. Осиповым был издан уникальнейший труд – «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». В нём-то и идут упоминания о многих населённых пунктах Зауралья, в том числе и Половинского района. Основываясь на данном материале, можно сказать, что первыми на территории района осели переселенцы из Воронежской губернии, которые и стали основателями села Воскресенского. Вслед образуются такие села, как Филиппово, Пищальное, Ново-Хлупово, Меншиково, Васильевка и другие. Что касается села Половинного, то самые свежие архивные данные называют годом его основания 1750.

Существует несколько версий происхождения названия села.

Первая версия не называет точного времени образования села Половинное. Говорят о том, что свое название село получило по озеру, которое лежит на половине пути между крупными населёнными пунктами: селом Пресногорьковским в Казахстане и городом Курганом.

Еще одна легенда перекликается с первой, но название дает уже не по озеру. В давние времена, когда постоянного поселения на месте сегодняшнего села не было, торговые караваны двигались из казахстанских земель в Царево Городище (ныне г.Курган). Путь был долгий и опасный, и ровно на половине его останавливались путники отдохнуть, набраться сил для дальнейшего путешествия. Со временем на месте отдыха вырос дом, потом еще один, а потом и целое село, которое по половине своего расположения и назвали Половинное.

Эта версия, в отличие от первой легенды, называет точную дату основания села – 1750 год.

Третья легенда гласит, что свое название село получило от озера, которое наполовину заросло камышом, а другая половина – чистая вода. Отсюда и название – Половинное.

Долгое время в селе была одна длинная улица вдоль озера и называлась Береговой. Потом появилась и вторая улица параллельно Береговой и называлась Задней (ныне Советская).

В ходе диалектологической практики собраны топонимы, относящиеся к селу Половинному. Объем списка названий – 105 единиц.

В данном списке содержатся.

* Черницына Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Гидронимы – озеро Половинное, озеро Шкиль, озеро Дитёнок, Журавлинное болото, Семёнов ручей, Пахомовский колодец, Клячин колодец, Ракиты, озеро Башкирское, озеро Пятное, озеро Куричье, Кошелевский колодец, Андроновский колодец.

Оронимы – Золотая гора, Федосьин рям, Плоское.

Наименования растительных объектов и урочищ – Рёбра, Ананьева степь, Троицкий лес, Плехановский лес, Корчагин колок, Котов колок, Баранов колок, Коровье займище, Дубрава, Калининская пашня, пашня Маши Мироновой, Жилин колок.

Номенклатурные наименования – названия улиц и частей села Половинное (официальные и неофициальные): Береговая, Советская, Декабристов, Победы, Озёрная, Дружбы, Мира, Октябрьская, Яковлева, Пушкина, Военный городок, Колхозная, Максима Горького, Гагарина, Ломоносова, Юбилейная, Труда, Строителей, Крупская, Карбышева, Красина, Вокзальная, Ленина, Уральская, Жукова, Рихарда Зорге, Карла Маркса, Степная, Калинина, Элеваторная. Садовая, Космонавтов, Новая, Лермонтова, Островского, Родионовой, Мостовая, Энергетиков, Дикий край, Цыганский край.

Большинство собранных топонимических единиц относятся к микротопонимике (кроме гидронимов), имеют широкую среду функционирования, обладают устойчивостью, оформляются в соответствии с правилами русского языка.

Среди официальной топонимики основным принципом именования является антропонимический – названия даны по имени или фамилии первопоселенцев, выдающихся политических и культурных деятелей.

Названия улиц возникли в советскую эпоху, поэтому кроме отантропонимических среди них можно выделить наименования по общественно-политической терминологии эпохи СССР: Советская, Труда, Колхозная, Молодежная, Мира, Строительная, Октябрьская; по особенностям расположения или по близлежащим объектам: Береговая, Озёрная, Вокзальная, Степной (переулок), Степная, Восточный (переулок), Школьный (переулок примыкает к школе), Школьная улица; по роду деятельности или по происхождению поселенцев: Молодёжная – колхоз на этой улице давал квартиры для молодых семей, Рабочий поселок – улица, на которой поселились рабочие совхоза.

В наименовании гидронимов встречается указание на качества или свойства объекта (Половинное), сопутствующие ему флору и фауну (Куричье, Ракиты).

Наиболее интересным в семантическом отношении представляется пласт неофициальных топонимов. Они связаны с названием лесных урочищ и полей. Мы не найдём этих названий ни на топографических картах, ни на картах земель-

ных угодий и лесных массивов, где указаны только площади природных объектов: посевных площадей, лесов. Но названия эти существуют, они понятны жителям села. Их используют в своей речи механизаторы, лесники, грибники, ягодуники. Названия эти звучны, порой поэтичны и отражают историю родного края и характер народа. Эти названия очень живучи, они передаются из поколения в поколение. По этимологии их можно разделить на ряд групп:

Названные по антропонимической принадлежности

Калининская пашня – пашня Кошелева Калины.

Пашня Маши Мироновой – муж её рано умер, она стала во главе хозяйства.

Плехановский лес – на территории леса жил пастух с фамилией Плеханов.

Корчагин колок – по фамилии Корчагин. Такая фамилия была у раскулаченного крестьянина из Байдаров.

Ананьева степь – по фамилии Ананьева.

Чапаевские избушки – по фамилии Чапаев.

Котов колок – по фамилии Котов.

«Антоновский край – часть села, где проживало много Антоновых. Антонов Михаил с семьёй (с женой и шестью детьми) около 140 лет тому назад приехал из Каменска-Уральского. В семье было три сына: Максим, Егор, Степан. Три дочери: Ульяна, Милодора, Варвара. Вначале у них пятистенник был на краю села в сторону Пищального. Сыновья подрастали, стали строить им дома, женить и отделять от семьи. Самому старшему – Максиму – построили дом крестовой, в конце улицы Ленина на озёрной стороне в сторону Пищального. Позднее на противоположной стороне построили дом Егору, отделили, а ещё позднее – Степану, по направлению к центру на озёрной стороне, возле Лошка. Два дома – Максима и Михаила – и сейчас стоят на улице Ленина с озёрной стороны (правда, после ремонта), как живые свидетели Антоновского рода. Сейчас уже в Антоновском роде появляется восьмое поколение. Правда, в Башкирском Антоновых осталось мало, судьба разбросала их по городами и сёлам нашей страны».

Край этот, где поселились Антоновы, вначале называли Новосёловы (вновь поселившиеся). А позднее стали называть Антоновским краем. Даже на кладбище представителей Антоновского рода хоронят в одном месте (от кладбищенских ворот влево у канавы) и тоже называют Антоновским краем.

В настоящее время в с. Половинное между жителями условно делится на несколько частей. Так, в селе существует «Дикий край», названный так по характеру и нравам его жителей. Сторона, противоположная Дикому краю, называлась Калининским краем, по фамилии первопоселенцев.

Названия по произрастающим растениям и местной фауне

Дубрава (Дуброва) – стройный березовый лес.

Малиновый колок – участок леса с большим количеством малинников.

Коровье займище – заливной луг, на котором жители заготавливают сено для скота.

Названия, данные по каким-либо особенностям или внешним признакам

Рёбра – так называется одно из лесных урочищ. На дальних участках крестьяне сооружали шалаши, землянки, избушки, чтобы в летнюю пору и в разгар страды лучше использовать световой день и не ездить домой. Ночевали и отдыхали они на заимках. На одной из таких заимок был сооружен шалаш, основу которого составляли жерди, переплетенные тальником. После коллективизации шалаш был заброшен, но почему-то ещё очень долго стоял, и его обветшавшие стены напоминали рёбра какого-то большого животного.

Троицкий лес – в семи километрах от села Половинное есть лес, который люди называют Троицким. Данное название возникло по старинному русскому народному празднику Троица. Связано это с тем, что каждый год жители съезжались в этот лес, чтобы отмечать праздник.

Кафтановская заимка. В начале 80-х годов XX века началась застройка ул. Карбышева (позднее Кафтановская Заимка). Дома строились большие, добротные (по тем временам). Люди тянулись к цивилизации. Дома были полностью благоустроены. Строили в основном себе дома руководители предприятий райцентра. Историю, как правило, творит народ. В данном случае получилось то же самое. В то же время по телевизору шел фильм «Вечный Зов». Кем-то была брошена фраза: «Что вам там на Кафтановской заимке: вода в доме, тепло...» Простонародно все стали называть дома, построенные в бывшем саду совхоза «Степной» Кафтановской Заимкой.

Таким образом, собранный топонимический материал позволяет сделать заключение о сохранении общих закономерностей развития топонимической системы на территории Курганской области. Анализ собранных топонимических легенд позволяет констатировать, что в них содержатся общие для всех топонимических легенд элементы: варьирование, наличие связи между различными топонимическими объектами, элементы народной этимологии.

Информанты:

Китова Светлана Христофоровна, 1938 г.р.

Дедова Мария Александровна, 1957 г.р.

Тилимова Оксана Анатольевна, 1968 г.р.

Список использованной литературы

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири: Вып. I–XXII: в 20 т. – Репринтное издание 1888–1898 гг. – СПб: Альфарет, 2010. – Т.3. – С.204.

BARSZCZ : БОРЩ, ROSÓŁ : РОСОЛ, ИЛИ КАК НЕ ОШИБИТЬСЯ, ЗАКАЗЫВАЯ БЛЮДО

И. А. Шушарина*

Русскую и польскую кухню объединяет многое: каши, пироги, блины, супы-похлебки, рыбные и овощные блюда, меды, кисели – всё это традиционно для восточных и западных славян, обусловлено местами их обитания, способами добывания пищи. Кроме того, многие блюда русскими и поляками были заимствованы у других народов. Как следствие, перекликаются и многие названия продуктов, блюд, а также способы их приготовления. При этом многие обозначения продуктов и блюд являются межъязыковыми эквивалентами и понятны как русским, так и полякам без перевода. Например, общеславянские по происхождению *вода* : *woda*, *молоко* : *mleko*, *квас* : *kwas*, *мёд* : *miód*, *пиво* : *piwo*, *кисель* : *kisiel*, *зерно* : *ziarno*, *горох* : *groch*, *мука* : *mąka*; *каша* : *kasza*, *калач* : *kołacz*, *горошница*, *гороховый суп* : *grochówka*, *zupa grochowa*, *блин* : *blin*, *мясо* : *mięso*, *масло* : *masło*, *сметана* : *śmietana*, *яйцо* : *jajko*, *гриб* : *grzyb*, *соль* : *sól*, *дрожжи* : *drożdże*, общеславянское заимствование из германского *хлеб* : *chleb* [ЭССЯ:8:28], поздние заимствования из французского: *суп* : *zupa* [Черных 1999:2:218-219], *де-серт* : *deser* [Черных 1999:1:245], *котлета* : *kotlet* [Шанский 1994:152], итальянского: *макароны* : *makaron* [Черных 1999:1:504], английского: *джем* : *dżem* [Черных 1999:1:248], *кекс* : *keks* [Шанский 1994:128].

Однако и в русской, и в польской кухне немало названий, у которых совпадает или условно совпадает (с учетом фонетических изменений, произошедших в языках) лишь внешняя оболочка, а семантика претерпела более или менее значительные изменения, которые могут неприятно удивить путешественника, заказавшего в кафе знакомое, казалось бы, по родной кухне блюдо, но получившего то, что под ним подразумевают в стране пребывания. Вот, например, названия блюд, заказав которые, русский турист получит совсем не то, чего он ожидал: *barszcz*, *rosół*, *kapuśniak*, *solanka* ... И это далеко не всё.

Обратимся прежде всего к названию супа *борщ* : *barszcz*. В польской кухне существует целая группа кислых супов, носящих такое название. Если вы решите попробовать *barszcz* или *barszcz czerwony*, то вам принесут горячий овощной отвар на основе свекольной закваски, сдобренный специями. Правда, к этому отвару обычно подают небольшие печёные пирожки или клёцки из пшеничного, ржаного или картофельного теста – *kluski*. Еще один вариант *barszczu czerwonego* – горячий овощной отвар на свекольной закваске со специями, свёклой и капустой. А вот привычный нам наваристый суп, заправленный красной свёклой,

* Шушарина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

морковью, луком, томатами, картофелем и другими овощами, в польском языке носит название *barszcz ukraiński* и готовится он, как и *barszcz czerwony*, на свекольной закваске. Кроме того, в польской кухне есть *barszcz biały (żurek)*, *barszcz biały z kiszanej kapusty*, *barszcz rosyjski (zielony)*, которые готовятся на основе закваски из ржаной муки*. Таким образом, мы можем сделать вывод, что под лексемой *barszcz* поляки понимают разновидность супов, приготовленных на основе свекольной или мучной закваски, а русские – суп, обязательными ингредиентами которого являются свёкла, капуста и другие овощи. Каково же на самом деле происхождение пары *борщ* : *barszcz*?

В значении ‘жидкое кушанье из свёклы, капусты и разных специй’ слово с XVIII века известно в русском (*борщ*), украинском (*борщ*), белорусском (*баршч*) и польском языках (*barszcz*), причём в этом значении в русский язык лексема заимствована из украинского [Шанский 1994:29], а в белорусский – из польского [ЭСБМ:1:319]. Несовпадающие варианты огласовки связаны с рефлексом общеславянского сочетания *ьг между согласными, которое в украинском, белорусском и русском языках давало сочетание -ор-, а в польском – сочетание -аг-, что ещё раз подтверждает польское происхождение лексемы в белорусском языке. Как ‘растение *Herácléum*’ (борщевик) лексема, помимо названных языков, известна также в чешском, словацком, словенском и верхнелужицком. Славянское название растения имеет, по-видимому, индоевропейский корень *bhr̥sti-, из которого в частности развились нем. *Vorste*, англ. *bristle*, дат. *Bristle* ‘щетина’, ср. также др.-инд. *bhr̥ṣṭís* ‘острие’ [ЭССЯ:III:131], что указывает на метафорический характер названия, основанный на переносе формы листьев, похожей на щетину, на растение в целом. Побеги некоторых разновидностей борщевика использовались для приготовления похлёбок, которые также стали называться борщами. В «Домострое» (памятнике XVI века) это растение несколько раз упоминается как употребляемое в пищу и неприхотливое при выращивании: «*А возле тына, около всего огорода, борщю насеяти, где кропива растет, и с весны его варити много про себя, и того в торгу не купишь <...> А в ту пору и до осени, борщъ режучи, сушити и в пленици плести <...> а как бует густо от ветя, под древием не растет ничто, ино борщю насеят, ино всегда плод*» [Домострой 1990:74-75]. В. Борысь отмечает, что суп из заквашенного борщевика был известен в Польше с XVI века и по названию основного ингредиента, используемого в нём, носил название

* **barszcz biały (żurek)** – суп на основе закваски из ржаной муки, в который могут быть добавлены белая колбаса, копчености, сушёные грибы и овощи, а также молоко или сметана;

barszcz biały z kiszanej kapusty – традиционный пасхальный суп, который подают на завтрак, готовится на воде с добавлением копчёностей, квашеной капусты, яиц и хрена, забеливается сливками;

barszcz czerwony czysty (barszcz) – горячий овощной отвар на основе свекольной закваски, сдобренный специями;

barszcz rosyjski (barszcz zielony) – зеленые щи со шавелём.

barszcz ukraiński – суп на основе свекольной закваски, заправленный свёклой, свежей капустой, морковью, картофелем, луком, томатами и др. овощами, в том числе фасолью или грибами; в суп может быть добавлено мясо.

barszcz [Boryś 2006:22]. Чуть позже название *barszcz* стало употребляться применительно к похлёбке, приготовленной на основе предварительно заквашенной муки, а с XVIII века – применительно к любому супу, приготовленному на основе закваски, в том числе и свекольной. На Украине, откуда кушанье вместе с названием пришло в русский язык, видимо, в основном использовалась свекольная закваска (свекольный квас), поэтому на Украине и в России под лексемой *борщ* понимаются только супы, приготовленные на основе свекольного кваса, или, как упрощённый вариант, супы, одним из ингредиентов которых является красная свёкла.

Рассол : *rosół*. Вряд ли россиянину придёт в голову заказать себе на обед в качестве первого блюда рассол, ведь в современном русском языке лексема *рассол* означает ‘жидкость, насыщенную соками засоленных в ней продуктов’, ‘насыщенную минералами воду лиманов, солёных озёр и других водоёмов’, ‘раствор солей, употребляемый для разных технических надобностей’ [Шведова 2007:813]. Овощные и фруктовые рассолы в русской кухне являются не самостоятельными блюдами, а лишь составными частями супов, соусов, жидкой составляющей для замешивания теста, могут использоваться в народной медицине. Рыбные и мясные рассолы являются лишь средой для засолки продуктов, но в пищу не употребляются из-за слишком высокой концентрации в них поваренной соли. В польской кухне лексема *rosół* означает суп, приготовленный на крепком прозрачном бульоне из мяса домашней птицы, иногда говядины или баранины, заправленный лапшой, картофелем и другими корнеплодами, не изменяющими цвет бульона (морковь, сельдерей, пастернак, петрушка) [см. рецепты сайтов *Kuchnia polska...*; *Polski fusion...*; *Przepisy kulinarne...*].

Безусловно, и русская лексема *рассол*, и польская лексема *rosół* восходят к одному корню *sol- ‘соль’, который обнаруживается не только в славянских, но и в индоевропейских языках и является обозначением одной из древнейших приправ, известных человечеству. Общеславянская лексема *orz-sol-ъ ‘раствор, насыщенный солью и другими субстанциями’ восходит к глаголу *orz-sol-i-tei ‘заправлять солью’. В русских памятниках письменности лексема *рассоль* известна с XV века в значении ‘сильно насыщенная солью природная вода’; с XVI века – ‘солёная вода с пряностями для засолки пищевых продуктов’, ‘пищевые продукты или напитки из квашеных овощей или ботвы’, с XVII в. – ‘крепкий бульон, приправленный огуречным рассолом и пряностями’ [СРЯ XI-XVII вв.:22:60]. Последнее значение старорусского слова *рассол* легло в основу названия одного из популярных супов русской кухни – рассольника, однако само слово *рассол* этого значения не сохранило. В польских памятниках письменности с XV века лексема *rosół* известна в значении ‘солёная вода, служащая для кон-

сервирования мяса, рыбы' [Słownik staropolski:47:498], с XVI–XVII века – ‘крепкий солёный отвар из костей и мяса с добавлением овощей; род супа’ [Boryś 2006:519]. Таким образом, в русском и польском языках развитие значений происходило следующим образом:

Русский язык	Значение	Польский язык
+	Сильно насыщенная солью природная вода	+
+	Раствор воды (с пряностями или без них), насыщенный солью, предназначенный для консервирования продуктов и не подвергающийся тепловой обработке	+
+	Раствор воды (с пряностями или без них), насыщенный солью, предназначенный для консервирования продуктов и подвергающийся тепловой обработке	+
+	Крепкий бульон, приправленный овощным рассолом и пряностями, предназначенный для заливания вареных продуктов.	+
-	Суп на основе крепкого осветлённого мясо-овощного бульона с добавлением лапши, картофеля, моркови и др.	+

Солянка : *solanka*. Как в русской, так и в польской кухне эти блюда появились достаточно поздно. Ни в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», ни в «Słowniku staropolskim» эти слова в значении ‘блюдо, предназначенное для приёма в пищу’ не употребляются. Более того, среди филологов и кулинаров идут непрекращающиеся споры о том, как изначально называлось блюдо русской кухни: *селянка* (от *село*, то есть крестьянская еда [Фасмер:III:598]) или *солянка* (от *соль*, то есть блюдо, в состав которого входили солёные ингредиенты: солёные огурцы, огуречный рассол). Интересно, что В. И. Даль в своём словаре даёт такое пояснение слову, содержащемуся в гнезде «Соль»: «*Солянка*, солончаковое растение *Salsola*, *сиб.* солончак, особ. солончаковое мѣсто, на которое ходят лакомиться сохатые, изюбры, козули, гдѣ ихъ и подстерегаютъ, готовя нерѣдко *искусственные солянки*. || Юж. Солонка. || Солено-горькая рѣчка. || Соленая булочка, присыпанная солью. || Кушанье, ѣда селянка» [Даль:IV:268]. Таким образом, уже в XIX веке названия блюда русской кухни *солянка* и *селянка* выступают как полные синонимы, а этимология этого названия точно не определена. В современных словарях русского языка также нет единства мнений: «СЕЛЯНИН = Сельчанин. < Селянка» [Кузнецов 2000:1173]; «1. СОЛЯНКА. 1. Густой суп с мелко нарезанными кусочками мяса или рыбы и острыми приправами. 2. Кушанье из тушёной капусты с мясом, рыбой или грибами. 2. СОЛЯНКА. Название трав, кустарников и полукустарников сем. маревых, растущих на засоленных

почвах» [Кузнецов 2000:1234]; «СЕЛЯНКА1 (устар.). То же, что солянка. СЕЛЯНКА2 см. селянин» [Шведова 2007:872]; «СОЛЯНКА. 1. Густой суп из рыбы, мяса с капустой или с солёными огурцами. См. селянка1. 2. Кушанье из тушёной капусты с мясом, рыбой или грибами. • Произвдн. от *соль* или является преобразованием *селянка*, от *село*, *сельский*» [Шведова 2007:917]. Зато в современных кулинарных книгах и на кулинарных сайтах название блюда представлено только в варианте *солянка*, и русский турист ожидает, что под названием *solanka* скрывается именно густой суп.

В польском языке слово *solanka* имеет совсем другие значения: 1. Морская или озёрная вода с высоким содержанием соли. 2. Минеральная вода с большим содержанием хлорида натрия. 3. Природный водный раствор соли, используемый для получения поваренной соли. 4. Булочка, посыпанная солью. 5. Густой суп русской кухни. Разновидность щей (*kapuśniak*) [SJP]. Заметим, что, несмотря на два значения, обозначающих блюда, на польских кулинарных сайтах название *solanka* применяется только по отношению к булочке, посыпанной солью, а суп русской кухни чаще всего даётся под названием *kapuśniak*, восходящее к наименованию одного из главных его составляющих – капусты. То же самое обнаруживается в польских кулинарных книгах и кафе.

Капустник : *kapustnik*, *kapuśniak*. Ещё один соотносительный ряд ложных соответствий, корень которых однозначно указывает на капусту – популярный у славян овощ, упоминаемый в древнерусских текстах с XI века [СРЯ XI-XVII вв.:7:68], в старопольских – с XV века [Słownik staropolski:16:239-240]. Сразу оговоримся, что лексема *kapustnik* в современном польском языке встречается только в терминологическом обозначении бабочки-капустницы, или белянки капустной (лат. *Pieris brassicae*), – *bielinek kapustnik*. В разговорной речи эту бабочку обычно называют *bielinek* или *motyl*. Значительно чаще в качестве ложных друзей переводчика выступает пара *капустник* : *kapuśniak*, так как оба эти наименования могут обозначать блюда русской и польской кухни, но не только их. Сравним значения этих слов в современном русском и польском языках.

Русский язык	Польский язык
1. <i>Нар.-разг.</i> Огород, поле, засаженные капустой. 2. Капустный червь. 3. <i>Нар.-разг.</i> Капустный пирог. 4. Самодеятельное представление – шутивно-пародийные сценки на местные темы. [Кузнецов 2000:417]	1. Zupa z kapusty ‘суп из капусты’. 2. Zgr. od kapuśniaczek – drobny deszcz ‘грубое от kapuśniaczek – мелкий дождь, изморось’. [SJP]

Итак, у анализируемой нами пары выявляются следующие семы: ‘блюдо’, ‘место’, ‘насекомое’, ‘осадки’, ‘представление’. Полного совпадения не обнаруживается ни по одной семе в современных русском и польском языках. Так, сема ‘насекомое’ частично совпадает для коррелятивной пары *капустник* : *kapustnik*. Так, в русском языке слово *капустник* обозначает капустного червя, тогда как в польском языке *kapustnik* – это бабочка-белянка, капустница, то есть насекомое, развившееся из червя. Не совпадает и сфера употребления лексем: в русском – нейтральная, в польском – терминологическая. Впрочем, как это будет видно дальше, в русском языке значение ‘бабочка’ тоже было. Неодинаково представлена в русском и польском языках сема ‘блюдо’: в русской кухне *капустник* – это выпечка, в польской *kapuśniak* – одна из разновидностей супов, причём, судя по данным кулинарных книг и сайтов, это целый класс супов, которым в русской кухне соответствуют щи и солянки. Остальные семы в современных русском и польском языках не совпадают.

Так, сема ‘представление’ реализована только в русском языке. Она возникла на основе семантического переноса названия пирога-капустника на самодеятельное представление. Театральный капустник, популярный в актёрской среде конца XIX – начала XX века, включал не только юмористические сценки на местные темы, но и обязательное угощение в виде капустного пирога (капустника). Впервые слово *капустник* в значении «самодеятельное театральное представление» отмечается в 1926 году в работе К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» [Черных 1999:1:59].

Сема ‘осадки’ реализуется только в польском языке и обозначает мелкий дождь, который нередко идёт во время посадки капусты.

Чтобы проанализировать сему ‘место’, сделаем пару временных срезов. Обратимся к данным словарей конца XIX – начала XX веков и к историческим словарям, фиксирующим употребление слов в старорусский и старопольский периоды.

Русский язык	Польский язык
1. Капустный огородь.	1. Zupa z kapusty ‘суп из капусты’.
2. Пирогъ с капустою.	2. Miejsce, gdzie rośnie kapusta ‘место, где растёт капуста’.
3. Огородникъ или продавецъ капусты.	3. Kwas z kapusty kiszanej ‘рассол с квашеной капусты’.
4. Охотникъ до нея.	[SJP 1900-1927:2:254]
5. Капустный червь и самая бабочка, бѣлянка.	
6. Кто капустить, воняеть.	
[Даль:III:219]	

<p>1. Участок земли, засаженный капустой.</p> <p>2. Тот, кто выращивает и продаёт капусту.</p> <p>3. Пирог с капустой. [СРЯ XI-XVII:7:68]</p>	<p>Ogród warzywny ‘огород’. [SP XVI:10:107]</p> <p>1. W XIV w. potrawa z kiszzonej czy słodkiej zieleni ‘в XIV в. блюдо из квашеной или свежей зелени’.</p> <p>2. Pierwotne polewka z młodych liści ‘изначально суп из молодых листьев, побегов растений’. [Brückner 1985:218]</p>
---	--

Как видим, сема ‘место’ до начала XX века представлена в обоих языках, причём после XVI века он реализуется одинаково: «место, где растёт капуста», до XVI века в польском языке *kapuśniak* – это место, где растут любые овощи, но, по данным словарей А. Брюкнера и В. Борыся, до XIV в. под капустой понимали не только белокочанную капусту, но и любые побеги растений.

Мы проанализировали далеко не все названия, соотносимые с русской и польской кухней, которые могут ввести путешественника в заблуждение. К ним можно отнести не только пары, которые в обоих языках связаны с кухней, но и такие лексемы, которые в одном из языков выходят за рамки обсуждаемой темы, например *приставка* : *przystawka* ‘закуска’, *платки* : *plátky* ‘хлопья’, *перники* : *pierniki* ‘пряники’, *родинки* : *rodzynki* ‘изюм’ и многие другие. Однако семантические несовпадения в этой группе наименований возникли по другим языковым закономерностям, чем в описанной выше группе.

Список использованной литературы

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с. [Кузнецов 2000]

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1989–1991. [Даль]

Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подгот. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова, М. В. Пименовой. – М. : Сов. Россия, 1990. – 304 с. [Домострой]

Словарь русского языка XI–XVII веков : вып. 1 – (29) ... / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; гл. ред. В. Б. Крысько. – М. : Наука – Азбуковник, 1975 – (2011) ... [СРЯ XI–XVII вв.]

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с. [Шведова 2007]

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд. / П. Я. Черных. – М. : Изд-во «Русский язык», 1999. [Черных]

Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Прозерпина, 1994. – 400 с. [Шанский]

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : т. 1-(13)... / гал. Ред. Г. А. Цыхун. – Мн. : Акадэмія навук БССР; Беларуская навука, 1978 – (2010) ... [ЭСБМ]

- Этимологический словарь славянских языков : Праславянский лексический фонд. Т. 1 – (38) ... / под ред. О. Н. Трубачёва, А. Ф. Журавлёва. – М. : Наука, 1978 – (2012)... [ЭССЯ]
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / Wesoł Boryś. – Kraków : Wydawnictwo Literackie Sp. Z o.o., 2006. – 861 s. [Boryś 2006]
- Brückner A. Słownik języka polskiego / A. Brückner. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1985. – 806 s. [Brückner 1985]
- Kuchnia polska: Wszystkie przepisy Polska [Электронный ресурс] / URL: <http://allrecipes.pl/przepisy/polska.aspx> (Дата обращения: 04.03.2014)
- POLSKI FUSION – Tradycyjna i nowoczesna kuchnia polska – Przepisy [Электронный ресурс] / URL: http://www.kwestiasmaku.com/kuchnia_polska/polski_fusion.html (Дата обращения: 04.03.2014)
- Przepisy kulinarne: Kuchnia.pl [Электронный ресурс] / URL: <http://gotujmy.pl/przepisy-kuchnia-polska.html> (Дата обращения: 04.03.2014)
- Słownik języka polskiego [Электронный ресурс] / URL: <http://sjp.pwn.pl> (Дата обращения: 04.03.2014). [SJP]
- Słownik języka polskiego: w 8 t. / pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. – Warszawa, 1900–1927. [SJP 1900-1927]
- Słownik polszczyzny XVI wieku: zesz. 1–34.../ red. naczelny M.R.Mayenowa. – Wrocław, 1956 – 2010... [SP XVI]
- Słownik staropolski : w 76 zesz. / K. Nitsz, Z. Klemensiewicz, S. Urbańczyk i in. – Kraków, 1953–2002.

ИНТЕРНЕТ-ОБЗОРЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕХНИКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЕЙ

И. А. Шушарина, Н. В. Гилёва*

Наша работа посвящена речевому жанру, который в последнее время стал очень популярен в сети Интернет. К текстам этого речевого жанра мы всё чаще обращаемся, когда обдумываем, какую выбрать модель сотового телефона или планшетного компьютера, ноутбука или плеера, фотоаппарата или телевизора, холодильника или стиральной машины... Перечислять разные виды техники можно долго. Чтобы остановиться на какой-то конкретной модели необходимого нам девайса, мы должны увидеть, как он выглядит, сравнить технические характеристики разных моделей, увидеть результаты их тестирования, прочитать отзывы счастливых или разочаровавшихся обладателей и в конечном счёте получить оценку аппарата, увидеть или услышать совет: покупать его или остановить свой выбор на другой модели. Для всего этого служат обзоры.

* Шушарина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Гилёва Наталья Владимировна – студент группы Ф-5259 филологического факультета (отделение русской филологии) Курганского государственного университета.

Возникли обзоры на базе **технической документации**, которая представляет собой набор документов, используемых при создании и использовании каких-либо технических объектов (зданий, сооружения, промышленных товаров, программного и аппаратного обеспечения). Техническую документацию принято разделять на конструкторскую и технологическую. **Конструкторская документация** описывает, из каких деталей состоит объект, что нужно сделать, чтобы его отремонтировать, какие требования предъявляются к его эксплуатации. **Технологическая документация** включает документы, определяющие технологический цикл изделия, его технические характеристики (габариты, тип и объём матрицы, тип процессора, тип и размер дисплея и т.д. и т.п.). Техническая документация опирается на ряд документов: на ГОСТ-ы, на Единую систему программной документации (ЕСПД), на Единую систему технологической документации (ЕСТД) и т.д. Таким образом, в основе обзора лежат тексты официально-делового стиля.

Основными его чертами являются стандартизованность (использование речевых штампов, клише, готовых языковых конструкций, сведение ситуаций к стандартным), унифицированность, стремление к точности, объективности изложения информации, отсутствие экспрессии, использование уточняющих конструкций и т.д.

Посмотрите первый информационно-ознакомительный обзор смартфона Sony Xperia Z2:

Модель оснащена 5,2-дюймовым дисплеем Live Color LED Display с разрешением Full HD, четырехъядерным процессором Snapdragon 801 MSM8974A с тактовой частотой до 2,36 ГГц, 3 ГБ RAM, аккумулятором емкостью 3200 мАч. Основная 20,7-мегапиксельная камера Exmor RS умеет снимать 4К-видео и обладает функцией дополненной реальности. Корпус аппарата пыле- и влагозащищен в соответствии со стандартами IP55/58. Толщина устройства – 8,2 мм, вес – 158 г. В роли ОС выступает Android 4.4 Kitkat. В остальном новинка повторяет своего предшественника Sony Xperia Z1. Sony Xperia Z2 выйдет в продажу в марте нынешнего года по цене около 30 000 рублей. Покупателям предложат три цветовых варианта модели. Видео далее.

Обзор сделан по строгой схеме, в чём отражается унифицированность этого типа текстов:

- Дисплей (размер, тип, разрешение)
- Процессор (количество ядер, тип, таковая частота)
- Память (размер оперативной памяти, размер встроенной памяти, возможность подключения дополнительной памяти или памяти облака)
- Ёмкость аккумулятора

- Камера (основная: количество мегапикселей, дополнительные характеристики; фронтальная: количество мегапикселей)
- Тип корпуса
- Габариты аппарата (толщина, длина, высота; вес)
- Операционная система
- Цена

Все эти характеристики обязательно представлены в кратких и полных обзорах любого смартфона и планшетного компьютера.

Точность информации обусловлена указанием конкретных цифр, характеризующих те или иные параметры аппарата. Объективность информации достигается за счёт того, что, во-первых, предоставляемая информация опирается на техническую документацию, сопровождающую устройство, во-вторых, за счёт результатов различных тестов, которым оно подвергается. Проверяются, как правило, скорость реагирования аппарата на те или иные задания (например, скорость включения, скорость подключения к сети Интернет, производительность, время работы, возникающие ошибки при максимальной загрузке аппарата, качество фото- и видеосъёмки в разных условиях и при различной освещённости объекта и т.д.).

Однако сухие цифры читать, слушать или даже смотреть в видеозаписи, современному пользователю скучно. Объективность хорошо доходит до ума, но не до сердца (и, что самое главное, кошелек) потенциального покупателя.

Задачи обзора состоят не только в том, чтобы дать пользователю объективную информацию об объекте, но в том, чтобы заинтересовать его, воздействовать на него как на потенциального покупателя, дать оценку объекта (причём в этой оценке объективное очень часто перемежается с субъективным). А это уже задачи публицистического стиля.

Отсюда следуют эмоциональность в изложении материала, страстность человека, готовящего обзор, использование разговорных языковых единиц, доходчивость изложения.

Рассмотрим, например, небольшой обзор смартфона Goophone S5, сделанный 26 февраля 2014 года тестером под ником Lega. Он пишет:

GOOPHONE S5 — ПОДДЕЛКА ПОД GALAXY S5

Буквально пару дней прошло со времени презентации смартфона Galaxy S5, как уже появилась его китайская подделка под названием Goophone S5.

Внешне китайфон очень похож на флагман Samsung, но начинка его все же иная. Нужно отметить, что устройство не является пустышкой, — это довольно мощный смартфон, но все же не S5.

Goophone S5 имеет 5-ти дюймовый экран разрешением 1080p, восьми-ядерный процессор MediaTek частотой 2 ГГц, 2 Гб оперативной памяти, 32 Гб

встроенной с поддержкой карт памяти *microSD*, 13 МП основную камеру, 5 МП фронтальную и аккумулятор емкостью 2800 мАч.

Сканера отпечатков пальца, равно как и датчика пульса, нет, зато имеется поддержка работы с двумя SIM-картами. Сети LTE также не поддерживаются, только 3G (HSPA).

Работает смартфон *Goophone S5* под управлением *Android 4.2 Jelly Bean* и имеет полный доступ к приложениям *Google Play*. Его стоимость составляет 300 долларов.

Кстати, среди продуктов данного производителя имеются также «умные часы» *Goophone Smartwatch*, работающие на *Android 4.0* с интерфейсом очень похожим на *Windows Phone*. Устройство оснащено 1.54 дюймовым дисплеем разрешением 240×240 пикселей, 2-х ядерным процессором *MediaTek* частотой 1.2 ГГц, 512 Мб оперативной памяти и 4 Гб встроенной.

Имеется также 2-х мегапиксельная камера и аккумулятор, рассчитанный на двое суток работы в режиме ожидания. Может работать в сетях третьего поколения. Цена *Goophone Smartwatch* также 300 долларов.

Как и в первом обзоре, здесь представлена объективная информация о «начинке» аппарата (размер и разрешение экрана, тип процессора и количество встроенных в него ядер, тактовая частота процессора, объём оперативной и встроенной памяти, характеристики основной и фронтальной камер, ёмкость аккумулятора, поддержка сетей, тип операционной системы, стоимость аппарата). Кроме этой деловой информации, в обзоре явно присутствует оценка, которая обнаруживается уже в названии обзора: «*Goophone S5* – подделка под *Galaxy S5*». Выражена она через оценочное слово «подделка», которое имеет разговорный характер. Это же слово повторяется и в самом тексте обзора: «китайская подделка под названием *Goophone S5*». Еще три оценочных слова можно обнаружить во втором абзаце текста: это индивидуально-авторское образование *китайфон*, которое подчёркивает пренебрежительное отношение к тестируемому аппарату и противопоставляется ставшему уже обычным обозначению ведущих моделей производителей – *флагман* («*Внешне китайфон похож на флагман Samsung*»). Вторая разговорная по сфере употребления лексема, получающая в контексте положительную коннотацию, благодаря отрицательной частице, которая сопровождает лексему, – *пустышка*: «*устройство явно не является пустышкой*». Лексема *пустышка* в переносном значении, которое реализуется в данном контексте, обозначает что-то ненастоящее, несущественное, не имеющее серьёзного содержания [Шведова 2007:779]. Еще одна оценочная лексема с положительной окрашенностью – *мощный* («*это довольно мощный смартфон*»). В данном контексте слово ограничивается разговорной сферой употребления и имеет

значение «выдающийся, производящий сильное впечатление» [Шведова 2007:464].

Субъективная оценка устройства прослеживается и на синтаксическом уровне. Она реализуется в модели предложения «Оценка А (высокая), но всё же не оценка Б (очень высокая)», которая в большей степени устраивает тестора: «*Это довольно мощный смартфон, но всё же не S5*».

Далее субъективная оценка обнаруживается в предложениях, перечисляющих, какие функции оригинального аппарата отсутствуют в подделке: «Сканера отпечатков пальцев, равно как и датчика пульса, **нет**... Сети LTE также **не поддерживаются**». При этом отрицание ставится в конец предложения – одну из коммуникативно значимых его частей.

Кроме того, под влиянием разговорной речи в текстах обзоров нередко обнаруживаются речевые и грамматические ошибки. Так, например, в анализируемом нами обзоре находим фразу «буквально **пару дней прошло**». Грамматически верно она звучит так: «пара дней прошла»: Сочетание *пара дней* выступает в качестве подлежащего, следовательно, числительное *пара* ставится в форме именительного падежа, а глагол-сказуемое должен согласовываться с существительным *пара* в роде (в данном случае – женском).

Таким образом, обзоры объединяют в себе черты двух функциональных стилей русского литературного языка – официально-делового и публицистического. Подобные тексты до сих пор не являлись объектом исследования филологов, но, на наш взгляд, заслуживают их внимания.

Источники

<http://www.lifemob.net/goophone-s5-poddelka-pod-galaxy-s5/>

<http://mobbit.info/item/2014/02/25/flagmanskii-smartfon-sony-xperia-z2-predstavlen-official-no-11-foto-video>

Список использованной литературы

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с. [Шведова 2007]

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКО-РУССКИЕ ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА : К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ

И.А.Шушарина, А.П.Шумилова*

Проблема понимания текста – одна из давних проблем философии, герменевтики, филологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и других гуманитарных наук. Ранее всего проблемами понимания, в частности проблемами понимания библейского текста занялась герменевтика, в рамках которой устанавливался смысл отдельных частей текста, что в конечном счете должно было способствовать пониманию Священного Писания в целом, а углубление понимания смысла текста обусловлено повторным возвращением от целого к части и от частей к целому. Таким образом, подобно расходящимся на воде кругам, знание текста и его понимание должно постоянно расширяться. Метод герменевтического круга был введен Ф. Шлейермахером [Шлейермахер 1987] и используется для интерпретации различных текстов до сих пор. И к библейским текстам мы также возвращаемся снова и снова.

В последние десятилетия в России возобновился интерес к религии, что породило множество новых попыток перевода, в процессе которых появлялись ошибки, связанные с недостаточными знаниями церковнославянского языка массовым читателем. Причем ошибки и затруднения вызывают не столько слова и устойчивые сочетания, не употребляющиеся в современном русском языке, сколько те, которые имеют одинаковую или сходную материальную оболочку, но разное значение. В современном языкознании идентичные или сходные по форме единицы разных языков, имеющие разную семантику, до сих пор не имеют единого названия. К ним применяют термины *межъязыковые омонимы*, *межъязыковые паронимы*, *обманывающие когнаты*, *мнимые эквиваленты*. На наш взгляд, наиболее удобным и ёмким термином является *ложные друзья переводчика*, который мы используем в наших работах.

Ложные друзья переводчика применительно к библейским текстам изучались исследователями лишь в малой степени [см., например, Седакова 2005], между тем их анализ и описание поможет избежать многих ошибок понимания и инотолкования текстов, которые многими расцениваются как сакральные.

Материалом для создания нашей статьи стали современные издания евангельских текстов, из которых было выписано 208 пар «ложных друзей перевод-

* Шушарина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Шумилова Анастасия Павловна – выпускница филологического факультета (отделение отечественной филологии) Курганского государственного университета.

чика». Для уточнения информации мы обратились к материалам «Полного церковно-славянского словаря» Г. Дьяченко [Дьяченко 1993] и словаря «Церковно-славянско-русских паронимов» О.А. Седаковой [Седакова 2005], а также к «Словарю старославянского языка» [ССС 2006], «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов» [Шведова 2007], к этимологическим словарям («Этимологический словарь славянских языков» [ЭССЯ], этимологическому словарю М. Фасмера [Фасмер 1986]) и к словарю современного русского языка [Шведова 2007].

Применительно к проблемам понимания иноязычных текстов А. А. Горбачевский писал: «Любой язык обладает своими индивидуальными и неповторимыми особенностями создавать на основе своих внутренних ресурсов мысли, которые средствами другого языка и таким же способом нельзя выразить» [Горбачевский 2013:6]. Эта мысль применима не только к языкам, далеким по своему происхождению друг от друга, но и к родственным. Не являются исключениями и русский с церковнославянским. При этом тот факт, что из церковнославянского языка в русский пришло множество заимствований, только затрудняет адекватное восприятие церковнославянского текста, ведь в восточном (древнерусский язык) и южном (болгаро-македонские диалекты, на основе которых был создан старославянский язык, а затем развились его местные церковные изводы) диалектах общеславянского языка некоторые лексемы к IX–X веку уже имели разные значения. Так ст.сл. *воуи* ‘неразумный, глупый, безумный’ [ССС 1986:I:147]: *оуподобитъ сѧ мѧжю воую* – Мф 7, 26, т.е. ‘уподобится человеку глупому’, *воуѧ бо прикъмѧ свѣтильникы своя . не възаша бо съ собою олѣѧ* – Мф 25, 3, т.е. ‘глупы те, кто взяли свои светильники, но не взяли с собою масла’ – др.рус. *вѧи* имело несколько значений: ‘сильный, большой’, ‘отважный, смелый’, ‘дерзкий, своевольный, склонный к бесчинству’ и лишь последнее, редко встречающееся в летописях и, вероятно, заимствованное из церковнославянского ‘безумный, глупый’ [СРЯ XI–XVII:I:349]: *встѣписта, господина, въ злата стремянъ за обидѣ сего времени, за землю рѣсскѣю, за рангы Игоревы, бѣго* (т.е. отважного, смелого) Сватославлича! – Сл. о п. Иг.

Древние различия перешли также в церковнославянский (современная церковь пользуется синодальным церковнославянским языком, кодифицированным Священным Синодом при патриархе Никоне в середине XVII века) и современный русский языки. Но поскольку в современной средней школе не преподаются даже основы старославянского / церковнославянского языка, то со значениями многих слов, встречающихся в евангельских текста, носители современного русского языка не знакомы. Смысловая структура высказывания кажется человеку, воспринимающему текст, вполне очевидной, но это впечатление может оказаться ошибочным. Например, в Евангелии от Матфея читаем: *вставите дѣтеи*

приходити ко мнѣ и не браните имъ – Мф 14,22. В одном предложении нас подстерегает сразу две опасности неверного перевода. Первое слово – вставите – ассоциируется с русским **оставить**, то есть ‘уйдя, удалившись, не взять с собой’, ‘сохранить, приберечь’: *О. еду на завтра*, ‘сохранить в каком-л. состоянии, без изменений’: *О. решение в силе*, ‘запечатлеть где-н., на чём-н., сохранить не исчезнувшим’: *О. о себе память*, ‘передать кому-н. в пользование’: *О. в наследство*, ‘заставить остаться’: *О. гостей ночевать*, ‘удалиться от кого-чего-л., покинуть’: *О. семью*, ‘прекратить, перестать заниматься чем-н.’: *О. надежды*, ‘не предоставить чего-н.’: *О. без подарка*, ‘перестать существовать, исчезнуть’: *Силы меня О.* [Шведова 2007:579]. Второе слово **бранити** имеет русский аналог **бранить**, который употребляется в следующих значениях: ‘порицать, выражать своё недовольство бранными словами’, *перен.* ‘подвергать осуждающей критике’ [Шведова 2007:59]. Следовательно, предложение носителями русского языка воспринимается приблизительно так: ‘*оставьте детей, чтобы приходить ко Мне, и не ругайте / не осуждайте их*’. Но в церковнославянском языке эти слова имеют совершенно другое значение: **вставити** ‘разрешить, позволить, дать сделать что-л.’ [Седакова 2005:230], **бранити** ‘запрещать, возбранять, не допускать’ [Дьяченко 1990:58]. Следовательно, точный перевод фразы должен звучать так: ‘*разрешите детям подходить ко Мне, и не запрещайте им*’.

Еще одна пара ложных друзей переводчика: ц.сл. **висѣти** и рус. **висеть**. В русском языке слово имеет следующие значения: ‘находиться в висячем положении, уцепившись за что-н. руками или другой частью тела’, ‘будучи прикрепленным вверху, находиться в направленном вниз положении без опоры’, *перен.* ‘летать, кружа над ограниченным пространством, или зависнуть над чем-л.’, ‘выдаваться, выступать вперед какой-н. своей частью’, *перен.* ‘ожидаться, предстоять’ [Шведова 2007:94]. Ни одно из этих значений не перекликается с церковнославянским значением ‘зависеть, состоять’ [Дьяченко 1990:78]. Отсюда возможная ошибка в толковании текста **Въ сию обою заповѣдию весь законъ и пророцы висѣтъ** – Мф 22, 40: не ‘*в этих двух заповедях весь Закон и пророки висят*’, а ‘*в этих двух заповедях весь Закон и пророки состоят*’.

Слово **свѣзати** имеет русский аналог **связать**. Русское слово имеет значения ‘сплести руками, крючком, спицами или на машине из какого-н. материала’, ‘завязывая, соединить одно с другим’, ‘соединить, установить связь, общение, близость между кем-, чем-л.’, ‘установить, открыть связь, зависимость между чем-л.’, ‘лишить свободы действия, деятельности, стеснить чем-н.’ [Шведова 2007:865]. Учитывая приведенные значения, предложение и **еже аще свѣжеши на земли, вѣдетъ свѣзано на небесѣхъ** на современный русский язык ошибочно

можно перевести так: «и что сплетишь / свяжешь / соединишь на земле, то будет сплетено / связано / соединено на небесах» или «и что будет лишено свободы действия на земле, то будет лишено свободы действия на небесах». В то время как в церковнославянском языке слово связати имеет значение ‘не прощать, не разрешать’ [Дьяченко 1990:582], то есть адекватный перевод звучит так: ‘и что не простишь на земле, то не будет прощено на небесах’.

Можно задать справедливый вопрос, почему в близких языках развились такие семантические несоответствия. По большей части церковнославянско-русские ложные друзья переводчика возникли в связи с актуализацией разных сем у одного исходного общеславянского слова. Например, мы можем с уверенностью сказать, что и церковнославянское слово **бѣдныи**, и русское **бедный** возникли на основе общеславянского *bĕdъnъ(jь) [ЭССЯ:II:57–58], которое в свою очередь было образовано от общеславянского *bĕda [Там же:54–56], имевшего в частности семы ‘страдание’, ‘бедствие’, ‘несчастье’, ‘нужда, бедность’, ‘недостаток’. В значении русского прилагательного актуализировались семы, связанные с материальными проблемами: ‘то же, что неимущий’, с недостатком, нехваткой чего-л.: *перен.* ‘имеющий недостаток в чем-н., скудный’: *Бедное воображение. Край беден лесом*», с эмоциональным состоянием: ‘несчастный, жалкий’ [Шведова 1997:34]. В церковнославянском языке, напротив, актуализировались семы, связанные с физическим недостатком, физическим страданием: ‘не имеющий какого-либо члена, увечный, калека’ или состоянием, которое может причинить страдание: ‘опасный’ [Дьяченко 1990:64]. Исходя из этого, неверно могут быть поняты евангельские фразы: **и ништыи и бѣдныи и хромыи и слѣпыи введи сѣмо** – Лк 14, 21, т.е. ‘и нищих, и калек (не бедных!), и хромых, и слепых введи сюда’; **бѣдно ми есть и глаголати, и молчати** – Ин 19, 40, т.е. ‘опасно (не бедно!) мне и говорить, и молчать’.

Очень редко можно обнаружить слова, форма которых совпала случайно. Это пары гетерогенного происхождения: церковнославянское – из греческого или общеславянского языка, русское является поздним заимствованием из других языков. Так, ц.сл. **бракъ** ‘свадебный пир’ [Седакова 2005:67; ССС 2006:I:139], в русском языке имеет два омонимичных аналога: пришедшее из общеславянского языка **брак**¹ ‘семейные супружеские отношения между мужчиной и женщиной’ и заимствование из немецкого языка **брак**² ‘не соответствующие стандартам, недоброкачественные, с изъяном предметы производства, а также сам изъян в изделии’ [Шведова 2007 : 58]. При переводе церковнославянских текстов следует помнить, что **брак**² в русском языке появилось не ранее XVI века [СРЯ XI-XVII:1:314], а в языке церкви это слово отсутствует. Ц.сл. **бракъ** и рус. **брак**¹ являются суффиксальным производным от общеславянского глагола *bъrati: *bъr-a- + -k(ъ) [ЭССЯ:9:160-161], причем первоначальным значением этого слова

было процессуальное: ‘свадьба, свадебный пир’, то есть непосредственно тот момент, когда мужчина ‘берет’ женщину в жёны. В древнерусском языке у этого слова реализовывалось три значения: ‘брак, супружество’ (как и в современном русском языке), а также утратившиеся сейчас ‘брачный обряд, свадьба’, ‘праздничный пир, праздник’ [СРЯ XI-XVII:1:314]. Тем не менее неверным является перевод фразы *тогда возвратишася ѿ бракъ* – Лк 12, 36 – ‘тогда прекратили брак / супружеские отношения’. Верный перевод: ‘тогда вернулись со свадебного пира’.

Понимание евангельских текстов, написанных на синодальном церковнославянском языке, может быть затруднено и частичными межъязыковыми синонимами, то есть коррелятами, у которых некоторые значения в церковнославянском и современном русском языках совпадают, но имеются и значения, присущие только одному языку. При этом носителю современного русского языка особенно трудно осознавать значения, которые отсутствуют в его родном языке. Так, корреляты *сосѣдъ* : *сосуд* в церковнославянском и русском языках имеют общее значение ‘вместилище для жидких и сыпучих тел’, поэтому фраза *мѣдрыѣ приѣша елѣи въ сосѣдѣхъ* – Мф 25, 4 – не может быть воспринята неверно: ‘мудрые / предусмотрительные (девы) взяли масло в сосудах’. Зато у современных читателей вызовет затруднение значение лексемы *сосѣдъ* ‘имущество’ [ССС 206:IV:343; Седакова 2005:335]: *како можетъ кто внити въ домъ крѣпкаго и сосѣды его расхитити* – Мф 12, 29 – ‘как может кто войти в дом сильного и имущество его украсть’. Корреляты *смирѣнныи* : *смирѣнный* также имеют общее значение ‘проникнутый смирением’, однако в церковнославянском языке лексема *смирѣнныи* может употребляться также в значении ‘низкий, убогий’ [Седакова 2005:321]: *низложи сильныѣ со престолѣ и вознесе смирѣныѣ* ‘сверг сильных с престола и вознес убогих’ – Лк 1, 52.

Таким образом, проблема понимания евангельских текстов – наиболее часто читаемых – в настоящее время является актуальной. Тексты, издаваемые на церковнославянском языке, необходимо снабжать комментариями, в которых особое внимание уделяется ложным друзьям переводчика.

Список использованной литературы

Горбачевский 2013. Горбачевский А.А. Семантика и прагматика в поэтическом переводе / А. А. Горбачевский. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. – 318 с.

Дьяченко 1993. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений) / Г. Дьяченко. – М. : Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – 1120 с., репринт. воспроизведение издания 1900 г.

Седакова 2005. Седакова О. А. Церковнославянско-русские паронимы : Материалы к словарю / О. А. Седакова. – М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. – 432 с.

СРЯ XI-XVII. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып 1 - ... - М. : Наука, 1975 - ...

ССС 2006. Словарь старославянского языка. Репр. Изд.: В 4 т. / Ред. Й. Курш. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

Фасмер 1986. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – М.: Прогресс, 1986.

Шведова 2007. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

Шлейермахер 1987. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. – М. : Науч. изд., 1987. – 218 с.

ЭССЯ. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва; Вып. 2. – М. : Наука, 1975. – 238 с.

Принятые сокращения

др.рус. – древнерусский

Ин – Евангелие от Иоанна

Лк – Евангелие от Луки

Мк – Евангелие от Марка

Мф – Евангелие от Матфея

рус. - русский

Сл. о п. Иг. – Слово о полку Игореве

ст.сл. – старославянский

ц.сл. – церковнославянский

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТАФОР В СБОРНИКЕ Т.ТОЛСТОЙ «РЕКА»

И. В. Щурова*

В современной науке метафора стала фокусом многоаспектного изучения. Предметом нашей работы являются метафоры в прозе Татьяны Толстой. Материалом исследования послужил сборник рассказов «Река», изданный в 2007 г., так как в этом сборнике собраны произведения разных лет и стилистических направлений, что даёт возможность на его примере наиболее полно охарактеризовать художественный мир метафор в творчестве писателя. Актуальность работы обусловлена спецификой произведений Татьяны Толстой, творчество которой представляет собой заметное явление в современной литературе, поэтому исследование её языка, художественных методов, приёмов необходимо для понимания современного литературного процесса.

Многообразие и богатство метафоры проявляется в различных подходах к изучению этого элемента художественного языка. Поэтому существует целый ряд различных классификаций метафор по форме и содержанию. В лингвистических исследованиях, в том числе в работах Василия Павловича Москвина, предлагается, в частности, семантическая классификация метафор.

Одно из направлений такой классификации предполагает группировку метафор по тематической принадлежности вспомогательного субъекта, то есть в соответствии с тематической соотнесенностью сравнения, лежащего в их основе.

* **Щурова Инна Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Например, метафоры, в основе которых лежит сравнение с рыбной ловлей («*попасться на удочку*»); шахматной игрой («*оказаться в патовой ситуации*»); стрельбой («*стрелять глазами*»); театром («*играть роль*»); медициной («*болезни общества*»), спортивные («*избирательная гонка*»); финансовые («*девальвация духовных ценностей*»); военные («*битва за урожай*»); анималистические («*револьверный лай*»); антропоморфные («*Лесных котов не должно смешивать с теми удалцами, которые бегают по крышам домов*» Н. Гоголь); пространственные («*высокие цены*») [Москвин 2006:74].

При классификации метафор по основному субъекту в качестве последнего могут выступать, например, такие понятия, как красный цвет («*вишневая шаль*»); неопределённо-большое количество («*море людей*»); смерть («*куснуть вечным сном*»). Такая группировка метафор по основному субъекту применяется при построении лексических классов и семантических полей.

По степени смысловой удалённости основного и вспомогательного субъекта метафорическая номинация может осуществляться двумя способами: за счёт внутренних резервов семантической микросистемы или путём использования средств другой семантической микросистемы или поля. Считается, что «самые прекрасные образы – те, что самым прямым и быстрым путём соединяют элементы действительности, далеко отстоящие друг от друга» (И. Голль). Классификация метафор по общности и вспомогательного, и основного субъектов связана с выявлением лексических групп, способных принимать переносные значения по формулам метафорического переноса. Например, вращение – управление («*вертеть мужем*»), водное пространство – большое количество («*море цветов*»). Данная классификация используется для определения источников становления или пополнения лексических микросистем языка.

Проза Татьяны Толстой метафорична и по форме, и по содержанию. По мнению исследователя творчества писательницы Александра Гениса, метафора – «главное орудие Толстой, это её волшебная палочка, возвращающая быль в сказку» [Генис:214].

Открыв в окружающем богатую возможностями метафору, Толстая не отпускает её, пока та не отдаст тексту всю свою повествовательную энергию. Чтобы прочертить маршрут рассказа, следует проследить за приключениями его ключевой метафоры. Способ анализа произведений Т.Толстой (к чему и призывает сам автор) – искать «ключевую метафору», которая разлита в тексте. Не найдя этого ключа, читатель рискует заблудиться в густой и красивой словесной вязи Толстой, так и не проникнув в её своеобразную философию жизни...

Интересно, что в одном из интервью Татьяна Толстая описала рождение метафор в своих текстах:

«У меня так устроена голова, что я должна произносить слова, то есть я смотрю на красивую природу или на забавную сценку, я не могу просто смотреть, я её должна проговорить, я её должна назвать, понять, как это делается... Желание постоянно называть, вербализовать было у меня всегда» [Приморская]. Таким образом, становится понятно, что движущей силой рождения метафор у автора становится стремление передать своё, отличное от других видение предмета. И это стремление, реализуясь в текстах, создаёт уникальный авторский стиль, который позволяет идентифицировать тексты Толстой с ней самой.

Исследуя природу метафоры у Толстой, мы обнаруживаем этот троп уже в названии сборника «Река». Так, двоякая семантика слова «река» (водный поток и метафорический образ реки жизни или потока событий), вынесенного в общее название сборника Татьяны Толстой, указывает на специфику позиции автора в оценке реалий окружающей действительности.

Непредсказуемость течения водного потока соотносится с непредсказуемостью движения жизни: автор сознательно настраивает читателя на такое восприятие текстов сборника, что даёт себя знать не только на уровне семантики названия, но и на уровне содержания рассказов. Неожиданные «открытия» основного персонажа меняют его жизнь, направляют её в другое русло, определяют другие приоритеты. Однако эта изменчивость может выступать и в качестве константы непрерывания и постоянства движения, стабильности и неотвратимости изменения – примеры такого понимания образа реки автор предлагает и в других рассказах сборника.

Применив семантическую классификацию, среди метафор Толстой можно выявить несколько групп. Большинство составляют индивидуально-авторские антропоморфные и зооморфные метафоры, с помощью которых создается индивидуальность слога Татьяны Толстой.

Яркая индивидуально-авторская метафора Толстой хороша тем, что при её восприятии возникает целый сонм ассоциаций. За семантикой слов, которые создают метафорический смысл в сознании читателя, возникают и чисто субъективные, добавочные ассоциации, связанные со спецификой воспринимающей личности.

«У неё есть мои ключи, и она входит с дождя в моей одежде: в омерзительной акриловой кофточке, в затвердевшей в чемоданной могиле юбке, в надоевшем мне ещё в прошлом сезоне пальто без сносу: карикатура на меня, такая, какой бы я стала, если бы мне от природы достались ловкие руки, крепкая спина, непритязательный вкус и малолитражный мозг». [Толстая:16]

Окказионализмы – слова, созданные в противоречии с законами словообразования, использованы в этом случае для номинации одежды прошлых лет, отслужившей уже своему хозяину, и человека, который их носит. Метафоры

«непритязательный вкус» и «малолитражный мозг» однозначны и говорят о том, что человек малообразован.

В рассказе «Золото» Т.Толстая уделяет большое внимание описанию золота и его свойствам:

«Золото – веселье и жизнь, серебро – грусть и умирание. Золото – жара, юг, день; серебро – холод, ночь, север. Золото – лето, серебро – зима; золото – песок, серебро – снег. Золото – смех, серебро – слёзы» [Толстая:43].

С помощью метафор она противопоставляет золото и серебро и приписывает им определенные качества, которые ассоциируются с каждым из металлов.

При этом, описывая золото, автор не избегает общеупотребительных метафор, традиционно приписывает золоту магическую власть над человеком: *«золотое сердце», «золотые руки», «золотое времечко»* [Толстая:44]; *«...оно (золото) сводит человека с ума, завораживает, зачаровывает, слепит...»* [Толстая:45].

В рассказе «И с боку бантик» мы наблюдаем преобладание антропоморфных метафор.

«Или цельного молочного поросёночка, беленького амурчика с детской улыбкой» [Толстая:50].

«Бараньей ногой на то место, где кость, надевают белую гофрированную розетку, словно невесте» [Толстая:52].

В первом примере жареный поросёнок сопоставляется с ангелом, невинным и нежным, вызывающим умиление. Во втором случае баранья нога сопоставляется с невестой, которая надевает на ногу красивую подвязку перед свадебным торжеством.

Окказиональные метафоры применяются автором в описании Господа:

«Господь ложится травой под ногами, дует ветром, лает собакой, бьёт волной о берег, бежит облаком, снится сном, льётся вином» [Толстая:58].

Господь сопоставляется с окружающей нас действительностью: травой, ветром, собакой, т.е. всячески сообщая нам о своём присутствии.

Окказиональные метафоры использованы и в оценке языка:

«...начинаешь видеть бронзовый блеск слов, твёрдые их очертания» [Толстая:187].

«...превращал мутную жесть иностранных языков в прозрачное золото русской речи» [Толстая,187].

«Слово – смысл, это внутренний луч...» [Толстая:188].

«Оглядываясь назад, на гору прочитанной забракованной мною иностранной литературы...» [Толстая:191].

Развёрнутая индивидуально-авторская метафора соотносит слова и язык с металлами и светом. Главная тема данных отрывков – богатство, сила русского языка и его превосходство над иностранными языками.

Чрезвычайно часто Толстая использует общезыковую метафору для обрисовки внешности, а через внешность – характера героя.

«То есть муж был ничего (не сам по себе, а в плане дизайна): он был худой, весь в чёрном, в обливку, а голову побрил до сизо-седого подшёрстка, перекликавшегося с металлом дверных ручек» [Толстая:24].

Для оценки внешности героя прилагательные подобраны нарочито из другой среды («в плане дизайна», «в обливку», «металлом дверных ручек») создаёт образ человека-вещи, ограниченного и приобретённого сугубо ради выполнения конкретных функций.

«Саша легко бросается в толпу, и мы, как овцы за пастырем, пытаемся устремиться за ним, но вязнем в толпе, закручиваясь в её водоворотах» [Толстая:131].

С помощью данной метафоры мы представляем молодого, энергичного, полного сил человека. Метафора «как овцы за пастырем» является зооморфной. Люди сопоставляются со стадом овец по признаку «кучности» и по признаку присмотра за ними. Главный герой же, напротив, выглядит как человек, способный противостоять обстоятельствам и вести за собой других людей.

«Неприменно, непременно куплю себе квартиру в Питере, слеплю себе гнездо из пуха, слюны, разбитых скорлупок своих прежних жизней...» [Толстая:299].

Ещё одна зооморфная метафора у Т. Толстой сопоставляет человеческое жильё с птичьим гнездом, «слепить гнездо» – значит создать уют, тепло семейного очага. В этой метафоре сквозит стремление начать свою жизнь сначала, по-новому, правильно, извлекая уроки из старых ошибок.

«Она была большая женщина, широкая от старости...» [Толстая:355].

«Древнее, чешуйчатое от дряхлости лицо...» [Толстая:355].

«Эта женщина, древняя, как океан...» [Толстая:355].

С помощью этих метафор Т. Толстая опять же выразительно и очень метко говорит нам о пожилом возрасте женщин. Перед читателем сразу же встает образ очень пожилого человека с точными приметам старости.

Анализируя зооморфные и антропоморфные метафоры, можно сделать вывод о том, что большая часть примеров портретных характеристик людей представлена зооморфными метафорами, тогда как для описания предметов и их характеристик часто используется антропоморфная метафора. В этой особенности художественного стиля Т. Толстой заключается оригинальность её языка.

Несмотря на яркое своеобразие языка, Т. Толстая активно использует и общеупотребительные метафоры. Общеупотребительные метафоры использованы в описании природы и окружающей обстановки:

«Она извлекает из карманов сплюснутые сухофрукты и клянётся, божится, что это и есть плоды райского сада...» [Толстая:191].

«...он (художник) отверзает духовные очи, он понимает глубоким внутренним чувством, что именно может закрыть перед ним райские ворота...» [Толстая:236].

«Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне...» [Толстая:320].

Своеобразные клише, которыми, по сути, являются общеупотребительные метафоры, отсылают читателя к классической литературе. Можно отметить, что в большинстве примеров присутствует описание моря и живой природы – цветов, деревьев. Именно описанию природы Т. Толстая уделяет большое внимание, наделяя её человеческими свойствами.

«Солнце первого января, что в Москве, что в Питере садится в четыре часа дня, так что достаётся на нашу долю разве что клочок серого света, иссечённый мелкими, незрелыми снежинками, или красная, болезненная заря...» [Толстая:19].

Заре приписывается человеческое свойство «болезненности».

Человеческими свойствами автор также наделяет цветы и фрукты, как будто это всё живёт и взаимодействует, подобно людям. Читая рассказы Т. Толстой, мы видим, что она наделяет человеческими свойствами не только природу, но и предметы. Так, например, «золотые цепи пляшут», подобно человеку:

«...сквозь прозрачную воду видно, как пляшут по песку золотые цепи...» [Толстая:273].

«Русская классическая литература стыдлива и целомудренна в описании сцен любви...» [Толстая:330].

Русскую литературу автор сравнивает с целомудренной девушкой в любовных отношениях.

«Но сад меняется, отцветает, опадает, зарастает и гложет, ускользает, превращается, преображается, отплывает кораблём от причала и растворяется в тумане, с нами, же остаются лишь смутные очертания парусов да скрип снастей» [Толстая:191].

В этом примере Толстая олицетворяет сад, который живёт своей независимой жизнью.

Использование автором приёма метафорического олицетворения говорит о её стремлении очеловечить весь материальный мир человека, всю Вселенную.

На основании семантического анализа 68 метафор можно сделать следующие выводы.

Большинство метафор Т. Толстой являются индивидуально-авторскими, меньшая часть метафор представлена общеязыковыми метафорами. Индивидуально-авторские метафоры, как правило, характеризуются использованием необычных сравнений, сопоставлением предметов разного порядка, в то время как общеязыковые метафоры часто отсылают нас к классическому языку и высокому стилю.

Как правило, метафоры в рассказах сборника характеризуют явления природы, предметы интерьера, человека, его внешность, поступки, чувства и ощущения. В этом случае доминирующими являются зооморфные и антропоморфные метафоры. Количественное соотношение антропоморфных (7) и зооморфных метафор (16) говорит о стремлении автора одушевлять неживые предметы.

Антропоморфные метафоры олицетворяют природу, уподобляя её человеческим проявлениям. Человеческие черты в природных явлениях придают им самостоятельность и осмысленность действий. Метафоры, используемые в пейзажных зарисовках, очень многочисленны и разнообразны.

Метафоры, характеризующие различные предметы, также разнообразны и во многом символичны. Предметы часто олицетворяются и сопоставляются с животными или людьми. Люди, наоборот, уподобляются животным или неживым предметам как в своих поведенческих реакциях, так и в чувствах и эмоциях.

Метафоры, дающие портретные характеристики героев, описывают людей с необычных сторон. Также следует отметить метафоры, которые через внешность описывают внутренний мир героев. Метафоры, употребляемые для описания свойств личности героев, характеризуют и определённые черты характера, и само мироощущение героев, их восприятие жизни.

В целом семантическая классификация показала, что метафоры в творчестве Т. Толстой неожиданны, разнообразны, неоднозначны и очень эмоциональны.

Метафоры играют важную роль в произведениях писателя, придают богатство и образность языку. Метафоры Толстой глубоко своеобразны и обладают рядом присущих только автору характеристик: неожиданность сравнений, многоплановость, цитатность и реминисцентность, символичность, абсурдизм, что делает прозу Толстой неповторимой и притягательной, а самого автора одним из наиболее талантливых писателей нашего времени.

Список использованной литературы

- Генис А. Как работает рассказ Толстой / А. Генис // Звезда. – 2009. – №9. – С.213–217.
- Москвин В.П. Стилистика русского языка : теоретический курс / В. П. Москвин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 630 с.
- Приморская Е. Мы с Дуней из «Школы злословия» / Е. Приморская [Электронный ресурс] / URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/story/tolstaya/> (Дата обращения: 04.03.2014).
- Толстая Т.Н. Река : сборник рассказов / Т. Толстая. – М.: Эксмо, 2007. – 384 с.

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

А. А. Юнаковская*

В период освоения Северной Азии территория Среднего Прииртышья входила в мировую экономическую систему, при этом население Сибири освоило почти все доступные ей завоевания в области материальной, социальной и духовной жизни, сохранило сложившиеся торговые пути (в том числе меридиальную часть Великого шёлкового пути, соединяющую саргатское население с районами Арала и Средней Азией). В научной литературе отмечается, что со времён неолита сибирские сообщества были синполитальными, то есть ориентированными на Китай (термин В. И. Матющенко), что не могло не отразиться в языке. Также историки отмечают, что со второй половины XVII века торговые люди начали устанавливать внешние торговые связи с восточномоногольскими группами, Китаем, в городах стали появляться в качестве «постоянных жителей» бухарцы, торговавшие не только скотом, но и среднеазиатским шёлком, коврами [История Сибири 1987].

Анализ литературы показал, что возможно выделение нескольких уровней этнических и этнокультурных контактов в границах Прииртышья. Можно предположить, что шло активное «освоение» существующего на территории Сибири пространства материальной культуры, которое создаётся географической средой и наименованием её частей. При этом макротопонимия, объединяя названия крупных географических объектов и систем, а также политико-административных единиц, имеет широкую сферу функционирования.

Микротопонимы (индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей местного ландшафта – лесов, полей, урочищ) создаются на основе местной географической терминологии, отличаются неустойчивостью и подвижностью. Микротопонимия возникает на базе диалектных форм языка и имеет сферу функционирования, ограниченную территорией распространения данного говора.

Наиболее древний слой представляет гидронимия. Источники формирования культурного (в том числе и топонимического) пространства Среднего Прииртышья «дорусского» периода различны.

К наиболее древним следует отнести те гидронимы, которые «не раскрываются из известных языков Сибири» [Малолетко 1999: 170]. Это бассейн Васюганья.

* Юнаковская Алла Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Далее в процессе освоения региона формируется своеобразное «двуязычие», которое нередко сопровождается сосуществованием двух имён: так, тюрк. *Иртыш* «бурная река, землерой» у ханты называлась *Катан-ас* «татарская река», а у манси – *Сан* «большая река», а также «исток, приток».

В результате анализа топонимического пространства Среднего Прииртышья в нём выделяется несколько субстратных слоёв и разрядов нерусских элементов. Это древние дотюркские (р. *Иртыш* ← *Ир* «бурный» + *тыш* от кет. *чеш*, *шеш*, *сис*, *се* «река», оз. *Артево*, оз. *Картово*, оз. *Телютово* и др. от хант. *теи*, *тои* «озеро», р. *Калья*, р. *Суя*, р. *Тынья* и др. от манс. *ја* «река» и т.п.), древнетюркские («законсервированные») (в названиях д. *Азы* и *Тайга* сохранились названия древних тюркских племён *аз* и *тайга*), живые тюркские (тип *Аул*, *Баш* / *Бас*, *Елга*, *Куль*, *Саз*, *Тамак*, *Туп*, *Тюп* и др.), посттюркские («адаптированные») (*Опту* «язь» → *Оптово*, *Артук* «больше» → *Артык*, *Карасук* → *Новокарасук*, р. *Кыртау* → *Кыртовка*, оз. *Черлак* → оз. *Сухое*, *Апкыш* → *Березянка* и т.п.). Со временем формируется тюрко-русское двуязычие. При этом названия как сохраняются, так и подвергаются различной ассимиляции.

В границах таёжного Прииртышья уживалось многоязычное население. Прежде всего, происходило взаимодействие «дорусского» населения. При этом учёные говорят о «многослойности» заселения территории.

Рассматривая историю формирования региона, также необходимо учитывать различные «межсибирские» языковые контакты жителей Северной Азии и их отражение в речи.

В обско-угорских языках выделяются также значительные пласты татарских, коми, самодийских заимствований. Источники их появления различны. Возможно, это связано с тем, что наблюдалось две «волны тюркизации» местного населения [А.П. Дюльзон]. А сами тюркоязычные татары сложились к XIV–XV вв. на основе угроязычных, кетоязычных и самодийских групп, подвергшихся смешанной тюркизации (со стороны Алтая, Енисея, верховьев Оби). Всё это не могло не сказаться на гидронимии и языках местного населения.

Ко времени прихода русских ханты-мансийские племена находились на заключительных этапах разложения первобытнообщинного строя. Они и сибирские тюрки жили в одном государстве – Сибирском ханстве. При этом часть ханты и манси подчинялась сибирским татарам с целью получения дани – ясака. Установление первых контактов обско-угорского населения с тюркскими племенами происходило в VI–IX вв.: в лесостепь Западной Сибири начинают проникать различные тюркские племена, в результате к XV–XVI вв. сформировалась новая этническая группа – «тюркоязычные татары». Татарское население, распространившись среди манси, частично ассимилировало их, частично смешалось с ним (манси «отатарилась» [Ф.Т. Валеев]). Обские угры также заимствовали у

татар некоторые элементы материальной и духовной культуры, что привело к установлению между ними семейно-брачных отношений.

На территории таёжного Прииртышья сформировалась в результате смешения тюрков и угров «тевризская группа» [Н.А. Томилов]. При анализе саргатской культуры (сформировавшейся на территории таёжного Прииртышья) выделяются обско-угорские черты. Так, в погребальном обряде заимствован ряд ритуальных действий (обёртывание в бересту, захоронение в берестяном коробе, поломка вещей с целью освобождения души вещи, культ белого металла (серебра, оловянистой бронзы) и т.п.). Местными по происхождению можно считать некоторые сюжеты искусства: изображение утки, соболя, волка, зайца и т.п. [Матвеева 1995:II:31]. В культуре тарских татар возможно также выделение угорского пласта [М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко]. К нему можно отнести в доисламских верованиях обрядовые действия с «куклами», «священными деревьями», которые были характерны для угров.

В хозяйственно-бытовой сфере татары заимствовали у угров некоторые способы охоты на зверей и птиц, рыболовства, обработки мехов, шитья некоторых видов меховой одежды и обуви, также некоторые виды пищи, это не могло не сказаться на речи. В результате взаимодействия появляется общая бытовая лексика в разносистемных языках. Так, среди терминов охотничье-рыболовческого лексикона современных тарских татар встречаются единицы, имеющие, по мнению учёных, обско-угорские корни. Так, термин *йесе, ейсе, ёзе, ицек, исе, уцек* «котец» в различной огласовке присутствует во всех говорах сибирских татар. Это орудие рыбной ловли, имеющее строго определенную форму и состоящее из трех частей: *тояк* «изгородь из тонких, вертикальных шестов, связанных в верхней части веревкой» (*бау, орган*) или тонкими черёмуховыми прутьями, направляющих открылок (*конат*), *корзин*. Исследователи сравнивают приспособление с манс. *ишĕ, ишиĕ, иис* «забор, изгородь, ограда, ограждение, загон, город», *иисут* «изгородь», *истĕ, иистĕ, иисет* «запор для рыбы, изгородь», хант. *ваĕ, воĕ* «рыбачить с помощью *восет*», *восе'т* «плотина, запруда» [А.Г. Селезнёв, И.А. Селезнёва].

Также в литературе отмечается, что происходило заимствование тех или иных видов одежды. Например, для курдакско-саргатских татар характерно использование верхних защитных рабочих штанов *кор цолбар* «снеговые штаны, чехлы для штанов», что идёт от обычая надевать поверх зимней меховой одежды чехлы-навершники для защиты от загрязнения и сырости у угров. Также наиболее распространённым типом кожаной обуви была шитая мягкая выворотная обувь типа бродней, которая называлась *чарык / чарок, чарук, царык, царых*, а также *продни, протна, падол / тутул*. Она использовалась как мужчинами, так и женщинами в качестве повседневной, рабочей и промысловой обуви. При этом

чарык – это вариант западносибирского типа обуви, варианты которой распространены у ханты, манси, селькупов, кетов, хакасов и т.п. У курдакско-саргатских татар был промысловый вариант – *чарык*, у ханты и манси существовала обувь в виде *черка* [Смирнова 1999] (Ср. слова, употребляемые в омских говорах и речи жителей г. Омска: *Чарки* – (устар.) кожаная обувь, чаще женская, с опушкой и завязками [ГРО, СРСГСП. Т. III. С. 296], *Чарок*, *Чарочек*, *Чарочек*, *Чеверяк* [СРСГСП. Т. III. С. 296, 300]).

Вероятно, можно говорить, что к приходу русских наблюдается активное взаимодействие обско-угорских и тюркских племён на различных уровнях. В процессе контактирования обско-угорские языки также заимствовали те или иные единицы из тюркского и русского языков. Так, из татарского языка в обско-угорские перешли такие единицы, как манс. *ōi* «мнение, мысль», хант. *oi* «совет, совещание» (< тат. *oi* «мнение, совещание»), манс. *tuman*, хант. *tuman* «замок, ключ» (< коми *toman* «запор, замок»). Из самодийских языков, и в первую очередь из ненецкого, обские угры заимствовали ряд терминов, относящихся к оленеводству: манс. *mois'an*, хант. *molyps'a* «вид одежды из оленьего меха» (< самод. *malit'e*, *mal'ce* «мех»), из русского языка обско-угорские языки переняли манс. *estöken*, хант. *astakan* «стакан», манс. *kuašna*, хант. *kovašna* «квашня» и т.п. [Языки народов СССР 1966:318]. Также считаются татарскими архаизмами хант. *känsä / kansa / qansa* «трубка для курения» (ср. тат. *канса*), *kaläk* «ребро медведя» (ср. тат. *qalaq jauryn* «лопатка»), *jätä* «хотеть, иметь желание» (ср. тат. *jetäk* «есть, поедать пшцу», *jetäw* «поправляться») и т.п., русскими заимствованиями – такие единицы, как хант. *kartus*, *kartyus* «фуражка», *košovka* «кошовка», *kotomka* «котомка», *köšel* «кошель», *kartop'ya* «картофель», *karasin*, *kapasin* «керосин» и т.п. [С.М. Исхакова].

Вопрос взаимодействия в границах региона дорусского населения требует своего разрешения, однако в данной работе он не является основным. Целью контактологических экскурсов было показать сложность языковой ситуации для русских, осваивающих новую территорию.

В границах региона происходит взаимодействие на разных уровнях, в том числе и в духовной культуре. Происходит взаимопроникновение отдельных элементов. При этом может сохраняться «память» о тех или иных событиях, но со временем возникают изменения, потому что более поздние события вытесняют из народной памяти предшествующие, что приводит к появлению наложений, искажений в рассказах о древних событиях. Можно выделить «общий» мотив об исчезновении (самоуничтожении) «чуди» (ханты, манси, татар): уходят в жилища, подпиливают стойки, обрушивают всё на себя и погибают. Подобные различия отмечены и в границах региона.

«Около деревни Кипо-Кулары существует т.н. «Девичий городок». Во время нашествия татар в этом городке жили ханты и манси. В этом городке находились женщины и дети. Несколько дней длился итурм городка. Часть женщин погибли, другая часть зашла в землянки, в которых они жили. Надрубали центральные столбы и засыпали себя. Оставшиеся в живых обратились в змей и убежали...» [Архив ОмГУ. Эксп. 1989 г. № 45].

С этим «городком» связано другое предание, в котором жертвами становятся не ханты и манси, а татары. *«В сторону Петрово в 2–3 км от Кипо-Кулар, на мысу – второе городище... Местные татары передают, что когда Ермак брал приступом Кулары, все молодые девушки бежали на Девичий городок и там спасались» [Палашенков 1980:87].*

По преданиям русских и татар, записанным в Омской области, татары могли «похоронить себя» и таким образом исчезнуть из какого-либо места. В этом мотиве отразилась «историческая память»: об исчезновении ханты и манси, о завоевании татар русскими (во главе с Ермаком). Происходит «наслоение» мотива. В результате «не исчезают только русские, так как они последними заселяли Сибирь» [Феоктистова 1998:139].

Важно отметить, что местное население (ханты, манси, тюркские племена) оказывало влияние на хозяйственную деятельность русских переселенцев. Так, в рыболовстве использовался опыт коренного населения: применяли сети (весной), ставные сети, заграждения, различные ловушки (при спаде воды), «уды» с железными и костяными крючками и т.п. В области жизнеобеспечения также происходило заимствование: в одежде (на основе тюркских образцов стали носить *тюбетейки, ичиги, яги* (дохи), *малахаи*, изобрели женский головной убор *стеганец*, вид валяной обуви *тимы*), в пище (стали употреблять *азу, беляш, бешбармак, баурсак, кумыс* и т.п.), в средствах лечения (стали применять прижигания, бараний жир, хвойные масла и настои, сибирские растения (ревень, марьин корень и т.п.) и т.п.), в средствах передвижения (некоторые виды лыж, лодок и т.п.), в строительстве жилищ и их убранстве. В конце XIX – начале XX в. проявляются результаты этнокультурного взаимодействия (в праздничном ряжении русских появились костюмы татар и казахов, в праздники пускались «*байки*» (скачки), появилась борьба «*на поясах*», сечение бичом и т.п.). До 1941 г. в Омске проводился общегородской праздник «Сабантуй». Все перечисленные факты говорят о способности русской материальной культуры воспринимать иноэтнические элементы и сохранять их.

С другой стороны, тюркские этносы перенимали под влиянием русских ряд элементов их материальной культуры: распространялись новые приемы полеводства (например, трехпольный севооборот), новые зерновые культуры – пшеница, рожь, овес.

Русские в Северной Азии не были первопроходцами, они шли за народами Севера, тюркоязычными, обско-угорскими народами, усваивали их достижения (В.И. Матющенко).

Анализ «Словаря русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой пол. XVIII вв.» (1991), составленного Л.Г. Паниным на основе архивных документов, показал, что можно выделить некоторые особенности взаимодействия русских с местным населением того периода. Для работы использовались словарные статьи с пометой «Тарск.», «Тобол.», а также единицы широкого ареала. В русской речи употреблялись единицы, отражающие социальное устройство местного населения: *Улус*, м. Поселение местных (тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири) (1609) (С. 161), *Юрт*, м. 1. Стойбище, татарское поселение. 2. Родственники, домочадцы (о коренных народах Сибири) (С. 173), *Урга*, стан, становище (1646) (С. 162), *Шайтан*, м. 1. Название божества некоторых коренных народов Сибири (?). 2. Идол. 3. Тотем у народов Сибири (1609) (С. 170), *Шертъ*, ж. Присяга, к которой приводились представители аборигенного населения Сибири согласно их обрядам и вере (С. 171–172), *Шертовать*, нсв. Присягать согласно обрядам и вере (об аборигенном населении Сибири). (С. 171), *Кыштым*, м. Данник, вассал, платящий дань (1648), *Ясак*, м. Налог с народов Сибири Московскому государству (повсеместно) (С. 175), *Ясатчик*, м. Сборщик ясака (1617) (С. 175), *Ясырь*, м. Пленник, невольник (С. 175) (название раба у местного населения), *Большая жена*. Старшая жена (у представителей коренных народов Сибири) (1641), *Князек*, *Князец*, м. Глава рода у аборигенов Сибири и т.п.

Также можно выделить единицы, отражающие повседневный быт: *Зипун*, м. 1. Крестьянская верхняя одежда в виде кафтана (1633). 2. Вид короткой одежды у местных народов Сибири (С. 51), *Кунтыш*, *кунтуш*, м. Нарядная одежда на меху (чаще беличьим или заячьим) (1734) (С. 68), *Малахай*, м. Теплая меховая или суконная, подбитая мехом, шапка с широкими наушниками и прилегающей к ней задней части (С. 73), *Малица*, ж. Верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь (С. 73), *Яга*, ж. Шуба мехом наружу (1738) (С. 174), *Пимы*, пими. 1. Сапоги из лосиной или оленьей шкуры мехом (шерстью) наружу (1734). 2. Валенки (1735) (С. 104), *Килим*, м. Ковер (1695) (С. 160), *Кунган*, м. Род металлического сосуда с крышкой (1734) (С. 68), *Кутаз*, м. Металлический колокольчик (С. 69), *Нарты*, мн. Большие длинные сани на широких полозьях, используемые для езды и перевозки грузов на оленях, собаках и ручной тяги (С. 182), *Камасы*, *камас*, м. Шкура с голени оленя (С. 58), *Оленина*, ж. Шкура оленя (1749) (С. 94), *Полсть*, ж. Покрывало из шкуры животного для ног седока в экипаже (1746) (С. 115), *Тыгыш*, м. Годовалый лосенок, шкура годовалого лосенка (1682) (С. 158), *Урман*, м. Тайга (1699) (С. 163) и т.п. (СлП). При этом часть единиц

является «общими заимствованиями» (характерными для ряда языков Сибири и Азиатского Севера).

Можно предположить, что данный перечень с большой степенью достоверности отразил период «освоения», «соприкосновения» с иноэтническим пространством, период формирования «поликультурной» ситуации, что позволяет выделять модель «переходного» периода при отрыве от общерусского мировосприятия с «коррекцией» на местные условия (это так называемая модернизация).

Данная территория являлась местом постоянных миграций досибирского населения, что не могло не сказаться на топонимике и словаре, также происходило разнонаправленное взаимодействие единиц автохтонных народов и русских единиц (обско-угорские → тюркские → русские, тюркские → обско-угорские → русские, тюркские → русские → обско-угорские, русские → тюркские → обско-угорские и т.п.).

Одним из аспектов этнокультурного взаимодействия можно считать процесс городской этнической адаптации переселенцев начального периода. Здесь происходило «смешение» русских служилых и посадских людей, «иноземцев» («людей из иных земель», чаще всего пленных из различных стран, в том числе «литвы») и «инородцев» (местных народов, бухарцев). Как правило, «литва» пополняла ряды военной администрации, а местные народы – служилых людей. В результате в границах города использовался ряд языков. При этом «толмачить» могли как русские, так и «новокрещены» из сибирских народов [А.А. Люцидарская].

В литературе отмечается, что в начальный период на новых территориях переселенцы не образовывали «этнического монолита», но русские первоходцы отличались терпимостью по отношению к иноземцам и инородцам. «В Сибири XVII в. людей ценили, исходя из позиции прагматизма» [Люцидарская 1995:166], а сами русские переселенцы в конце XVI–XVII в. рассматривали иноземцев и инородцев с точки зрения «полезности»

Российскому государству. При этом для русских было характерно преобладание непосредственного устного типа коммуникации (устной передачи информации), а для большей части «служилой литвы» – письменного [подробнее см.: Люцидарская 1992:60].

Однако со временем в связи с сокращением военных гарнизонов, постепенной утратой служилого сословия, вынужденным «обрусением» иноземцев формируется дистанция между старожилами и коренным населением. Это было связано с изменением как политических государственных установок, так и ценностных установок. Ссылные уже воспринимались как «чужие», инородные элементы в структуре общества. Данные взаимоотношения также поддерживались и управляющими чиновниками. (Подобное отношение проявлялось позже и к

вновь переселяющимся русским.) Данный тип взаимоотношения осуществляется уже на русской языковой основе.

Итак, вышеприведенный материал отражает период: а) первоначального заселения региона русскими и непосредственного взаимодействия с автохтонным населением, б) его освоения лицами разных национальностей, что привело к созданию ситуации «интенсивного многоязычия» регионального типа (с использованием говоров сибирских татар, языков ханты, манси). При этом изменения русского языка не происходит, а наблюдается проникновение в русскую речь единиц из других языков. Заимствования обнаруживаются на уровне различных форм русского языка (диалектов, городской и профессиональной речи).

Список использованной литературы

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки XVII – начало XVIII в. – Новосибирск, 1992. – 197 с.

Матвеева Н. П. Об иранском компоненте в Саргатской культуре // Аборигены Сибири. – Новосибирск, 1995. – Т. II. – С. 30-32.

Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. – Томск, 1980.

Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половине XVIII в. – М., 1991. – 181 с. [СлП]

Феоктистова И. К. Мифологические мотивы русского сибирского предания о мамонте // Филол. ежегодник. – 1998. – Вып. 1. – С. 34-39.

СОДЕРЖАНИЕ

Абросимова Е. А. (г. Омск) Современная эстрадная песня в интернетекстуальном аспекте.....	С. 3
Бабура Н. В. (г. Тюмень) Оносемантический приём объяснения лексического значения слов нравственной семантики как способ обогащения словарного запаса обучающихся	С. 8
Басова А. М. (г. Тюмень) О проекте словаря языковых стопперов в рекламных текстах	С. 12
Бутакова Л. О. (г. Омск) Лингвоюридическая экспертиза как одно из направлений современной филологической науки	С. 17
Вознюк Л. А. (г. Киев, Украина) Тематические группы личностных устойчивых сочетаний перифрастического характера в современных русскоязычных СМИ Украины	С. 28
Выхристюк М. С. (г. Тобольск) Синонимия как способ функционального осмысления лексического состава «Лечебника XVII века» и «Травника XVIII века»	С. 32
Гайда Р. Е. (г. Краков, Польша) <i>Porównania w Ognistym aniele Walerego Briusowa</i> – Сравнения в романе «Огненный ангел» Валерия Брюсова	С. 37
Григораш А. М. (г. Киев, Украина) Политические лозунги в современной русскоязычной прессе Украины: классика жанра	С. 55
Епифанова Е.А. (г. Курган) Отражение исторических реалий в агиографических предисловиях к произведениям Борисоглебского цикла	С. 59
Иванова Е. Е. (г. Курган) Речевая стилизация персонажей в повести И. С. Шмелёва «Лето Господне»	С. 70
Казенас О. А., Пережогина А. А. (г. Курган) Эмотивная лексика в речи мужчин и женщин (на примере произведения французской писательницы А. Гавальда)	С. 78
Карпова Н. А. (г. Томск) Обращение в административных объявлениях	С. 84
Кувалина С. С., Спирина И. А. (г. Курган) Метафора в поэтической речи М. Цветаевой	С. 90
Кувшинникова О.А. (г. Усть-Каменогорск, Казахстан) Некоторые особенности языковой организации речи повествователя в романе «Кысь» Татьяны Толстой	С. 100
Онищук Н.А. (г. Киев, Украина) Фразеологические инновации как отражение важнейших политических событий в Украине: «оранжевая революция» – «евромайдан» (на материале современной русскоязычной прессы Украины)	С. 106
Паклина Н.Н., Кувалина С.С. (г. Курган) Памятник XVI века «Житие и чудеса Преподобных Зосимы и Савватия – соловецких чудотворцев» (редакция Волоколамского сборника) как источник исследования синтаксисом	С. 110

Пивоварчик Т.А. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>) «Иронизирующий» дискурс газеты	С. 113
Ротанова Н.М. (<i>г. Курган</i>) Семантика и прагматика цветообозначений в пейзажах И. А. Бунина (на материале красного цвета)	С. 118
Сивкова Е. А. (<i>г. Челябинск</i>) Сочетания с шипящими и Ц в Севернорусском летописном своде XV века	С. 123
Сысуева Р.П. (<i>г. Курган</i>) Ревизская сказка 1858 года о государственных крестьянах и отставных солдатах деревни Речкиной Усть-Суерской волости Курганского округа Тобольской губернии как лингвистический источник	С. 129
Чернига С.А. (<i>г. Петухово Курганской обл.</i>) Место филолога и филологии в современном мире	С. 133
Черницына С.А. (<i>г. Курган</i>) Топонимика села Половинное Курганской области (по материалам диалектологической практики 2013)	С. 136
Шушарина И.А. (<i>г. Курган</i>) Barszcz : борщ, rosół : росол, или как не ошибиться, заказывая блюдо	С. 140
Шушарина И.А., Гилёва Н.В. (<i>г. Курган</i>) Интернет-обзоры электронной техники как источник изучения трансформации официально-делового и публицистического стилей	С. 147
Шушарина И.А., Шумилова А.П. (<i>г. Курган</i>) Церковнославянско-русские ложные друзья переводчика : К проблеме понимания евангельских текстов	С. 152
Щурова И.В. (<i>г. Курган</i>) Семантическая классификация метафор в сборнике Т. Толстой «Река»	С. 157
Юнаковская А.А. (<i>г. Омск</i>) Отражение межкультурного и межъязыкового взаимодействия в Среднем Прииртышье	С. 164
СОДЕРЖАНИЕ	С. 172

Научное издание

Филологические знания на современном этапе

Сборник статей

Выпуск 3

В авторской редакции

.....
Подписано к печати 04.06.14
Печать цифровая
Заказ № 178

Формат 60*84 1/16
Усл. п.л. 10,88
Тираж 100 экз.

Бумага 65 г/м²
Уч.- изд. л. 10,88
.....

Редакционно-издательский центр КГУ.
640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.